

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ОКТЯБРЬ
2002**

**ХЕШВАН
5763**

№ 10 (126)

ПРОСТО ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ

Пророк Ишаяу сказал:

«Ищите Г-спода, когда можно найти Его, призывайте Его, когда Он близко» (55:6)

Как понимать эти призывы пророка: как две поэтические редакции одного и того же стремления к Б-гу? Или у них разное содержание? Еврейские мудрецы придерживались второго мнения. Они считали, что речь тут идет о двух типах отношений со Всевышним. В первом случае Б-г кажется далеким, и поэтому человек прилагает усилия, чтобы найти Его, приблизиться к Нему.

Совершенно другая ситуация во втором случае: человек ощущает близость Всевышнего, и потому Его не надо искать – Он рядом.

Можно предложить такую аналогию. Одно дело, когда человек, преодолевая огромные трудности, попадает в царский дворец; и совершенно иное дело, когда царь сам выходит из дворца и общается с народом.

Всевышний всегда близок к человеку, хотя и не все сознают это. Однако есть моменты Его особой близости – когда Он выходит из дворца. Такой день – Йом Кипур: день покаяния и прощения. Это – самое благоприятное время для наших молитв.

Расскажу вам притчу. У одного царя был любимый сын. Он вырос и захотел жить независимо от отца: отправился в далекую страну, женился, завел себе дело и вспоминал об отце и стране своего детства все реже. Отец писал ему письма, но у сына как-то не оставалось времени отвечать. Он был очень занят, много работал, у него была большая семья, он уставал. В сущности, он был неплохой человек и даже по-своему любил отца. Иногда он думал: сегодня надо бы непременно ответить, но всегда находилось какое-нибудь неотложное дело.

А отец писал ему длинные письма и каждый день с надеждой заглядывал в почтовый ящик. Однако сын не отвечал. Отец приглашал его в гости: приезжай, пожалуйста, приезжай один или со всей семьей, я буду рад видеть вас, я скучаю. Но и на это сын не отвечал.

И тогда отец решил сам навестить сына. Он дал ему телеграмму: когда приедет, какой поезд, какой вагон. И пустился в далекий путь. Всю дорогу он мечтал, как обнимет сына. Поезд остановился на маленьком полустанке, когда смеркалось. Перрон был пуст. Сын не пришел. И из жителей никто не пришел, хотя цари никогда до сих пор не посещали эту глухомань. Может быть, тамошние жители ничего не знали, а скорее всего были просто нелюбопытны.

Местечко было далеко от полустанка, и не было не то что кареты – даже подводы. Так что старый царь пошел пешком по разбитой проселочной дороге и дошел до местечка уже ночью. Он нашел дом сына и постучал. Никто не ответил. Он постучал сильнее.

– Кто там? – раздалось из-за запертой двери.

– Это я, сынок, – произнес отец.

– А, это ты, – ответил ему сонный голос. – Но ведь я уже лег спать, устал, крутился весь день. Ты уж извини. Переночуй в гостинице, а завтра увидимся.

... Даже и не знаю, встретились ли они назавтра: ведь у сына, как всегда, была масса неотложных дел.

Это очень характерная история. Многие люди не в состоянии искать Б-га: ведь они очень заняты. И тогда Он в Своем милосердии Сам приходит к нам. Он стучится в двери нашего сердца и говорит: «Это я, сынок». Он не ломает двери, не навязывает Себя – тихо стучится. Все, что от нас требуется, – это открыть двери. Просто встать, открыть двери и пустить Его в нашу жизнь.

Легче всего сделать это именно в Йом Кипур.

Был такой хасидский праведник Мендл из Коцка. Когда его спрашивали:

– Ну, и где твой Б-г?

Он отвечал:

– Там, куда мы Его пускаем.

Áëááí úé ðáááéí Ðíííè Ááðè Éàçàð

Ḥiṯ à-Ṣiṯà

Коронация

Èàè äöà í àí îéí ýàò ò àéí,

ò àè Á-àí àí îéí ýàò ì èð

Òàéì öä, Áḡiṯi éñ, 58a

*Á í î-ü í à Ḥiṯ à-Ṣiṯà àñà ñòìáá àí çàðàù ààòñý à èçí à-àéüü í à ññò ì ýí èá
Áíáóíýý àíéý àññiàèò è ãḡièì è ííæíù ààòñý Á-æáñò ááí í é ññi íñò ñþ; ì èð
í ðááù ààò à ññò ì ýí è è ñ à*

è öüðæ è ááì è è öü Áíáóíæ Áíéæ.

× æí áá-áñé í á ñéöæ áí è á í à Ḥiṯ à-Ṣiṯà ññò ì èò

á ò ì ì, ÷ ò í áù àññò àí í àè ò ü Á-æáñò ááí í ú è àò ðé áóò

òáðñò ááí í ññò è è çáí í áí í ḡiáóæ ò ü

Á-æáñò ááí í í á ææáí èá, «Áíññáðñò ááþ», çáéíì ø í ò áðà

Èáááèà

На одну ночь в году мир погружается в космический сон. На функциональном уровне спящий мир продолжает подавать признаки жизни: солнце все так же встает над землей, дует ветер, идет дождь, семя продолжает свой рост, животные все так же двигаются, люди – думают и чувствуют. Однако сознание творения погружено в оцепенение. Ибо сама душа его душ – «внутренняя воля»

Б-жественного желания творить – воспарила наверх, пребывая там, откуда она может созерцать свое тело и все живое, будучи от него отъединенной. Лишь «внешняя воля» – наиболее внешний элемент Б-жественного желания – продолжает поддерживать спящее тело творения.

Тогда пронзительный звук поднимается с земли и отзывается в небесах. Этот звук пробуждает спящую вселенную, заставляя ее душу вновь вернуться к осознанному бытию и своею волей одухотворить свою материальную оболочку.

То звучит зов шофара: глубокий и при этом абсолютно простой звук,

нота, лишенная какой-либо музыкальности. Этот абсолютно простой звук пробуждает душу творения и вновь возвращает ее к жизни.

Так кабалисты описывают космическую драму, повторяющуюся из года в год, когда мир «засыпает» в ночь на Рош а-Шона и «просыпается» на следующее

утро, разбуженный звуком шофара. Некоторые великие мистики утверждали, что в ночь на Рош а-Шона и наутро после нее они чувствовали физическую слабость: чутко реагируя на Б-жественные эманации, пронизывающие мир, ощущали их ослабление в Рош а-Шона. И как душа мира «отступала» от материального творения, – так души этих достойных людей стремились ослабить свою связь с телом.

Но что же имеется в виду при утверждении, что мир погружается в сон? Каким образом то, что мы трубим в шофар, может восстановить сознание и жизненную силу творения? Почему внутренняя воля Б-га отступает от мира в ночь на Рош а-Шона, а Его внешняя воля продолжает пребывать с миром? В чем состоит различие между внутренней волей и внешней волей? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны сперва понять функцию и динамику «воли» в нашей жизни.

Слои воли

Воля – душа деяния. В конечном счете ни один поступок не может быть совершен, если он не побуждаем волей.

Однако воля имеет многослойную структуру. Внешний слой воли приводит в исполнение наши решения. Под этим слоем находится другой слой, связанный с внутренней волей, под ним – еще один глубинный слой и так далее.

Тем самым связь между волей и деянием вовсе не есть нечто статичное, она изменчива и подвержена колебаниям. Порой самый внешний слой побуждает нас к действию, и тогда в этом действии присутствует наше желание, а совершив его, мы надеемся получить удовлетворение – у нас есть мотивация. Порой же все наши действия лишены жизни, мы совершаем их, будто в летаргическом сне, – это действия, поддержанные лишь глубинными слоями воли.

Чтобы пояснить сказанное, представим человека, у которого есть собственное дело. Этот бизнесмен совершает множество действий в течение дня: встает ранним утром, добирается до офиса, отвечает на телефонные звонки, встречается с потенциальными клиентами и т. д. На глубинном уровне к этим действиям его побуждает воля к их совершению: он хочет встать с постели, хочет завести машину, хочет снять телефонную трубку – если бы он не хотел этого, то не делал бы. Однако почему он хочет делать все это? На уровне глубинной воли он хочет, чтобы его дело процветало. Но – почему он хочет, чтобы оно процветало? Да ведь оно дает ему доход и престижный статус в социуме – и если бы не это, у него не было бы желания заниматься данной деятельностью. Но и здесь, если присмотримся, то увидим, что за желанием денег и статуса кроется желание иметь пропитание, крышу над головой и уважение таких же, как он. А оно, в свою очередь, восходит к желанию продолжить существование – такое желание присуще всякому живому существу.

Это не означает, что всякий раз, снимая телефонную трубку, наш бизнесмен делает это потому, что от этого зависит само его существование. По сути, он вовсе не уверен, что в результате данного разговора получит доход или что этот разговор так уж важен для его бизнеса. Но каждое его действие является конечным результатом цепочки волевых импульсов, поднимающихся из глубины его существа. Поэтому всякое действие – например, снятие телефонной трубки – «содержит» в себе всю последовательность импульсов воли, вплоть до самых глубинных и сущностных.

И душа действий этого бизнесмена – та глубинная «внутренняя воля», сопрягающая его поступки с глубинным вопросом о зависимости от них самого факта его существования. То есть – действие берет начало в самой глубине его «я». Это объясняет, почему владелец какого-либо дела, поднимая телефонную трубку, проявляет желание и заинтересованность куда бо́льшие, чем самый надежный сотрудник, работающий по найму.

Оценка

Но порой душа, оживляющая деяния, воспаряет над ними, чтобы сверху обозреть тело и жизнь, пребывая как бы отделенной от них.

Это те мгновения, когда человек подвергает свои действия переоценке. Действительно ли этот бизнес приносит доход? Действительно ли это то, что я хочу делать в этой жизни?

Он занят этим делом, как и прежде. Он все так же каждое утро поднимается с постели, едет в офис, отвечает на телефонные звонки. На внешнем уровне воли он продолжает «хотеть» это делать. Но глубинные слои его воли уже в этом не участвуют. И можно сказать, что дело «погружено в сон», оно живо лишь благодаря самым поверхностным волевым импульсам.

А потом происходит нечто, от чего у этого бизнесмена вновь загорается желание заниматься делом. Возможно, заглянув в годовой баланс, он увидел, что дело принесло хорошую прибыль, или вдруг пришел к выводу, что оно очень перспективно. Или в некой сделке материализовалось все, что ему нравится в своем деле, что укрепляет его самооценку и приближает его к жизненной цели. И его действия, до этого бездушно-механические, вновь наполняются жизнью и энергией. Бизнес пробудился ото сна.

Воля, направленная на мир

Раз в году мироздание застывает в состоянии, когда от него отступает дух, живящий этот мир.

Б-г оценивает Свое творение. Приносит ли оно доход? Отвечает ли оно Моим целям? Хочу ли Я и дальше выступать в роли «Творца»?

Солнце продолжает всходить, дует ветер, идет дождь, зерно продолжает расти. Желание Б-га, направленное на мир, продолжает удерживать вселенную в состоянии бытия и движения. Но желание Б-га, направленное на мир, – всего лишь внешний слой души мира.

Почему Б-гу желанен мир? Это мотив, лежащий слоем глубже, связанный с иным уровнем воли, а есть еще и еще более глубокие уровни. В кабалистических трактатах изложено множество мотивов, по которым Б-г сотворил мироздание: желание выразить бесконечность Своих возможностей; желание быть познанным тварью; желание блага... Каждый из этих мотивов относится к иному уровню Б-жественной воли, каждый описывает проявление души мира на ином уровне реальности.

В сердцевине всего этого лежит сама сущность Б-жественной воли к творению: Б-г сотворил мир потому, что желал быть царем.

Определение царственности

Б-г всемогущ и всемогущ. Потому, казалось бы, Ему очень просто было сделаться царем: нужно было просто сотворить мир, населить его живыми созданиями и править ими. Но одно это само по себе не сделало бы Его царем в истинном смысле этого слова.

Пастух, пасущий овечью отару в миллион голов, – еще не царь. Тиран, управляющий империей, которую населяет миллиард запуганных подданных, – еще не царь. Благодушный патриарх, чья власть распространяется на десятки его потомков, – еще не царь. Учитель, у которого тысяча преданных учеников, – еще не царь. У всех перечисленных персонажей есть одна общая черта: находящиеся под их властью подчиняются ей вынужденно. Они могут склониться перед этой властью в силу того, что пастух преданно заботится о нуждах стада, или в силу того, что тиран заставляет подданных подчиняться силой, в силу сыновних уз или из почтения перед мудростью учителя. Но, так или иначе, подчинение здесь – вынужденное. А истинная царская власть не может быть навязана насильно.

Истинный царь – тот, чьи подданные добровольно согласились повиноваться ему. Не потому, что они нуждаются в нем или боятся его силы, или любят его. Не от того, что осознают его величие. А из-за того, что они избрали его царем.

Вот потому, чтобы стать царем вселенной, Б-г сотворил человека – создание, наделенное свободой выбора. Он создал существо, которое одновременно было бы и дальше всех от Него, и близко Ему, как ни одно другое создание. Человек далек от Него, потому что является свободным и независимым созданием – он даже свободен восстать против своего Творца; и человек близок Ему, ибо он свободен и независим и в этом подобен Б-гу. По словам первого человека, Адама, «Последним и первым Ты создал меня» (Теилим, 139:5 в трактовке Ваикро Раба, 12:2; Ликутей Тора, Матойс, 81б). Б-г создал человека последним, из самой «неблагородной» материи – «из праха земного» – «и вдунул в ноздри его дыхание жизни», так что стал человек «по образу Б-га» (Брейшис, 2:7; там же, 1:27; см. Талмуд, Сангедрин, 38а).

Но раз в год «все сущее возвращается в изначальное состояние», и Б-г оценивает Свое желание, направленное на мир. Оценивает то сущностно-глубинное «почему», в силу которого Он занят нами как пастырь, владыка, отец и учитель. Раз в год Б-г задает Себе вопрос: «Зачем творить мир?»

Первая коронация

Время для этого космического аудита выбрано не случайно: Рош а-Шона – день, когда впервые была реализована власть Б-га над миром.

Рош а-Шона – шестой день творения, когда был сотворен человек. Б-г уже создал небо и землю, животных и ангелов; Он уже управлял миром, подчинявшимся Его власти, распространяющейся на тварей, Его боялись и Его любили, и были проникнуты сознанием Его мудрости. Но при всем том душа душ мира еще не была пробуждена. Затем Б-г сотворил человека, и тот был единственным из созданий, кто обладал свободой принять или отвергнуть своего Создателя.

И мгновением позже Б-г стал царем. «Когда Адам встал на ноги, – говорится в Зогаре (ч. I, 221б), – он увидел, что все твари перед ним трепещут и следуют за ним, как

слуги за хозяином. И тогда он сказал им: “Приходите, падем, поклонимся и преклоним колени пред Б-гом, Творцом нашим”» (Теилим, 95:6). Когда первый человек избрал Б-га царем, изначально предназначенное творение получило свою реализацию, и созданное Б-гом наполнилось бытием и жизненной силой.

Каждый год «все сущее возвращается в изначальное состояние», и отношения Б-га с творением оказываются подобны тем, что были до того, как Адам признал Его царственную власть. В ночь на Рош а-Шона «внутренняя воля» Б-га, направленная на творение, отступает, и мир погружается в состояние «сна».

Тогда пронзительный звук поднимается с земли и отзывается в небесах. Трубный звук шофара – это абсолютно простой звук, выражающий не страх подданного, не любовь ребенка, не изощренность понимания учеником своего наставника, а просто трубный звук коронации, когда люди венчают своего царя. Этот звук выражает простоту выбора – истинного выбора, свободного от всех внешних мотиваций и влияний.

Этот звук пробуждает спящую вселенную, заставляя ее душу вновь вернуться к осознанному бытию.

Éîî Êèîóð

Обратная биология

Á äèèèèîî ðàîîî î èèîîîäèèè ðü ääðîäèèè îîî ÿòî ääüü îîîðä.. Áäüü èîîää çäî ääüüîîî î äîüü.. çäî ääüüîîî î èèèüü..

Èç î îèèèèäü Î äîîä äÉîî Êèîóð

Á Äðüäüüîîî Î èðä îäè îè îèèèèè, îè îèèèèüü..

Òäèè ää, Äðîîèèñ 17a

Человек состоит из тела и души – физическая оболочка из плоти, крови, мышц и костей, населенная и оживляемая духовной силой, описанной хасидскими мудрецами как «буквально частица Всевышнего» (Тания, гл. 2).

Общеизвестная мудрость гласит: дух более возвышен, чем материя, а душа более свята (то есть ближе к Б-жественному), чем тело. Это понимание, по-видимому, подтверждено тем, что Йом Кипур, самый святой день в году — день, когда мы достигаем вершин близости с Б-гом, – предписан Торой как день поста. Это день, когда мы несомненно оставляем свое тело и его нужды, чтобы посвятить себя исключительно духовной деятельности – покаянию и молитве.

Однако в действительности день поста приводит к более глубокой, а не более отдаленной связи с телом. Когда человек ест, он питается поглощаемой пищей и питьем. В день поста жизненная сила поступает из самого тела, от энергии, хранящейся в его клетках. Другими словами, в менее священные дни

именно внешняя сила (энергия пищи и питья) удерживает тело и душу вместе; в Йом Кипур союз тела и души происходит от самого тела.

Так, Йом Кипур дает ощутить вкус кульминационной стадии творения, известной как «Грядущий Мир». Талмуд говорит нам, что «в Грядущем Мире нет ни пищи, ни питья» – утверждение это иногда понимают в том смысле, что в своей последней и самой совершенной стадии творение целиком духовно, лишено тел и всего физического. Об этом писали многие: Рамбам, рабби Саадия Гаон, Рамбан и др. Однако Кабала и хасидское учение описывают Грядущий Мир таким, где физическое измерение бытия не отвергнуто, но сохранено и возвышено.

То, что в Грядущем Мире «нет ни пищи, ни питья», объясняется не отсутствием тел и физической жизни. А тем, что в будущем мире само «тело будет питать душу», симбиозом материи и духа, когда человеку не нужны будут внешние источники питания, чтобы поддерживать его.

Конечно, в Талмуде и мидрашах можно отыскать упоминание и о том, что в Мире Грядущем будет пища и питье: например, «пиры», которые Б-г приготовит для праведных. В свете этого утверждение, что не будет «ни пищи, ни питья» можно истолковать в том смысле, что телу не потребуются еда или питье для питания – потребление еды и питья станет служить иным целям.

Два проводника

Физическое и духовное – творения Б-га. И то, и другое было сотворено Им из абсолютного небытия, и оба несут отпечаток своего Творца в отдельных качествах, их определяющих.

Духовное, с его неосязаемостью и трансцендентностью времени и пространства, отражает бесконечность и возвышенность Б-га. Духовное также от природы смиренно, с готовностью признавая свое подчинение Б-жественной истине. Именно эти качества делают духовное «святым» и проводником связи с Б-гом.

Духовные сущности, такие как души и ангелы, осознают себя скорее проводниками Б-жественного качества и цели, чем существами с собственным эго и индивидуальностью как физические создания. Самоотверженность духовного также различима в бессознательных вещах: мысль или чувство всегда направлены на что-то другое, тогда как физическое тело явно направляет их на самое себя.

Физическое, с другой стороны, осязаемо, эгоцентрично и имманентно. Эти качества определяют его скорее как «мирское», а не святое, отмечают его как затемнение, а не откровение Б-жественной истины. Ибо недвусмысленное «Я есть» физического противоречит истине, что «нет другого, кроме Него» (Дворим, 4:35) – что Б-г есть единственный источник и конец всего сущего.

Но в конечном счете все происходит от Б-га: каждая черта любого из Его творений исходит от Него и служит для откровения Его истины. И на более глубоком уровне те самые качества, что делают физическое «нечестивым», – делают его самым святым и Б-жественным из творений Б-га. Ибо что такое «Я есть» физически, как не эхо недвусмысленного бытия Б-га? Что есть осязаемость физического, как не указание на абсолютность Его реальности? Что есть «себялюбие» физического, как не подобие, пусть

и отдаленное, исключительности Б-жественного, выраженного в аксиоме «Нет другого, кроме Него»?

Сегодня физический мир показывает нам только свой самый поверхностный лик, и запечатленные на нем Б-жественные черты искажены, как будто они скрывают, а не обнаруживают благочестие. Сегодня, когда физическое тело говорит нам: «Я есть», оно обнаруживает не реальность Б-га, но независимое, самодостаточное бытие, скорее оспаривающее, чем повторяющее Б-жественную истину. Но в Мире Грядущем станет виден результат труда сотен поколений, направленного на очищение материального мира перед Б-жественным лицом, – истинный лик физического.

В Грядущем Мире физическое, как и духовное, будет проводником Б-жественности. На самом деле, во многих отношениях оно превзойдет духовное как проводник благочестия. Ибо в то время как духовное выражает различные Б-жественные черты — бесконечность Б-га, трансцендентность и т. п., физическое выражает бытие Б-га.

Сегодня тело должно относиться к душе как к своему нравственному ориентиру, источнику своей осведомленности и оценки всего Б-жественного. Но в Грядущем Мире «тело будет питать душу». Физическое тело будет источником осведомленности и распознавания Б-жественного, что более возвышенно, чем духовное видение самой души.

Йом Кипур — вкус этого будущего мира обратной биологии. Таким образом, это день, когда нас «сохраняет голод» (Теилим, 33:19), и мы получаем пищу из самого тела. В Йом Кипур – этот самый святой день – тело становится источником жизни и питания, а не потребителем.

Нóеéîñ

Четыре тайны царя Соломона

òðè (ááùè) mēdúòú äëý ì áí ý,

à ÷ àò ù ðáò ý í á çí àþ.

Ì èøéáé, 30:18

Í áñ í òðý í á áþ ì óáðíñòú äáðíááí í çþ Øëí ì... äëý í áñ áùèè ò áéííé × àò ù ðá Áéää. Èáí í áí èñáí í: «òðè ááùè mēdúòú äëý ì áí ý» – ýò í í áññáéññ áý æáðò áá, ì áòá è ì íðíéð [éí ò í ðúá ááýò á í áññáéññ ù é ñéää]; «à ÷ àò ù ðáò ý í á çí àþ» – ýò í × àò ù ðá Áéää [éí ò í ðúá ááðò á Нóеéîñ].

(Ì èáðáø Ðááá, Ááèéðí, 30:14)

В Суккос Тора предписывает нам взять Четыре Вида – эсрог (цитрон), лулов (нераскрывшийся лист финиковой пальмы), адас (миртовую ветвь) и арова (ветвь ивы).

«Письменная Тора» – Пятикнижие, как то часто бывает, передает предписание в нескольких загадочных словах. Она предоставляет расшифровывать смысл, скрытый в наставлениях, «Устной Торе» – передаваемой из поколения в поколение традиционной интерпретации Письменной Торы, которой учил Моше. В Письменной Торе стих, касающийся Четырех Видов, звучит следующим образом:

И возьмите себе... плод дерева великолепного, ветви пальмовые и отростки дерева густолиственного, и верб речных... (Ваикро, 26:40).

Царь Шломо, свидетельствует мидраш, был озадачен этим стихом. «Кто говорит, что “плод дерева великолепного” это эсрог?», — спрашивал он. «Все фруктовые деревья приносят красивые плоды! [Что же касается] “ветвей пальмовых”, Тора говорит нам взять ветви во множественном числе... однако мы берем лулов, нераскрывшийся лист пальмы. И кто говорит, что “отростки дерева густолиственного” это мирт? ... И относительно “вербы речной” – все деревья чаще растут у воды» (Мидраш Раба, Ваикро, 30:14; Танхума, Эмойр, 20).

И действительно, откуда нам известно, что «плод дерева великолепного, ветви пальм, отростки дерева густолиственного и вербы речной» – это эсрог, лулов, мирт и ива? Талмуд, итожащий сорок поколений устной традиции интерпретации Торы, устанавливает Четыре Вида в ряде гомилетических (проповеднических) объяснений и толкований слов на иврите, употребленных в этом стихе. Ключ к определению «плода дерева великолепного» – в слове адар, «великолепный», его также можно читать а-дар – «тот, который пребывает». Эсрог в этом уникален – все прочие плоды растут в какое-то определенное время года, а он «пребывает на дереве круглый год», продолжая расти и созревать в разных климатических условиях, подтверждает Талмуд (Сукко, 35а).

Относительно же лулова в Торе действительно написано: «ветви финиковых пальм». Но слово капойс, «ветви чего-то», написано без буквы вав. А значит, можно читать его капас, «ветвь чего-то», в единственном числе. К тому же слово капойс имеет также значение «связанный»: подразумевается, что мы должны взять нераскрывшуюся ветвь – «лист пальмы» (там же, 29б и 32а). Таким образом, Устная Тора определяет второй из Четырех Видов как лулов.

Есть много «густолиственных деревьев», чьи «листья полностью покрывают ствол»; но слово авойс, «густые», также означает «плетеные» и «веревкообразные». Поэтому «ветвь густолиственного дерева» анаф эйц авойс определяется как ветка мирта: его перекрывающие друг друга листья растут пучками по три, производя впечатление плетеной веревки. Под это описание подходит и другое растение – ирдуф, олеандр обыкновенный, но Талмуд отвергает эту возможность как несовместимую с правилом: «пути ее [Торы] – пути приятные, и все ее стези – мир» (Мишлей, 3:17). А ирдуф – колючее и ядовитое растение (Сукко, 32б).

Аровойс в этом стихе определяются как ветви ивы, так как ива чаще растет у воды и имеет листья удлиненной формы, похожие на реку (там же, 33б). Другой определяющий признак аровы: ива обычно – густые заросли, арова родственно слову ахва – «братство» (Талмуд, Шабос, 20а).

Конечно, царь Шломо, по свидетельству I Книги Царей мудрейший из людей (5:11), был столь же искусен в толкованиях Торы, как и мудрецы Талмуда, чьи рассуждения приведены выше. В любом случае, в Торе много загадочных мест, где законы выводятся из двойных значений и вариативного написания слов. Драматическое заявление Шломо, касающееся эсрога, лулова, мирта и ивы – «[Три сокрыты для меня], а четырех я не знаю» – должно предвещать более глубокий смысл. А именно – смысл, относящийся к внутреннему значению Четырех Видов, которые берут в Суккос.

Четыре рода людей

Четыре Вида, говорит мидраш, соответствуют четырем типам людей.

Миссия человека в жизни состоит из двух основных задач: учения и действия. Тора – это инструмент, посредством которого мы получаем знание о нашем Творце и способность проникновения в суть жизни. Мицвойс, Б-жественные заповеди, – средство, при помощи которого мы строим лучший и более святой мир, превращая физическое творение в «дом Б-га». Эти два стремления определяют четыре типа личности, представленных в Четырех Видах.

Эсрог, обладая приятным вкусом и восхитительным ароматом, представляет совершенного человека, который и учится, и действует. Лулов – побег финиковой пальмы, приносит плод, имеющий вкус, но лишенный запаха: это – портрет ученого-затворника, который растет в своей мудрости, но избегает мира действия. Благоухающий, но безвкусный мирт – это энергичный человек, изобилие его добрых дел поглощает все его время и силы. И наконец, лишенная вкуса и запаха ива представляет личность, которая не учится и не действует, не реализуя свой интеллектуальный потенциал и способность усовершенствовать мир. В Суккос эти Четыре Вида «все связаны вместе в один пучок», каждый как неотъемлемая часть общины Б-га, говорит Мидраш Раба (Ваикро, 30:11).

Многострадальный плод

В свете этого мы можем понять четыре вещи, бывшие тайной для самого мудрого из людей.

Если «великолепный плод» в Четырех Видах представляет гармонию учения и выполнения, то почему этот плод «пребывает на дереве круглый год»? Такого совершенства следовало бы ожидать от созревающего в безмятежности, в исключительно гармоничном для его природы и потребностей климате плода, а не от такого, чей рост тревожат постоянно меняющиеся условия. И все же вновь и вновь мы обнаруживаем: самые великие личности – те, кто всю жизнь занят тяжким трудом и решением сложных задач; что гармоничные личности выковываются в необходимости справляться с изменяющимися обстоятельствами и постоянно приспосабливаться к новому климату и окружению.

Для царя Шломо это было одной из величайших тайн жизни. Как непостоянство дает толчок росту? Почему так происходит, что человек, наслаждающийся спокойным существованием, вовсе не столь «ароматен» и «восхитителен», как иной, получающий удары от превратностей жизни?

Сжатые листья

Лулов так же вызвал замешательство царя Шломо. Не сама ли природа интеллектуального рассуждения порождает различные мнения и выводы? По Талмуду «ученые Торы сидят многочисленными группами и изучают Тору. Одна группа считает вещь нечистой, а другая считает ее чистой; одна группа запрещает действие, а другая его разрешает; одна группа признает что-то негодным, а другая толкует это как соответствующее» (Хагига, 3б).

Поэтому когда стих говорит о «ветвях пальм», мы склонны понимать это буквально, в множественном значении. Ибо если второй из Четырех Видов подразумевает ученого Торы – ум, освобожденный для усвоения Б-жественной мудрости, – то не должен ли он состоять из двух ветвей пальмы, сохраняя множественную природу разума? Не должны ли их листья быть раскрыты и развернуты, указывая на различные направления, принимаемые при рациональном изучении понятия, когда за дело берется разум?

И однако же лулов, предписанный Торой, – это одна нераскрывшаяся ветвь с листьями, соединенными в один побег, указывающий в одном направлении. В завершении приведенного места в Талмуде сказано: «Тогда должен ли человек спросить: “Как тогда я могу изучать Тору? Но все было получено от единственного пастыря”» (ср. Эрувин 13б: «И те, и другие – слова Б-га Живого»).

Это была вторая из двух тайн, над которыми размышлял царь Шломо. Как многочисленные мнения и перспективы Торы соотносятся с «единственным пастырем»? Как может Б-жественная мудрость просачиваться сквозь столь разнообразный мир человеческого разума и оставаться единственной истиной единственного Б-га?

Сплетенная ветвь

Третий из Четырех Видов представляет «действенный» аспект жизни: то, как мы выполняем назначение творения физическими действиями мицвойс, строя таким образом «жилище для

Б-га в физическом мире». Так Тора определяет мирт, указывая на его «плетеный» вид, придаваемый листьями, растущими пучками по три: число «три» представляет сферу действия, третье из трех «облачений» или орудий выражения (мысль, речь и действие) души (Тания, гл. 4).

Здесь заложена, возможно, самая великая тайна. Как может смертное и земное физическое действие «служить домом» для Б-жественной сущности? И действительно, сплетенная ветвь, приходящая на ум, когда мы размышляем о физическом мире, – это не благоухающий мирт, а колючий и ядовитый ирдуф!

Но именно материальный мир Б-г избрал, чтобы сделать его Своим домом. И именно физическому действию Он придал способность служить для человека высшей формой общности с Ним. Почему? Для мудрейшего из людей это был один из четырех феноменов, о которых он мог только сказать: «Я не знаю».

Братство деревьев

Четвертая из тайн Шломо касается ивы — дерева без аромата и вкуса, лишённого способности к учению и действию.

Почему этот вид перечислен среди Четырех Видов? Сам стих дает ответ на этот вопрос, говоря о четвертом виде как о «речных аровойс». «Ива», возможно, не проявляет никаких положительных качеств, но ее корни погружены в берега ее родовой реки и питаются водами наследия. Она также потомок Авраама, Ицхака и Яакова, в ее жилах так же течет любовь и благоговение перед Б-гом, завещанные ими всем потомкам.

Другой признак ивы – она «растет в братстве». Это указывает на уникальную черту человека-«ивы»: сам по себе он может не проявлять никаких положительных черт или достижений, но когда он оказывается в общине, вдруг становится видна аура святости, присущая каждой индивидуальной душе. Так наши мудрецы говорят нам, что Б-жественное присутствие пребывает на собрании десяти людей (число, составляющее «общину»), даже если они не заняты изучением Торы или исполнением мицвоис (Сангедрин, 39а; Тания, конец гл. 11). В отличие от этого, когда человек изучает Тору или занят исполнением заповедей, Б-жественное присутствие пребывает даже с ним одним (см. Пиркей овойс, 3:6). Это также и значение миньяна – кворума из десяти человек, необходимого для чтения некоторых молитв: десять человек, собравшиеся вместе, представляют количественный скачок к святости. Десять необразованных невежд составляют миньян, а девять набожных ученых – нет.

Вот что было для царя Шломо тайной, заключенной в иве. Как ничто в десятой степени может прибавляться к чему-то? Если каждый сам по себе не обладает видимым выражением врожденной святости, то какие изменения происходят, когда десять таких людей собираются вместе? «Все деревья растут у воды, – размышлял мудрейший из людей, – чем же так выделяются ивы, что заслужили место среди Четырех Видов»? Просто тем, что они растут близко друг к другу?

Самоочевидные невероятности

Если мы думаем об этих тайнах, они оказываются столь же загадочны и неуловимы, как и тридцать веков назад, когда над ними размышлял царь Шломо. Но обычно мы совсем не думаем о них – столь глубоко они укоренились в нашей реальности.

Несмотря на свою логическую непостижимость они – очевидные и вездесущие истины в нашей жизни.

Почему непостоянство и невзгоды дают толчок росту? Как могут несовместимые идеи воплощать единственную истину? Почему простое физическое действие возвышает нас до уровня святости и благочестия, недостижимого путем самого напряженного духовного опыта? Как определенное число человеческих существ волшебным образом преображается, соединяясь в общину, намного превосходя при этом сумму их индивидуальных составляющих?

Царь Шломо не мог объяснить этих тайн; мы, конечно, тоже. Но мы признаем их самоочевидными в нашей жизни как четыре краеугольных камня нашего существования, несущих печать Творца, в безграничном бытии которого противоположности соединяются, а парадоксальные истины гармонично соседствуют. Четыре Вида вызвали у царя Шломо признание: «я не знаю». А три заповеди Пейсаха были всего лишь «сокрыты для меня», – сказал он. Относительно Пейсаха царя Шломо удивило, что народ недостойный (по словам мидраша Ялкус Реувени, Шмойс (14:27): «Чем одни отличаются от других? Эти [египтяне] идолопоклонники, и эти [израильтяне] идолопоклонники!» – получил дары: веры (мацу), свободы (пасхальную жертву) и непоколебимости (моройр). Б-г выбрал нас, чтобы вывести из Египта и сделать Своим народом в честь заслуг трех наших предков, воплощавших три эти качества: благодаря вере Авраама, соблюдавшего заповедь есть мацу (Псикта Раба на Брейшис, 18:6), способности превзойти самого себя, присущей Ицхаку, евшего пасхальную жертву (Раши на Брейшис, 27:9), и непоколебимости терзаемого бедами Якова (Брейшис, 31:40; Талмуд, Шабос, 89б).

Действительно, удивительно – Б-г выбрал народ как Свою избранную нацию не по его собственным заслугам, однако это не лишено логики. С одной стороны, деяние это превосходит здравый смысл, но ему не противоречит. С другой стороны, четыре парадокса, воплощенные в Четырех Видах Суккоса – логические невероятности, вызвавшие у царя Шломо не только выражение изумления, но и утверждение: «я их не знаю».

Это отражает соответствующее расположение Пейсаха и Суккоса в еврейском календаре. Еврейский год имеет две «головы» или начала: Нисан – месяц Исхода и Тишрей – месяц, когда сынам Израиля были даны «Вторые скрижали» после их раскаяния в грехе поклонения Золотому Тельцу, и даровано новое начало в их отношениях с Б-гом. Нисан представляет Б-жественное служение цадика – совершенной праведной личности; Тишрей – служение баал-тшувы, «возвратившегося» или кающегося. Совершенство цадика переступает пределы нашего конечного мира, чтобы установить связь с «удивительным» (то есть сверхрациональным и бесконечным) светом Б-га. Однако баал-тшува достигает бо́льших высот, устанавливая связь с «непознаваемой» сущностью Б-га. Сущностью, не только превосходящей пределы смысла и существования, но и творцом парадоксов, и гармоничным источником противостоящих сил и противоположных истин, наполняющих наш мир.

Nei oai Oieda

Дочери ближние и дальние

Тора — основное содержание жизни еврея: его связь с Творцом, удостоверение его национальной идентичности, план достижения совершенства, к которому он стремится. И поэтому нет ничего удивительного в том, что самый радостный праздник еврейского календаря – Симхас Тойра, когда завершается и вновь начинается годичный цикл чтения Торы.

Симхас Тойра следует сразу за праздником Суккос. Библейское название Симхас Тойры — Шмини Ацерес, что означает «День Восьмой, Запирающий», так как назначение этого праздника – удержать, не дать растечься приобретениям семи дней праздника Суккос.

Но почему мы празднуем Симхас Тойру в Шмини Ацерес, в 22-й (и 23-й) день Тишрея? Обычно праздники соответствуют тем датам календаря, которые отмечают исторические источники по их сути и значимости: Пейсах празднуется в годовщину нашего Исхода из Египта, Рош а-Шона — в день сотворения человека и т.д. Следовательно, не более ли уместно праздновать Симхас Тойру на шестой день Сивана, – день, в который Б-г явил Себя на горе Синай и даровал нам Тору как вечное наследие? Конечно, мы отмечаем эту дату праздником Швуэс – праздником, посвященным переживанию вновь и вновь откровения на Синае и повторению нашего Завета с Б-гом, скрепленного Торой. Но все же нашу радость по поводу Торы мы припасли для праздника Шмини Ацерес – дня, не имеющего явной исторической связи с нашим отношением к Торе.

Можно было бы объяснить это тем, что наша жизнь с Торой в течение годичного цикла ее чтения, ее изучение и применение в повседневной жизни имеет большее значение, чем изначальное ее получение на Синае. Но вот что следует объяснить: почему мы заканчиваем и начинаем чтение Торы в Шмини Ацерес? Почему Моше, установивший годичный цикл чтения Торы, не составил распорядок до конца, – так, чтобы этот цикл возобновлялся в праздник Швуэс?

Календарные близнецы

Как ни странно, более пристальный взгляд на Шмини Ацерес и Швуэс открывает удивительное сходство между этими двумя праздниками. Швуэс также называется «Ацерес», ибо он служит еще и инструментом «закрепления» и «впитывания» для предшествующего ему праздника. Далее это сходство доказывается тем, что, как и Шмини Ацерес, Швуэс также «день восьмой, запирающий» – однодневный праздник, завершающий цикл из семи: Шмини Ацерес следует непосредственно за семью днями Суккоса, а Швуэс завершает семинедельный отсчет омера, начинающийся в Пейсах.

Два Ацерес являются отражением друг друга в годовом цикле. Еврейский год – как круг с двумя полюсами: два главных месяца, Нисан и Тишрей, считаются (каждый в своей сфере) «первым» и «началом» всего года. А 15 число Нисана – это дата Исхода, и она открывает семидневный праздник Пейсах. Ровно через шесть месяцев, 15 числа месяца Тишрей, начинается другой семидневный праздник еврейского года – Суккос. И оба семидневных праздника завершаются однодневным «Ацерес». Единственное

нарушение симметрии в том, что Ацерес праздника Суккос – непосредственно восьмой день после семи, а Ацерес Пейсаха – более отдаленный «восьмой», следующий за 49 (7 по 7) днями, отсчет которых начинают на второй день Пейсаха.

Вот почему мудрый толкователь Талмуда рабби Иеошуа бен Леви говорит: «Ацерес праздника Суккос должен был бы происходить на пятьдесят дней позже, как Ацерес Пейсаха» (Мидраш Раба, Песнь песней, 7:4).

В самом деле, почему Шмини Ацерес непосредственно следует за Суккос? Для объяснения этого рабби Иеошуа предлагает такую притчу:

У царя было много дочерей. Некоторые из них вышли замуж в ближних краях, а другие – в дальних. Однажды они все приехали навестить своего отца. И сказал царь: у живущих недалеко от меня есть время, чтобы отправиться и прийти, а у живущих вдали нет времени, чтобы отправиться и прийти. Но так как все они здесь со мной, я сделаю один праздник и возликую вместе с ними.

Таким образом, праздником Ацерес Пейсаха, когда мы приходим из зимы в лето, Б-г говорит: «У них есть время отправиться и прийти». Но праздником Ацерес Суккоса, так как мы приходим из лета в зиму и прах дорог тяжел, и обходные дороги трудны... Б-г говорит: «У них нет времени, чтобы отправиться и прийти, поэтому, так как все они здесь, Я сделаю один праздник для всех них и возликую вместе с ними».

Что такое «Ацерес»?

Чтобы лучше понять важность вопроса рабби Иеошуа и ответа, скрытого в его притче, мы должны сначала рассмотреть концепцию «Ацерес». Почему празднику нужен Ацерес?

Кабала и хасидское учение объясняют, что «Ацерес» – это впитывание и усвоение того, что ранее было осуществлено и выражено на более внешнем уровне. Ацерес имеет то же значение, что и пищеварение для принятия пищи, усвоение – для учения, зачатие – для брака.

Получение нами Торы в Швуэс – это «Ацерес» нашего освобождения от рабства семью неделями ранее. В Пейсах мы стали свободными людьми – свободными от кнута надсмотрщика, свободными от подчинения самому жестокому, самому низкому обществу на земле. Но что такое свобода? Как она должна быть воспринята, усвоена и интегрирована в наше повседневное существование? Назначение Исхода – как Б-г поведал Моше, наказав ему вывести детей Израиля из Египта, – было в том, что он должен привести их на Синай, явствует стих Шмойс (3:12).

Свобода, обещанная Б-гом Израилю, была не только свободой от физического рабства, но свободой, дающей душе возможность понять весь свой потенциал, ощутить внутреннюю связь со своей сущностью и источником, осуществить свою миссию и назначение в жизни. Такая свобода возможна только через Тору – созданный Б-гом «план творения», ведущий и направляющий нас к пониманию: кем и чем мы в действительности являемся, и к соответствующей этому самореализации.

Поэтому каждый год после получения дара свободы 15 числа месяца Нисан мы начинаем 49-дневный процесс ее впитывания и усвоения – процесс, достигающий кульминации в Ацерес праздника Швуэс. И мы трудимся семь недель, чтобы усвоить

истинное, внутреннее значение Исхода 49 особенностями и качествами наших душ, чтобы довести до совершенства свободу Исхода в свободе Торы.

Так мы переходим (по выражению рабби Иеошуа) от зимы к лету. Переходим от холода бесцельности к теплу страстной цели, от мук борьбы к радости успеха, от мрака невежества к чистому летнему свету мудрости и понимания. Затем, через шесть месяцев, приходят праздники Тишрея.

Вторые скрижали

Жизнь – не непрерывная последовательность развития и роста, как мы это планируем: в ней есть и промахи, и неудачи, и отступления. Жизнь нашего народа была именно такой: через несколько недель после того, как мы стояли на Синае, узрели нашего Творца и достигли вершин свободы и совершенства, мы поклонились в стане иудеев Золотому Тельцу.

Но каждое падение также дает и толчок к дальнейшему подъему. Низвержение Золотого Тельца дало нам Йом Кипур – самый святой день в году и источник нашей связи с Торой, связи более глубокой, чем возникшая при получении откровения на Синае в Швуэс.

После откровения на Синае Б-г дал Моше «Две Скрижали Завета», на которых начертал Десять Заповедей, составляющих полноту Торы. Увидев, что Израиль попирает все, что предписывалось Скрижалями, Моше «бросил ... Скрижали, которые нес в руках, и разбил их о подножие горы» (Шмойс, 32:19).

Но из разбитых Скрижалей и Завета возникли Вторые Скрижали, содержащие в себе Тору на том уровне, на котором первые ее не содержали и не могли содержать. В 9-й день Тишрея, с тех пор почитаемый как Йом Кипур, Б-г вручил нам Вторые Скрижали, передав нам такое измерение Торы, которое может пробудить лишь возрождающая сила тшувы (покаяния, буквально «возвращения»).

На самом простом уровне Тора – набор завещанных Б-жественных заповедей, и, выполняя их, человек становится связанным с

Б-гом как орудие Его воли. Таково было измерение Торы, начертанной Б-гом на Первых Скрижалях. Но Тора – это нечто большее, и свидетельство тому – сама Тора дает концепцию тшувы.

Чтобы восстановить разорванную связь, нужно достичь той ее части, что никогда не была повреждена. Возможность тшувы означает, что даже если человек нарушает Б-жественную волю, суть его связи с Б-гом не затрагивается. И то, что в самой Торе содержится заповедь тшувы, означает: Тора – инструмент не только связи между нами и Б-гом, реализуемой нами в соблюдении Его заповедей, но и нерушимых уз, на которые никогда не могут повлиять наши поступки. И также поэтому тот, кто в своих отношениях с Б-гом разрушил измерение «Первых Скрижалей», может, иссушенный голодом, жаждой, требованием тшувы, проникнуть в глубины Торы, в самую суть отношений, и построить их заново.

Пока мы не отклонялись в жизни от прямого и истинного пути, предписанного Торой, не было необходимости – и случая – применять силу тшувы. Вот почему Первые Скрижали содержали лишь «традиционный» аспект Торы – связь с Б-гом, достигнутую

выполнением Его воли. И только на Вторых Скрижалях, явленных результатом нашей тшувы, ответа на наше первое падение как народа, начертал Б-г сущность Торы – связь между Им и нами. Связь, превосходящую законы и заповеди Торы.

Невидимое и открытое

Суккос также является и празднованием Йом Кипура.

Тшува по самой своей природе интровертна: душа уединяется со своим Б-гом, страдает из-за той отдаленности, которую она создала между ними, и в глубине своих страданий находит признаки искупления своих грехов – возможность исправить и очистить свое порочное прошлое.

Интимная природа тшувы подтверждается явным различием между Первыми и Вторыми Скрижалями. В Швуэс весь еврейский народ собрался у горы Синай; и были гром и молния, облака огня, дыма и трубный глас шофара, когда Б-г огласил Десять Заповедей всем сынам Израиля и призвал Моше на вершину горы, чтобы вручить Скрижали Завета. Но когда Моше получал Вторые Скрижали в Йом Кипур, там никого не было: Б-г сказал, что это будет тихая и тайная встреча, подходящая для спокойных, глубоких вод тшувы (Шмойс, 34:3).

Поэтому едва ли Йом Кипур – подходящий повод для проявления радости и торжества. И все же, какая радость может быть большей, чем наша радость о Торе Вторых Скрижалей, квинтэссенции нашей вечной, выдерживающей все испытания связи с Б-гом? А природа радости такова, что она отказывается таиться в глубинах сердца. Она учащает сердцебиение, наполняет тело, рвется песней из горла и заставляет ноги идти в пляс. Отсюда и праздник Суккос – «Время Нашей Радости» пять дней спустя после 15 Тишрея. Суккос – это радость Йом Кипура, вырвавшаяся наружу, радость, скрытая под серьезностью и духовной силой этого дня.

Семь дней царит радость. Но, как и свобода, обретенная в Пейсах, радость тшувы требует впитывания и усвоения. Чтобы не оставаться однодневным переживанием, она должна войти в нашу природу и в повседневное существование. Поэтому за семидневным праздником Суккос следует «Ацерес» – день, в который наша радость переживания сути Торы достигает своей вершины, и тотчас вписывается в календарный цикл наших жизней.

Лето и зима

Итак, круг Пейсах – Швуэс, с одной стороны и созвездие Йом Кипур – Суккос – Шмини Ацерес – с другой отражают два измерения Торы и ее роль как инструмента связи между нами и Б-гом.

Путешествие от Пейсаха к Швуэсу отражает прямой и истинный путь, очерченный заповедями Торы. С одной стороны – старательное восхождение от невежества и себялюбия младенчества к духовной и моральной зрелости; постепенный прогресс праведной личности (цадика), которая трудится всю жизнь, чтобы развивать врожденную добродетель и совершенствовать душу, остерегаясь ловушек телесного и развращающего мира.

С другой стороны, Вторые Скрижали Йом Кипура, их празднование и усвоение в Суккос и Шмини Ацерес отражают триумф баал-тшувы («хозяина

возвращения») – того, кто, поддавшись искушениям земной жизни, воспользовался всей тяжестью своего положения, чтобы коснуться самых глубин своей души – и пробудить ее силы.

Это отражено в расположении двух праздничных систем относительно времен года. Весенние праздники Пейсах и Швуэс, отмечая переход от зимы к лету, воплощают размеренное продвижение цадика от почки к цветку, от тьмы и холода к свету и теплу. Осенние праздники Тишрея отражают возвращение баал-тшувы к холоду и мраку зимы, чтобы обнаружить сокровища, спрятанные там.

Притча

Теперь мы могли бы понять притчу рабби Иеошуа и то, как она объясняет различие между Ацерес Пейсаха и Ацерес праздника Суккос.

У Царя Всевышнего много «замужних дочерей» – это многие души, отправившиеся в физический мир с предназначением. Душа спускается на землю и «обручается» с телом. И их союз должен дать потомство добрых дел: дел, освящающих их материальное окружение и выполняющих замысел творения Б-га, совершенствуя это окружение как будущее Его жилище.

Некоторые из дочерей Царя «выданы замуж в ближние края». Это души праведных, которые, несмотря на их схождение в жизнь физическую, никогда не теряют из вида своих святых начал. Они имеют дело с материальным, развивающимся и совершенствующимся миром вокруг себя, но не попадают в сети его враждебного влияния. Они покинули отчий дом, но никогда не отдалялись слишком от него.

Но у Царя есть и дочери, чье замужество привело их в «дальние края»: души, чье участие в материальной реальности увело их далеко от царского дворца; души, глубоко увязшие в земном, для освобождения от которого они прибыли.

Пейсах — это праздник цадииков и цадика внутри нас, праздник, в который мы вкушаем чистой, незапятнанной свободы новорожденного народа. Поэтому Ацерес Пейсаха наступает пятьюдесятью днями позже. Ибо это время весны: дороги чисты, и у нас есть время «отправиться и прийти». Мы свободны, чтобы методично пройти 49 шагов от откровения Пейсаха до усвоения. Этот последовательный, шаг за шагом, путь – характеристика последовательного, шаг за шагом, движения по тропе жизни цадика.

Но в Суккос мы празднуем нашу способность к тшuve, к нашей связи с Б-гом, воплощенную во Вторых Скрижалях. Для этого воссоединения «дочерей, которые замужем в дальних краях» с их Отцом и Царем, – у них «нет времени, чтобы отправиться и прийти». Ибо «мы приходим из лета в зиму, и прах дорог тяжел, и обходные пути трудны». Мы – путники на переменчивой тропе тшувы, где возможность нужно использовать, когда она появляется, а жизни уничтожаются и вновь создаются в единый взрывной миг.

Поэтому мы окунаемся сразу после Суккоса в Ацерес Симхас Тойры – прямо в непосредственное усвоение силы Вторых Скрижалей Торы и ее запоминание, чтобы приходиться через зимы и лета.

Коэн, погруженный в молчание

Nèi íí Bèîámí

Несколько лет назад во время пасхального сейдера мне случилось сидеть рядом с одним французским евреем. Его жизнь прошла в духовных поисках, в результате чего он пришел к буддистскому учению дзэн. Джулиану было 70, но выглядел он удивительно бодрым для своих лет. Мимоходом он обронил, что является атеистом. Сидя рядом с ним, я физически ощущал, что он противится любым попыткам вовлечь его в какие бы то ни было споры об иудаизме. Но все же мы в конце концов немного разговорились. И вот, чтобы подчеркнуть свое неприятие всего, что связано с еврейством, он признался, что глубоко проник в дзэн: особенно его привлекают дзэнские коаны – парадоксы, которые в практике дзэн служат темами для медитаций. Но среди коанов, над которыми он размышлял, есть два, ускользающие от понимания:

1. Рука соскользнула в воду, но рукав не намок. Как?

2. Бык проломил окно. Голова, тело, ноги быка прошли сквозь пролом, а хвост не прошел. Почему?

Покуда шел праздник, я нащупал, как можно разрешить дилемму, занимавшую Джулиана. Я поинтересовался у моего собеседника, знает ли он самый первый коан, предшествовавший всем прочим: что стоит за ивритским словом «коэн», означающим «священник, служащий в Храме».

В Храме совершалось два рода служб: служба коэнов и служба левитов. Левиты славили Б-га песней, каждый день сочиняя новый напев во славу Всесильного. Коэны же служили, погруженные в молчание. Как ни велика сила песни, она не может сравниться с силой молчания. Безмолвие службы, совершаемой коэнами, охватывало самые сокровенные измерения Б-жественного: ведь глубины его не под силу вместить никакой мелодии, как бы прекрасна та ни была.

Наше ограниченное восприятие говорит нам, что звук громче молчания. Однако стоит взглянуть на их соотношение с точки зрения истинной реальности, и все предстанет иначе: власть молчания больше, нежели власть звука. И не потому даже, что Б-г ближе к молчанию, чем к звуку. А потому, что погружение в молчание открывает нам возможность подняться над ограниченностью нашего восприятия и испытать прикосновение иного миропорядка.

Это – истинный коэн. Святой коэн.

– Теперь, – предложил я Джулиану, – вспомним первый коан: «Рука соскользнула в воду, но рукав не намок. Как?»

Может ли вода намочнуть? Нет, ведь она и так мокрая по своей природе. Наше ограниченное восприятие подсказывает нам, что сухая рука и рукав, погрузившись в воду, становятся мокрыми: мы исходим из того, что сухость и влажность – это два различных состояния. Но разве реальность – влажна или суха? Эти два качества в ней соединены и

проникают друг в друга. Вспомним: слово «твила», означающее погружение в микву, состоит из тех же букв, что и «битул» – самозабвение, самоуничтожение. И когда мы погружаемся в «чистую воду знания», отдаваясь молчанию, наш рукав и наша рука, и само наше «я» не намокают при этом: ведь эта влага – мы сами.

Теперь о втором коане: «Бык проломил окно. Голова, тело, ноги быка прошли сквозь пролом, а хвост не прошел. Почему?» Я бы спросил: «А почему нет? Почему в пролом должен пройти и хвост?»

Один профессор, читающий лекции по философии, попросил своих студентов написать работу, где бы был ответ на вопрос, состоящий из одного только слова: «Почему?» Профессору было сдано множество длинных опусов – все их он счел неудовлетворительными. И лишь две работы оценил на «хорошо» и «отлично». «Хорошо» удостоилась работа, состоящая из одной строчки: «Потому что». «Отличной» же профессор признал ту, которая утверждала: «А почему нет?»

Все наши «Почему?» мы задаем только потому, что в нашем сознании присутствуют некие изначально данные условия. Вот мы и спрашиваем: «В чем же тут дело?» Однако с точки зрения Б-га Единого, который выше всех определений и парадоксов, любой вопрос «Почему?» – а тем самым любой вопрос – представляется абсурдным. Скорее уж для Б-га приемлем вопрос «Почему нет?»

В коане бык – символ нашего агрессивного «я» – проламывает окно. Мы полагаем, что он выйдет через пролом. Но – хвост остается в проломе, и тогда мы задаемся вопросом: «Почему?» «А теперь, – попросил я моего собеседника, – оставьте вашу логику и погрузитесь в молчание... И скажите: почему бы и нет?»

Француз даже подпрыгнул на стуле. «Ну конечно! Конечно же! Я думал над этим столько лет...» Он продолжал что-то бормотать, давась смехом. «Почему нет? Почему нет? Почему... нет?»

Какое-то время после этого он сидел, погрузившись в свои мысли. Потом взглянул на меня. Молча. Его молчание говорило громче любых слов. Наконец он решился: «Тогда... Почему же Б-г, ваш Б-г допустил Холокост?»

Не нужно было объяснять ход его мысли. Я молчал. Потом взглянул ему прямо в глаза – и прочел в них всю правду. «Вы спросили про самый трудный коан. Вы посвятили свою жизнь постижению тайны коанов, но мучил вас именно этот коан, непостижимый – и столь важный». Собеседник мой подался ко мне, весь превратившись в слух, он не сводил с меня глаз. «Вы готовы принять трансцендентальный опыт, извлекаемый из размышлений над парадоксами, внутренне присущими всем коанам. Но почему же тогда вы не хотите принять парадокс о том, что благой Б-г может позволять существование зла? Если Б-г есть реальность – сама суть реальности, – разве тогда Б-г не выше всех наших ограниченных определений добра и зла? Но если Б-г – это не добро и не зло (в том смысле, который вкладываем в эти понятия мы), не сухость и не влага, не “да” и не “нет” – ведь тогда мы не можем спросить: “Почему?” Мы даже не можем спросить: “Почему нет?”»

Причина, по которой вы, как и я, как любой другой, мучаетесь над загадкой этого коана, заключается в том, что он не оставляет камня на камне от нашего спокойствия. Прочие коаны – умозрительные упражнения, интригующие наш рассудок, заставляя наши мысли течь по непривычному руслу, – и могут даже привести к

прозрению некой истины, иначе нам недоступной. Но вечером мы отходим ко сну и мирно засыпаем с мыслью о том, что логика бессильна объяснить нам, как звучит хлопок одной ладони или что рука, погруженная в воду, остается сухой. Но мы не можем мирно уснуть, зная о мучениях невинных детей в газовой камере, о том, что их пепел развеян по ветру, а из их крови растут травы на земле Баварии.

Это – самый трудный коан. И тут у меня нет ответа. Никто из нас не сможет на это ответить. Может, и у Самого Б-га нет ответа, который бы мы могли понять, и Сам Б-г не может после этого спокойно спать. Когда римляне предавали мучительной казни величайших мудрецов и святых, чиня непостижимое варварство, ангелы небесные возопили к Создателю: “Вот Тора – неужели же вот за нее воздаяние?” Б-г не стал давать этому теологических комментариев. Он сказал лишь одно: “Умолкните...”

Молчание – единственный ответ. Молчание».

Джулиан тихо склонил голову. Казалось, целую вечность он смотрел мне в глаза – и больше за весь вечер он не сказал ни слова. Как и я.

Но, уходя, уже в дверях, он обернулся: «Это не просто. Слишком глубока боль».

И только потом я узнал, что этот французский еврей, выживший во время Холокоста, носит фамилию Коэн. Святой Коэн.

ОКТЯБРЬСКИЕ НОВОСТИ

ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ИЗ ДРЕВНЕЙ ИУДЕИ – В СОВРЕМЕННУЮ АЛМА-АТУ

Ежегодно в разгар летних каникул Ассоциация еврейских общин Казахстана при поддержке фонда «Ор Авнер – Хабад-Любавич» организует детский лагерь «Ган Исроэл –Ахдут».

В этом году в лагере отдохнули девяносто ребят из всех регионов республики. Директор лагеря Ида Шейнер, воспитатели и вожатые из Казахстана, России и Израиля подготовили для мальчишек и девчонок увлекательную программу.

Разделившись на отряды, ребята две недели участвовали в разнообразных играх и конкурсах, поездках и походах. Каждый лагерный день был посвящен определенной теме, связанной с еврейской историей и традицией. Слушая интересные рассказы вожатых, участники лагеря совершали увлекательные экскурсии во времена Сотворения мира, в древнюю Иудею и Египет. В день, посвященный празднику Пурим, в лагере состоялся грандиозный карнавал. Куда уж до него знаменитым карнавалам Венеции и Рио-де-Жанейро! Все утро ребята изобретали костюмы. В дело пошли буквально все подручные средства и материалы: бумага, кусочки тканей, трещотки. И вечером они предстали в своих нарядах...

А еще ребята познакомились с достопримечательностями Алма-Аты, посетили алма-атинский зоопарк, парки аттракционов «Фэнтэзи» и «Ерке», устроили поход на озеро с купанием и ловлей рыбы.

За время отдыха в лагере мальчишки и девчонки обрели новых друзей, окрепли физически, а главное – открыли для себя мир еврейской традиции.

Завершился лагерь феерическим костром. В этот торжественный вечер победителям конкурсов были вручены памятные призы. *Р'дэе Е'а'а'а'р'е*

ЛАГЕРЬ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Минувшим летом на базе оздоровительного лагеря «Костер», расположенного в живописном поселке «Лозовый» Приморского края, Еврейским религиозно-культурным общественным центром Владивостока при поддержке «Джойнта» была организована семейная смена для детей, их родителей и даже бабушек и дедушек. Все дни этой незабываемой недели были наполнены до предела: дискотеки, купание в бассейне, пеший поход на водопады, спортивные игры, душевные разговоры людей трех поколений, на которые в повседневной жизни часто не хватает времени. И главное: викторины по еврейской истории и традициям с призами, знакомство с основами иврита, а в пятницу – Каболас Шабос. Выступления детей с еврейскими песнями и танцами в программе фольклорного фестиваля сопровождали громкие овации.

Немаловажно также и то, что шестиразовое питание, проживание в уютных комнатах, разнообразные культурная и оздоровительная программы обошлись семьям всего в 350 рублей. Руководство общины получило многочисленные благодарности за прекрасно организованный отдых и... многочисленные сожаления тех, кто отказался от поездки, испугавшись ненастной погоды. А погода, кстати, вопреки прогнозам, не подвела!

Âÿ: äëää Ôîi èëîá

ПОМОГИ РЕБЕНКУ ВЫБРАТЬ ПУТЬ ЕГО!

В прошедшее лето еврейская община Луганска в третий раз провела детский лагерь «Ган Исроэл». Более двухсот детей в течение месяца отдыхали в живописном поселке Ялта на берегу Азовского моря.

Каждый день лагерной жизни был распisan по минутам. Отдых детей был очень насыщенным, ведь программа лагеря полностью отвечала важнейшим постулатам учения хасидизма. В один из дней, к примеру, разгорелась так называемая «Цветная война». Соревновались синие и красные, команды «Тора» и «Мицвот». Воспитатели и вожатые вместе с детьми стали членами команд. По засекреченному плану они должны были найти специальную кепку «Цивойс Ашем» и, помимо этого, еще играли в футбол, соревновались в преодолении препятствий, придумывали речевки и песни. А вечером вместе со своими «генералами» отправились в джунгли и даже там учились выполнять заповеди.

Конечно, невозможно в один день ознакомиться со всеми 613 заповедями и начать соблюдать их, но чем раньше дети узнают о них, тем лучше. Мудрецы говорили: «Помоги ребенку выбрать его путь, и он не сойдет с него, когда состарится».

Всем особенно запомнилось занятие, на котором воспитатели вместе с детьми пекли мацу. Процесс ее изготовления вожатый лагеря Хаим организовал по всем традиционным канонам. Каждый ребенок облачился в красивый одноразовый фартук, у каждого были все необходимые ингредиенты. Дети все делали сами: месили тесто и раскатывали его скалкой, да еще и напевали песенки. Все, разумеется, происходило в игровой форме. Вообще же вожатые из Израиля и США – энергичные, веселые и чуткие, делали все возможное, чтобы создать в лагере атмосферу большой дружной еврейской семьи.

Этим летом кто-то из девочек впервые зажег Субботнюю свечу, многие мальчики старше 13 лет надели тфилин, многие первый раз спели «Биркас а-мозон», разучили зажигательные хасидские песни и танцы. Наша община сделала еще один шаг к возрождению «идишкайт» и еврейского самосознания.

Дети вернулись из лагеря отдохнувшими, окрепшими, обогатившимися духовно и, между прочим, все были очень довольны пятиразовым кошерным питанием.

Âëàäè èð Âîñëðàíèèé

НАШИ ВОЖАТЫЕ НЕ ПОДВЕЛИ

Детский еврейский оздоровительный лагерь Южного региона России «Ган Исроэл-2002» проходил на этот раз в Сочи. Впервые рядом с американцами в качестве помощников вожатых в лагере прошли «боевую закалку» старшеклассники из Волгограда, обучавшиеся в «Школе вожатых» при НОУ СОШ «Ор Авнер».

Вот что рассказал корреспонденту «Лехаима» помощник вожатого Касриэл-Лиор Ройзен:

– У меня голос сел уже на второй день... Меньше всего мальчишкам нравились утренние линейки. А больше всего – купание в море. Очень весело было на «Цветной войне» – это что-то вроде «Зарницы». А экскурсия в дендрарий, походы в горы на водопады, купание в минеральном источнике, самодеятельные спектакли не давали детям соскучиться. Чтобы стимулировать их творческую деятельность, была разработана система «тикетов». Выполнил мицву – получай «тикет»! Сперва отношения с вожатыми из США у ребят не клеились, однако в конце концов они нашли взаимопонимание. А к некоторым очень привязались...

– А в следующем году без американцев справитесь? – был задан вопрос Лиору. Он ответил так:

– Думаю, да. Не зря мы все-таки учились в школе вожатых, вот тут в лагере все навыки и пригодились!

В разговор вступила председатель совета Волгоградского еврейского общинного центра Яэль Иоффе:

– Мы действительно можем гордиться нашими ребятами – хотя им и было трудно, но они показали хорошую подготовку. Такие не подведут в любой ситуации.

Ī àěîèì Dóòì àí

Летний лагерь «Ган Исроэл», организованный еврейской религиозной общиной «Хасидей Хабад-Любавич» Вильнюса, расположился на Балтийском

побережье в Пярвалке на Куршской косе. Дети отдыхали в две смены по две недели каждая – для мальчиков и для девочек. Программа была насыщенной и разнообразной. Для ребят организовали поездки на теплоходе по Балтике, катание на лодках и даже полеты на воздушном шаре! А еще они плавали в бассейне, играли в баскетбол, занимались верховой ездой. Дети приехали в Пярвалку не только со всей Литвы, но и из Калининграда. А молодые вожатые – из Израиля и США. Руководила работой лагеря директор вильнюсской школы «Бейс Менахем» Ирина Ясович. А для реализации всей этой программы очень много сделала ребецц Дина Крынски.

У. А.

ЕВРЕЙСТВО – ПУТЬ К ИСТИНЕ И ИТОГ ИСКАНИЙ

*Ἰὰ αἰῶνι τὸ αἰῶν «Ἑβραῖ» Ἰὸ ἀν-ἀνὸ
ἄνῳ ἡ ἐ δῶν ἐ Ὁ ἀνδρῶν Βεῖ Ἄ Νι ἀο ἐῖ ἄ*

– В одном из интервью вы рассказали о том, как оставили учебу в МГУ и стали учащимся московской ешивы.

– В интервью ведь не расскажешь обо всем в подробностях. Между учебой в московской ешиве и началом моей работы в Хабаровске прошло два года.

– Как вы оказались в Хабаровске?

– Я учился в Израиле, потом у меня была практика в Чикаго. И только после этого раввин Берл Лазар предложил мне работу в хабаровской общине.

– Еще вопрос в связи с вашей учебой: не испытывали ли вы сопротивления родителей? Вероятно, они укоряли: как же так – студент университета, будущий математик и вдруг – становится ешиботником (простите за откровенность) с весьма туманной перспективой...

– На первых порах родители не понимали, да и не могли понимать всей глубины моего нового увлечения, всей важности избранного мной пути. Поэтому их настороженное отношение к моему решению понятно. Потом они стали воспринимать мою «метаморфозу» нормально. Что вы хотите? Они выросли в советском обществе, и религиозное мировоззрение было им чуждо. Время все расставило на свои места. Конечно, людям в таком возрасте трудно измениться кардинально. И все же воспитание моего младшего брата шло по иному пути: они отправляют его на отдых в еврейские лагеря, вместе с ним отмечают еврейские праздники в синагоге.

– Какие изменения произошли в хабаровской еврейской общине за время вашей работы в ней?

– Весной на Пейсах исполнилось три года, как я работаю в Хабаровске. Мы приехали в 1999 году и отнюдь не на пустое место. Евреи – а их в городе по некоторым данным около 12 тысяч, – ждали приезда раввина. В общине не доставало человека, профессионально знающего еврейскую традицию, того, кто смог бы направить их к духовной жизни. Мой приезд оказался своевременным.

– А проблем, наверное, было немало...

– Хабаровскую синагогу отобрали у еврейской общины еще в 1925 году. Здание было разрушено. Теперь после многочисленных тяжб и разбирательств губернатор края постановил отдать еврейской общине землю, которая некогда находилась под синагогой. На этом месте уже началось строительство нашего общинного центра. Вместе с

архитектором мы разработали проект: здесь будет располагаться синагога, культурный центр, кошерный ресторан, миква, спортивный зал, компьютерный класс.

А самым важным проектом, уже осуществленным, я считаю открытие общеобразовательной еврейской школы «Ор Авнер».

– Как складываются ваши взаимоотношения с местными властями?

– Нормально. Краевые и городские власти полностью нас поддерживают. Все наши мероприятия освещают местные средства массовой информации. В еврейской общине очень хорошо отзываются о губернаторе Ишаеве.

– Приходится ли вам сталкиваться с проявлениями антисемитизма?

– На уровне государственных органов антисемитизма мы не чувствуем. На бытовом уровне – конечно. Но это позиция всего лишь отдельных людей, которые позорят россиян, – в целом, по-моему, от антисемитизма далеких. Недавно мне попала в руки местная газета «Нация» явно антисемитского содержания. У нас есть договоренность с аппаратом представителя президента в Дальневосточном округе и с краевыми властями: обо всех антисемитских проявлениях, о которых нам становится известно, мы сразу же сообщаем администрации, которая, в свою очередь, предпринимает адекватные меры. Когда в политехническом институте вывешивали листовки нацистского, антисемитского содержания, мы сообщили об этом в управление ФСБ, которое – к чести его руководителей и сотрудников – отреагировало немедленно! Были предприняты четкие конкретные действия. Насколько я могу судить, власти держат ситуацию под контролем.

– Вы работаете на Дальнем Востоке. Чувствуете ли вы эту «дальность» от центра: есть ли какие-то особенности еврейской жизни в вашем регионе?

– Во время своего визита в нашу общину раввин Берл Лазар сказал очень точно: чем дальше находится человек от того, что ему дорого, тем большую душевную близость он ощущает. Пример – родители и дети: чем дальше отделены друг от друга любящие люди, тем больше они скучают. Так и у евреев: когда они находятся далеко от центра еврейской жизни, их тяга ко всему еврейскому только усиливается, обостряется потребность к духовному поиску.

– Как складываются отношения хабаровской еврейской общины с другими общинами Дальневосточного округа?

– Связь с другими общинами происходит через ФЕОР. В Хабаровске располагается головной офис представительства федерации на Дальнем Востоке. Координирует работу дальневосточных еврейских общин председатель нашей общины Марк Аршинский. Что и говорить: среди общин нашего региона хабаровская – одна из самых мощных, и в этом большая заслуга нашего председателя. Мы часто проводим семинары, а в результате также реализуем и программы, посвященные еврейским праздникам и работе с молодежью. Недавно Марк Аршинский ездил на Сахалин, чтобы познакомиться с положением дел на месте и помочь конкретными советами. Конечно, такие общины, как биробиджанская или владивостокская, существуют давно и добились значительных результатов. Но вот в Приморском крае стали возникать общины в небольших городах – Уссурийске, Находке, Спасске-Дальнем, Партизанске. Население в каждом из них – порядка 200-300 тысяч, но евреев довольно много. Общины эти сегодня становятся на ноги. Но они нуждаются в помощи – не столько финансовой, сколько в

организационной. В прошлом году в Приморье мы организовали еврейский лагерь, в который собрали детей из всех дальневосточных общин... Не стоит забывать, что Дальний Восток – это около 40 процентов российской территории. Чтобы приехать в лагерь, нужно порой лететь несколько часов на самолете. Есть города, из которых просто невозможно добраться на поезде, только воздухом. Все это требует значительных средств.

– В своем интервью газете «Еврейское слово» вы очень подробно и ярко рассказали о своем возвращении к еврейскому образу жизни. А есть ли в вашей общине те, кто уже последовал вашему примеру?

– Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Ведь вот дети учились в обычной школе, а потом перешли в еврейскую – согласитесь, это значительный поворот в их духовной жизни. Более того, это переворот в их сознании. До этого времени о еврейской жизни они ничего не знали, во всяком случае, практически. Еврейство было для них неким виртуальным объектом: это нечто такое, что нельзя пощупать руками. Когда в общине появляется семья, которая соблюдает Шабос, кашрус, другие заповеди, люди узнают об этом. Это само по себе влияет на общую атмосферу.

– Что, по-вашему, иудаизм: путь или некий итог исканий? Если путь, то где его начало – мезуза на дверях дома, отказ от некошерной пищи, зажигание субботних свечей, чтение еженедельной главы Торы, ношение кипы? В какой момент можно сказать, что человек находится на верном пути? А если это итог, то как к нему подойти?

– Я могу сказать, как это было у меня, но думаю, что у многих российских евреев ситуация чем-то похожая. Ведь евреи России были оторваны от своих традиций на долгие годы. В какой-то момент я просто начал ощущать неосознанное беспокойство. Когда человек живет вне еврейства, он вдруг начинает поиск... самого себя. В итоге эти искания приводят его к еврейскому образу жизни. Еврейство – это путь, который ты выбираешь. Но это еще и итог исканий, после которых ты становишься на свой путь. Итог и путь не взаимоисключают друг друга – наоборот, они всегда рядом.

Начать нужно с того, о чем ты знаешь: это я буду делать точно. Например, если ты знаешь, что будешь зажигать субботние свечи, то это нужно делать. Очень важно, приняв на себя что-то, не отказаться от этого в дальнейшем. Не сходить с этого пути. Это и будет первый шаг на твоем пути к еврейской традиции. Заповедь влечет за собой другую заповедь.

– Как вы считаете, есть ли будущее у евреев России или его следует искать только в Израиле?

– Я считаю, что будущее у евреев в России есть. Если бы у нас не было надежды и веры, не было бы смысла работать. Ведь мы вкладываем силы и средства, чтобы строить общинную жизнь, надеемся, что это принесет конкретные плоды. Можно жить в России и быть евреем, а можно уехать в Израиль и забыть про свое еврейство. Государство Израиль не является гарантией принадлежности к еврейству. Об этом говорил еще Любавичский Ребе.

СЫН ЗАПОВЕДИ

Бар-мицва на иврите означает «сын заповеди». Юноша по достижении 13 лет в соответствии с еврейской традицией должен самостоятельно исполнять Закон и нести ответственность за свои поступки, так как до этого дня за его поступки были ответственны его родители. Бар-мицвой называется как юноша, достигший совершеннолетия, так и сам праздник, посвященный этому событию.

Минувшим летом в украинском городе Белая Церковь прошел этот замечательный праздник. Впервые за последние семьдесят лет он отмечался торжественно и с подобающим размахом. Бар-мицвой на этот раз был Александр Щербенко – ученик 7-го класса частного еврейского учебно-воспитательного объединения «Общеобразовательная школа I-II степени – детский сад Ор Авнер».

Праздник стал значительным событием не только в истории школы, но и в еврейской жизни города Белая Церковь. И все это – благодаря стараниям прекрасной молодой семьи из Израиля, посланников Любавичского Ребе в нашем городе – главного раввина Белой Церкви Меира Гольцберга и его супруги Браохи. Вот уже почти год, как они плодотворно работают в нашей общине.

...Начался праздник для Саши Щербенко задолго до его дня рождения. Федерация иудейских религиозных общин Житомирского региона во главе с главным раввином Центральной и Западной Украины Шлоймо Вилгельмом организовала прекрасный семинар для ребят, которым в этом году предстояла бар-мицва. Проходил этот семинар в городке Меджибоже с поездками в город Хмельницкий. Ребята много узнали о Торе, о молитве, о Любавичском Ребе.

Как известно, в праздники дарят подарки, а в день бар-мицвы – подарки особенные. Так, благодаря спонсорской помощи мецената из Израиля Нахмана-Иццока Зусмана все ребята получили тфилин: отныне их следует накладывать ежедневно, кроме суббот и праздников. А Саша впервые в жизни наложил тфилин с помощью раввина Меира Ольтцберга. Теперь он может присоединиться к миньяну, и на него в

полной мере ложится обязанность по исполнению всех заповедей Торы. Также ребята получили в подарок цицис, Пятикнижие и часы.

Саша вошел в зал в сопровождении торжественных звуков прекрасной еврейской музыки. Затем он надел тфилин, произнес благословения. Ведущий пригласил родных и почетных гостей зажечь свечи. Первую свечу зажег сам виновник торжества, выразив при этом благодарность организаторам праздника, а более всего – Всевышнему, с чьего благословения этот праздник состоялся.

Раввин Меир Ольцберг подарил Саше бокал для кидуша и затем рассказал всем участникам торжества о значении бар-мицвы, о религиозных традициях, связанных с вступлением мальчиков в этот возраст, и разъяснил, какие обязанности им надлежит теперь исполнять. Он сказал также о том, что в нашем городе у евреев есть будущее, и он будет делать все для того, чтобы оно стало надежным. Заместитель председателя белоцерковской еврейской общины, руководитель миньяна Илья Ефимович Грач подарил Саше сидур «Тегилат Гашем» – сборник, в котором собраны необходимые молитвы. Он сказал, в свою очередь, о том, что молитва – это диалог человека с Б-гом, и пожелал, чтобы диалог этот Саша не прекращал никогда. С торжественным событием поздравила Сашу и директор УВО «Ор Авнер» Нателла Андрющенко.

Сашины одноклассники спели песню «С днем рожденья, тебя» на трех языках: иврите, русском и английском. Затем все гости несколько раз воскликнули «Мазл тов!». Замечательный праздник закончился поздно вечером веселыми песнями и зажигательными танцами.

נאום על אבינו

ПО ПУТИ ОБНОВЛЕННОЙ ИСТОРИИ

Синагога в украинском городе Мариуполе была построена в начале прошлого века, так что она давно уже перестала отвечать требованиям еврейской общины города. Помещение, в котором до войны располагались различные службы синагоги, а после войны – вечерняя школа, пришло в негодность. И решили евреи его восстановить. Нашлись спонсоры...

Теперь в новом молельном зале кипит еврейская жизнь, в синагоге работает детский клуб «Цивойс Ашем». А под руководством молодого раввина Авроома Канельского еврейская община Мариуполя станет жить еще лучше.

Все, кому дорого еврейское наследие, все, кого волнует будущее евреев Донбасса, с большим интересом следят за генеральной реконструкцией мариупольской синагоги. Однако реконструируется не только она. Вся еврейская жизнь замечательного приморского города меняется с каждым днем. И будто на переводной картинке проступают очертания общины будущего.

Сегодня при поддержке донецкой областной еврейской общины открыты первые помещения мариупольской синагоги, и главное из них – молельный зал. Разумеется, без спонсоров ничего бы не вышло. Оказывается, не перевелись еще еврейские филантропы! Главный спонсор проекта – Михаил Беккер. Искренняя признательность за поддержку – Сергею Смелянскому, Лазарю Прахину, Евгению Народницкому, Леонарду Вайнштейну и Дебби Губенко. Но и этими именами перечень благотворителей не ограничивается. Мы также хотим поблагодарить мариупольцев Андрея Березина и Александра Гольдина. И конечно же, председателя религиозной общины Мариуполя Моисея Исааковича Керцера и председателя культурного общества Анатолия Менделевича Чудновского. Это их стараниями в городе была восстановлена община. И те большие преобразования в еврейской жизни мариупольцев, которые сегодня очевидны всем, – их заслуга.

«Мариуполь созрел», – соглашаются все, кто узнал о прибытии в город нового раввина Авроома Канельского. Впрочем, что значит «нового»? Ведь уже несколько поколений мариупольцев никакого раввина не видели. Такова печальная история не одного этого города – почти всей бывшей «страны Советов». Но теперь она пошла по иному пути.

Èã òü Áí èñèì íá

ЕВРЕИ АДЫГЕИ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

После многих лет забвения еврейских традиций в Республике Адыгея создана еврейская общественная благотворительная организация, насчитывающая сегодня около двухсот человек. И в этом значительная заслуга руководства Федерации еврейских общин России, краснодарского «Хеседа Тиква», «Джойнта» и ростовского отделения Еврейского агентства в России, которые оказали помощь в становлении нашей организации.

А началось все с того, что неожиданно на праздник «Симхас Тойра» к нам приехал из Ростова известный ансамбль «Лехаим», покоривший майкопчан своим высоким мастерством. Зрители плакали от радости, а те из них, кто постарше, вспоминали, как бабушки в детстве пели им еврейские песни. Молодежь же вообще впервые услышала свою национальную музыку в исполнении «живых» артистов.

С тех пор прошло более года. За это время наша организация сделала свои первые шаги и достаточно окрепла. Мы приобрели некоторый опыт в проведении еврейских праздников. А ведь именно такие общие торжества во многом играют определяющую роль в деле распространения среди членов общины традиций, культуры и языка еврейского народа.

Немалую помощь в этой работе нам оказывает ФЕОР, а главный раввин России Берл Лазар постоянно присылает нам свои поздравления к праздничным дням. Мы получили много интересных книг и в их числе немало литературы религиозно-духовного содержания. Журнал «Лехаим», газеты «Возрождение» и «Еврейское слово» также являются хорошим подспорьем в нашей работе. В этом году к празднику Пейсах мы получили от ФЕОР мацу и кошерный сок.

Следует вообще отметить, что помощь еврейских организаций во многом облегчает жизнь членов общины. Так, например, теперь 45 малоимущих евреев ежемесячно получают продуктовые наборы, шестеро инвалидов пользуются патронажной помощью, по мере возможности нуждающиеся обеспечиваются реабилитационным инвентарем и лекарственными препаратами.

Немало сил в работу нашей организации вкладывают руководитель общины Яков Френкель, члены совета Марк Миникес, Светлана Сиренко, Жанна Лисичкина, Мила Борщова, Ирина Петрова, Владимир Рутенберг и другие.

У нас работают школа по изучению иврита, клуб «Ветеран», женский и молодежный клубы. Планируем наладить работу детского клуба и клуба национальной еврейской кухни, создать свой ансамбль песни и танца, а также хор. Большое внимание совет общины уделяет одиноким и малоимущим, посещению больных на дому, привлечению людей, имеющих еврейские корни.

Но главной своей задачей мы считаем распространение знаний по истории и традициям еврейского народа. Особенно популярными стали в нашей общине еженедельные празднования Субботы, на которые приходит все больше людей, в том числе и немало молодежи. Разумеется, проводятся они в полном соответствии с традицией. Для изучения традиционного ритуала Шабоса руководитель общины Яков Френкель специально выезжал в ростовскую синагогу. Многие члены общины, по их

собственным заявлениям, едва придя домой после Каболас Шабос, с нетерпением ждут следующей недели.

С большим подъемом прошел у нас также и праздник Швуэс. Особое внимание при его подготовке мы обратили на соблюдение всех традиционных ритуалов и разработали культурную программу, к которой была привлечена молодежь.

За недолгое время работы общины через библиотеку нам удалось наладить регулярное распространение знаний по еврейской традиции среди подопечных нашей благотворительной организации. Большую помощь оказывают нам волонтеры, среди которых много молодых и инициативных: Вика Танская, Катя Шиняк, Лена Настенко, Оксана Сиюхова, Катя Бухарина и другие. Они постоянно находят обездоленных, нуждающихся в помощи людей с еврейскими корнями.

На будущее у нас большие планы: хотим иметь свою синагогу, еврейское кладбище и общинную газету. Евреи Майкопа и Республики Адыгея почувствовали гордость за свою принадлежность к еврейскому народу и уверенность в своих возможностях. Кроме собственного домашнего очага мы обрели еще один дом – нашу общину, где всегда уютно и тепло, где все евреи ответственны друг за друга.

*Ėáííeä Ĩ äëÿðíâ ÷ëáí ññáòà ááðáéíéé íáùéíú Ĩ áééííà,
éí ááééä Ááéééíé Ĩ òá-áñòááí íé áíéíú, ííééíáíéé á í òñòááéä*

ШАГ... К САМОМУ СЕБЕ

Первый в истории города концерт еврейской музыки прошел в Арсеньеве Приморского края. Свою новую программу представил klezmerский ансамбль «Ноар» еврейской общины Владивостока.

В Арсеньев музыканты приехали в первый солнечный день после долгих затяжных дождей. Это вызывало вполне оправданные опасения: многие наверняка поедут на дачи – спасать урожай. Придут ли зрители?

Сомнения оказались напрасными: зал Дворца культуры «Аскольд» был полон. Концерт удалось прекрасно организовать. Да это, собственно, не просто концерт вышел – это была встреча друзей. Музыканты играли – и зал подпевал знакомым с детства мелодиям...

Долго не смолкали и аплодисменты еврейскому хору города Арсеньева. Община Владивостока преподнесла своим арсеньевским друзьям подарки – талис и шофар. Почти вдвое больше запланированного времени длилась эта встреча. А потом были слова благодарности и даже слезы, просьбы приезжать почаще. Однако у ансамбля «Ноар» уже запланированы гастроли по другим приморским городам, особенно тем, где еврейские общины образовались недавно. Так что арсеньевцам придется подождать...

Надо сказать, Арсеньев – не самый лучший город для развития еврейской жизни. Это своеобразный островок социализма в сегодняшней России. Он вырос в свое время вокруг двух огромных военных заводов. А тогда, как известно, национальность инженеров и рабочих играла немалую роль при устройстве на работу на такие предприятия. Заводы остались. Остались люди. И память о прошлом тоже осталась. Но нынешний концерт показал, что жизнь все равно изменилась.

О многом говорит даже сам факт, что евреи Арсеньева не просто смогли собраться вместе, но широко рекламировали свою встречу, приглашая всех желающих. Кстати, с афишами, которые висели по всему городу, произошла забавная история. Один из членов еврейской общины подошел к организаторам концерта с претензией: почему это у вас на афише еврей – и без кипы? Замечание резонное и... приятное. Оплошность, конечно, исправили. Но дело ведь не в этом, важнее другое: идет, стало быть, и в далеком Арсеньеве изучение еврейских традиций, растет уважение к себе, своему народу, его истории. Весьма показателен и такой факт: на концерт пришло почти втрое больше зрителей, чем зарегистрировано в еврейской общине. Значит,

удалось всколыхнуть людей, и, значит, правильно ФЕОР уделила этому событию большое внимание.

Чувствовалось, что для многих этот концерт – первая ступенька, первый шаг к осознанию самого себя, своей принадлежности к истории, традициям, сегодняшнему дню еврейского народа. Пусть шаг этот – совсем небольшой, и сделать его было легко и приятно. Важно, что за ним будут и другие шаги на нелегкой и неблизкой дороге к своему еврейскому самосознанию. Но идти по этой дороге необходимо. Другого выхода просто нет.

Ау: аїаа Оїї еїїа

ПОЛТОРА ВЕКА ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ ПЕТРОЗАВОДСКА

Вышла очередная брошюра серии «Библиотечка газеты “Общинный вестник”». Это – работа Давида Генделева «Из истории еврейской общины Петрозаводска».

Автор прослеживает становление общины с момента появления в городе первых евреев до 1917 года. В предисловии сказано:

«Предлагаемый вниманию читателей очерк является первой попыткой рассказать о 150-летней истории еврейской диаспоры города Петрозаводска. Автор ставил перед собой задачу кратко рассказать о том, когда и как появились евреи в нашем северном городе, никогда не входившем в черту еврейской оседлости, как они осваивались на новом месте и становились полноправными и достойными членами местного общества, сохраняя в то же время свое еврейство, свои обычаи и традиции, как зарождалась, развивалась и затем официально оформилась еврейская община Петрозаводска».

Брошюра написана на основе архивных данных, сохранившихся в фондах Национального архива Республики Карелия. Спонсор издания – бывший петрозаводчанин, ныне живущий в Израиле.

ФУТБОЛИСТЫ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ ДОШЛИ ДО ФИНАЛА

В Петрозаводске под патронажем Государственного комитета Республики Карелия по национальной политике и Комитета по туризму и спорту состоялся чемпионат по мини-футболу «Карелия-2002» среди национальных обществ. На игровом поле встречались немцы, армяне, азербайджанцы, палестинцы, грузины, ингерманландцы, вепсы, русские, евреи.

Команда еврейской общины играла надежно и не проиграла ни одного матча. Лишь в полуфинале при нулевой ничьей были назначены по пять пенальти, которые также не выявили победителя. И тогда при дополнительных пенальти нашей командой была допущена оплошность.

Болельщики бурно реагировали на протяжении всего чемпионата, поддерживая своих игроков, и зачастую на трибунах темперамент проявлялся ярче, чем на поле. Звучала речь на разных языках, но всем было все понятно. Перед финальной игрой выступил еврейский танцевальный ансамбль «Авив».

Оאַעען אַווי אַי

На декоративной стене в одном из оживленных районов Владивостока напротив дома, расположенного по адресу: Океанский проспект, 31, фашиствующими молодчиками были написаны лозунги «Чурок в горы» и «Жида – убийцы детей». Эти фразы были сопровождены фашистской символикой – свастикой, а также подписью «скинхеды».

В соответствии со статьей 1 Закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25. 07. 2002 подобные «художества» считаются действиями экстремистского характера. Об инциденте незамедлительно было проинформировано краевое Управление ФСБ.

ПОКУПАТЕЛЬ ВСЕГДА ПРАВ?

В период предвыборной истерии в Донецке я спросил у одного чиновника:

– Хотели бы вы, чтобы бульвар Пушкина в нашем городе переименовали в «бульвар Адольфа Гитлера»?

Он поглядел на меня, как на зачумленного. Тогда я продолжил:

– Отлично! А как же вы миритесь с тем, что на бульваре Пушкина продается гитлеровский опус «Майн кампф»?

Чиновник поразился:

– Да не может быть! Да я... да когда меня изберут...

Однако прошло время, а между тем по-прежнему фашистская литература как продавалась, так и продается в самом центре Донецка. И, похоже, торговцы ею сворачиваться не собираются.

Мне говорят: у нас демократия. Мне говорят: антисемитизм – это проблема не евреев, а того народа, среди которого мы проживаем. Все это так. Но когда громят синагоги, когда избивают евреев – проблема этого народа становится нашей бедой.

Евреев успокаивают: дескать, последние антисемитские вылазки в Киеве – обыкновеннейшее хулиганство. Что ж, если нам смогут доказать, что синагогу Бродского громили из любви к еврейскому народу, придется с версией о «хулиганстве» согласиться.

Ведь евреи, так или иначе, все равно виноваты. У нас ведь как получается? Когда руки не оттуда растут, когда пропита последняя извилина, кто виноват? Жиды! Против них, злокозненных и зловредных, направлены «граффити», которые все чаще и чаще можно увидеть на донецких – внешних и внутренних – стенах. Надписи дышат «праведным» гневом. «Бей жидов!» – это фраза уже из вчерашнего дня. Сегодня многие антисемитские слоганы даже процитировать невозможно. Сплошная ненависть, замешанная на похабщине. Не откажешь «писунам» в изобретательности. Их бы энергию да в мирных целях! Интересно было бы взглянуть в лица тех, кто эти

юдофобские тексты, под покровом ночи малевал на стенах, и особенно во время «работы». Что бы там читалось: упоение, ненависть, злорадство?

И еще одна любопытная деталь. Грязные надписи убирать никто не торопится. Значит, многие с ними соглашаются. Вот уж действительно, ничто так не консолидирует народ, как ненависть к «инородцам».

В ПАМЯТЬ О НЕМЕЦКОМ ГУМАНИСТЕ

Приезды в гости к еврейской общине Петрозаводска в День города представителей религиозной общины городка Дитрих-Бонхоффер-Кирхе из Германии уже успели стать доброй традицией. Именно им мы обязаны приобретением Свитка Торы, а стало быть, и вследствие этого – появлением в нашем

Шестнадцать воспитанников покинули в этом году

«ТМУ НЕ СТОИТ РАЗГОНЯТЬ ПАЛКАМИ, ДОСТАТОЧНО ВСЕГО ЛИШЬ ЗАЖЕЧЬ СВЕТ...»

Очередная пропагандистская кампания одиозной мессианской секты «Евреи за Иисуса» была развернута в Днепропетровске минувшим летом. В центре города молодые люди в «униформе» раздавали прохожим листовки с призывами признать Иисуса Мессией. В листовках предлагалось также посмотреть видеофильм под названием «Истории выживших в Холокосте» по одному из местных телеканалов.

Подобные действия сектантов вызвали естественное беспокойство еврейской общины и других еврейских организаций города. Ведь, к сожалению, среди евреев Днепропетровска еще есть люди, далекие от культуры и традиций своего народа, и именно на таких в основном и была рассчитана акция.

Против непрошенных доброхотов выступили активисты еврейской общины, учащиеся ешивы, члены молодежного клуба Израильского культурного центра. Важную роль в развенчании лжи сыграла антимиссионерская организация «Лига Маген» в лице ее руководителей – Александра Лакшина и Ильи Куперберга. Они немедленно поделились с пресс-службой еврейской общины имеющимися у них материалами и бесценным опытом противодействия миссионерам во время подобных кампаний в других городах...

Вскоре были напечатаны контрлистовки и плакаты, в которых излагалась правда о деятельности секты «Евреи за Иисуса» и разъяснялась в связи с этим позиция еврейских организаций Днепропетровска. Десятки молодых евреев проводили на улицах многие часы рядом с сектантами, представляя подлинно еврейский взгляд на проблему. Еврейским организациям удалось добиться снятия с телеэфира одиозного видеофильма. Конечно же, это вызывало особое недовольство непрошенных агитаторов. Документально зафиксирован случай, когда члены секты пытались избить учащегося ешивы.

Большая работа была проведена коллективом еврейской телевизионной программы «Алеф». Именно в ее передачах своевременно были даны необходимые оценки происходящему.

Огромный интерес вызвала пресс-конференция, в которой, кроме представителей «Лиги Маген», приняли участие управляющий делами еврейской общины Александр Фридкис и директор пресс-службы общины Олег Ростовцев. Вопросам журналистов не было конца, ведь проблема сектантской опасности может коснуться каждого человека вне зависимости от национальности. Как говорил шестой Любавичский Ребе, «тьму не стоит разгонять палкой, достаточно всего лишь зажечь свет». Информация об этой пресс-конференции прошла по всем городским телеканалам, всеукраинскому каналу «1+1», а также на страницах газет. В результате противодействия еврейской общины Днепропетровска секта «Евреи за Иисуса» вынуждена была свернуть свою пропагандистскую кампанию.

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК МАЛЕНЬКИХ ВЫПУСКНИКОВ

Шестнадцать воспитанников покинули в этом году стены детского сада «Илана», чтобы 1 сентября прийти в первый класс.

Малая синагога Днепропетровска была переполнена и звенела от детских голосов. Совместно с еврейской общиной сотрудницы «Иланы» подготовили выпускной вечер-концерт. На него собрались множество гостей: учителя еврейской школы, представители Хеседа, родители с малышами, дедушки, бабушки.

Директор детского сада Софья Иосифовна Бенционова поблагодарила всех, кто пришел разделить радость ребят, и поздравила «выпускников» с важными переменами в их жизни. Затем будущие школьники показали, чему они научились в детском саду: читать, считать, петь, танцевать. Совершили они и сказочное музыкальное путешествие, отгадывали загадки на темы еврейских праздников. Младшие братья и сестры «выпускников» тоже норовили принять участие в праздничной программе. А с каким интересом взрослые и дети смотрели видеофильм «Один день в детсаду “Илана”»! Детский сад приготовил детям и подарки – дипломы, забавные шапочки бакалавров и школьные принадлежности.

Тепло поздравил ребятшек глава Еврейского агентства г-н Мирон Лахат. Он отметил, что дети переходят к новому этапу своей жизни, пожелал им успехов в долгой школьной учебе и подарил каждому выпускнику набор школьника. Прозвучали поздравления и от директора школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич» Г.И. Скорохода.

От имени жильцов «Дома для пожилых» выпускников и сотрудников детского сада поздравил его директор Ю.А. Медведовский и преподнес виновникам торжества торт. Директор клуба при «Хеседе Менахем» В.А. Роговой посвятил детскому саду песню, а В.А. Ройзман прочитала поздравление. Книгами порадовал выпускников директор клуба «Цивойс Ашем» Иосиф Глик.

Ребятишек также поздравила ребецн Хана Каминецкая и передала им поздравление главного раввина Днепропетровска Шмуэла Каминецкого. Хана подчеркнула, что детский сад – очень важная часть нашей общины, так как известно: смысл жизни еврейской семьи – это дети, ведь именно они – будущее еврейского народа. Разумеется, прозвучало выступление и от имени родителей. И, наконец, внесли огромные праздничные торты. Сладкое угощение завершило праздник.

יְיָ יְאֹדֶאֱלֵנוּ יְדַמְּנוּ אֵלֵינוּ אִתְּךָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

НЕ ЗАБУДЕШЬ, НЕ ПРОСТИШЬ...

Недавно в помещении благотворительного фонда «Хесед Нэр» Луганска собрались ветераны, молодежь, дети – члены еврейской общины города. Поводом для их встречи стала презентация Книги Скорби.

Этот фолиант явился естественным продолжением 15-томной Книги Памяти Луганской области с именами воинов, партизан и подпольщиков, павших в годы Великой Отечественной войны: людей, отдавших самое дорогое – свою жизнь за нашу великую Победу. Книга Скорби призвана увековечить память о мирных жителях Луганщины, погибших от рук немецко-фашистских палачей, от артиллерийских обстрелов и авиационных бомбежек, подорвавшихся на минах, умерших на фашистской каторге. Эти невинные жертвы кровавой и страшной войны достойны того, чтобы память о них не была похоронена, а сохранилась в сердцах живущих, передавалась детям, внукам и правнукам. Чтобы еще и еще раз свидетельствовала об огромной цене, какой досталась Победа над фашизмом.

В поисковой работе по установлению имен погибших мирных жителей активно участвовали работники архивов, учреждений регистрации актов гражданского состояния, музеев, ветеранских организаций, сотрудники областных управлений СБ и МВД, энтузиасты-общественники. Основой рукописи стали акты областной, городских, районных комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, другие архивные материалы, в которых содержатся сведения о зверствах оккупантов в населенных пунктах области.

Непосредственную работу по подготовке материалов и по изданию этой книги осуществляла областная редколлегия и ее научная редакция: руководитель А.М. Семененко и редакторы – И.Р. Акентьев, А.И. Ильин, В.К. Лаухин, И.В. Цикин. Для сбора и оформления материалов много сделали городские и районные редколлегии и рабочие группы. Кроме того, активисты клуба ветеранов благотворительного фонда «Хесед Нэр» и особенно полковник запаса Ф.Я. Шистер немало сделали для восстановления фамилий погибших.

Из 2000 имен в Книге Скорби три четверти принадлежат еврейской общине довоенной Луганщины. Эта огромная цифра отражает масштабы трагедии, разыгравшейся в ноябре 1942 года, когда около 3000 мирных жителей-евреев были расстреляны в противотанковом рву на Острой Могиле.

На презентации Книги Скорби присутствовали немногочисленные оставшиеся в живых родственники погибших. Заведующий научной редакцией Александр Максимович Семененко рассказал о рождении идеи книги и о трудностях работы над ней. Болью в сердце отзывалась каждая его фраза, раскрывающая жестокость нацистов не только по отношению к взрослым, но и к маленьким детям, больным и старикам...

Эмоции и чувства помогли выразить солисты детского театра эстрады «Фортэ, маэстро!» – они спели грустные и трагичные песни «Еврейские глаза» и «Еврейские дети». На глаза наворачивались слезы, а в голове, как набат, звучал один и тот же вопрос «Почему?!»

В своих выступлениях директор благотворительного фонда «Хесед Нэр» Г.И. Рыбникова и председатель общества культуры «Нэр» Е.С. Чекановкина призывали

собравшихся к участию в работе по возрождению и восстановлению еврейской истории и традиции в Луганске. Ближайшая цель – установка монумента на Острой Могиле, дальнейший поиск родственников погибших. Присутствовавший на презентации главный специалист управления по делам национальностей областной администрации В.В. Сумкин подчеркнул важность такой работы в деле воспитания подрастающего поколения.

Продолжением программы презентации стала поездка ее участников к месту расстрела и захоронения. Там по еврейской традиции прозвучала поминальная молитва «Кадись», и под волнующие звуки скрипки были возложены камни к могиле. Стоя на холодном ветру и всматриваясь в эти деревья и холмы, безмолвные свидетели зверств фашистских карателей, невольно клянешься в том, что ты это «не забудешь, не простишь»! И пусть живет светлая память о невинных жертвах немецко-фашистских мучителей в сердцах каждого из нас, пусть передается она из поколения в поколение. Вечный покой им!

Èdèí à Ádàááí pé

ЖУРНАЛ «А ИДИШЕ МАМЭ»

– ЛАУРЕАТ КОНКУРСА

В Донецке состоялся региональный конкурс «Пресса Донбасса», посвященный 70-летию Донецкого каменноугольного бассейна.

На торжественной церемонии подведения итогов конкурса начальник управления по делам прессы и информации Донецкой областной администрации Александр Гурбич в своей приветственной речи отметил, что сейчас в Донбассе выходит более восьмисот периодических изданий, многие из которых отличаются хорошим качеством и высоким уровнем профессионализма. В номинации «За лучшую публикацию по вопросам национальных меньшинств» стал лауреатом и был награжден специальным дипломом и памятной медалью еврейский журнал «А идише мамэ».

Журналу еще не исполнилось и двух лет, а он уже стал гордостью общины. Для многих еврейских женщин «А идише мамэ» – настоящая добрая подруга.

«МОЙ ИЕРУСАЛИМ»

В хоральной синагоге «Золотая Роза» Днепропетровска состоялась выставка израильского фотохудожника Михаила Левита «Мой Иерусалим».

Михаил Левит создал серии фотографий, запечатлевших его видение и его ощущение Вечного Города. Печать веков на улицах Старого Иерусалима, неоновые огни современных кварталов. Иерусалим днем, Иерусалим ночью, при свете палящего солнца и... в снегу.

Счастливые, скорбные, вдохновенные лица в серии «Стена плача». Боль утрат и ненависть к преступникам, которые ощущаешь, рассматривая фотографии серии «Последствия террора». Красота, нежность, трепет чувства – на снимках серии «Двое в Иерусалиме»...

Выставка «Мой Иерусалим» уже была показана во многих странах мира. Теперь она работает в Украине при поддержке Еврейского агентства «Сохнут».

– Символично, что выставка «Мой Иерусалим» проходит в здании синагоги, – сказал на торжественном открытии вернисажа главный раввин Днепропетровска р. Шмуэл Каминецкий, – ведь до восстановления Храма и прихода Мошиаха каждая синагога являет собой маленький Иерусалим.

КОФИ АННАН ОБЕСПОКОЕН РОСТОМ АНТИСЕМИТИЗМА В ЕВРОПЕ

В ходе своего недавнего визита в Украину генеральный секретарь ООН Кофи Аннан посетил мемориальный комплекс «Бабий Яр».

– Я хотел выразить свою солидарность с жертвами антисемитизма и национальной нетерпимости, – сказал он. – Это еще и знак моей решимости делать все возможное, чтобы побороть ненависть и зло, которые так уродуют наш мир.

Кофи Аннан заявил также, что участвовавшие в последнее время нападения на синагоги Европы «не должны оставить равнодушными людей в любой точке мира, всех тех, кто обеспокоен проблемами прав человека и человеческого достоинства».

«ПРОДОВОЛЬСТВИЕ РАДИ ПРОГРЕССА»

В Днепропетровске прошел всеукраинский семинар по вопросам реализации американской программы «Продовольствие ради прогресса» в Украине.

Семинар проведен под эгидой Всемирной еврейской организации помощи и утешения (ВЕОПУ) – официального организатора этой акции в Украине. Акция предполагает поставку гуманитарной продовольственной помощи для беднейших слоев населения независимо от национальности.

В семинаре приняли участие глава ВЕОПУ р. Элизер Авцон, директор программ организации в СНГ Эли Лившиц, главные раввины регионов Украины и представители большинства крупных еврейских общин. В ходе семинара обсуждались вопросы взаимодействия и координации усилий по претворению в жизнь этой гуманитарной акции.

Гости познакомились с работой недавно открытого Дома для пожилых «Бейт Барух», построенного ВЕОПУ совместно с днепропетровской еврейской общиной, а также со строящимся на средства этой организации медико-консультационным центром.

ДНЕВНОМУ ЦЕНТРУ ХЕСЕДА – 5 ЛЕТ

*נאיר יאדאר «עדער» אאוב יוי אעע אי אאי יע ואי אד אעאא א אי דע אעו יא
וייא «וייא י אי אואי» אי אי די אד די אעא*

Его важность для еврейской общины трудно переоценить. Именно в центре одинокие пожилые люди, многие из которых из-за возраста и болезней не в состоянии выйти из дома без посторонней помощи, восполняют дефицит общения и внимания, необходимых каждому человеку. Дневной центр стал для подопечных вторым домом, где они участвуют в различных программах, слушают лекции, смотрят кинофильмы, занимаются рукоделием. Здесь они могут получить квалифицированную медицинскую консультацию и помощь в решении своих бытовых проблем.

В клубе хеседа «Фрейлахс» выступили почетные гости праздника – директор Днепропетровского отделения «Джойнт» Менахем Лепкивкер, главный раввин Днепропетровска р. Шмуэл Каминецкий, посланник Еврейского агентства «Сохнут» Илана Липкин. После торжественной церемонии состоялось застолье и праздничный концерт, подготовленный членами клуба «Фрейлахс» и его директором В. Роговым. Но особенно приятными для организаторов Дневного центра стали благодарные слова его подопечных.

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ГИТЛЕРОВСКИХ ПРИХВОСТНЕЙ ЖИВУТ И ЗДРАВСТВУЮТ... В УКРАИНСКОЙ ПРЕССЕ

В своем выступлении на международном семинаре «Права национальных меньшинств в демократии», состоявшемся в Севастополе, представитель еврейской общины этого города Борис Гельман обнаружил многочисленные факты антисемитизма, которые проявляются в публикациях ряда украинских изданий.

В частности, Гельман сослался на газету «Дзвін (колокол) Севастополя» – орган общества «Просвіта» им. Т. Шевченко. Набор затертых антисемитских штампов о «жидобольшевиках» и евреях в новоявленном «колоколе» практически повторяет наиболее одиозные пассажи профашистской газеты «Голос Крыма», которая выпускалась в Симферополе пособниками гитлеровских захватчиков до последних дней оккупации.

«Дзвін» даже автора книги «Как закалялась сталь» называет «шепетовским жидком». Показательно, что тираж «Дзвіна Севастополя» за последние полгода вырос с трех до пяти тысяч экземпляров.

Не отстает и львовский «Идеалист», опубликовавший на трех полосах список из нескольких сотен фамилий политиков, писателей, артистов, промышленников, врачей прошлого и нынешнего веков, которые «господствовали,

господствуют и хотят господствовать, превращают коренных украинцев в рабов, уничтожая этнос!» В одном ряду оказались Леонид Кучма (Кучман-Гольдштейн), Леонид Кравчук (Блюм), Голда Меир, Илья Мечников, Виталий Коротич (Гольдштюкер), Илья Ильф, академик Патон и многие другие. Неизменным девизом первой полосы «Идеалиста» остается призыв: «Примем закон о депортации жидов с Украины».

Í î ì à ò á ð è à é à ì

ì ð à ñ ñ ò á ì ò ð à Á Î Ò

Á ì à ì ð ì ì à ò ð ì à ñ è à

è Á à ð à é ñ è ì à ò à é à ñ ð à ò ì ì à ñ à ñ ì ò ñ à ì

ВЫПУСКНОЙ ВЕЧЕР В ЗАЛЕ КОНГРЕССОВ

В Зале конгрессов Вильнюса прошел благотворительный концерт, в котором приняли участие кантор из США Джозеф Маловани, баритон из Южно-Африканской республики Колин Шахат, дирижер Эли Яффе из Израиля и Государственный симфонический оркестр Литвы.

Концерт приурочили к окончанию учебного года в вильнюсской еврейской школе «Бейс Менахем» и посвятили второму ее выпуску. На вечер были приглашены выпускники и учащиеся школы, члены еврейской общины литовской столицы. В зале прозвучала литургическая музыка, а также классические произведения Верди, Мендельсона, Бизе.

יְיָ יִתְּנֵנוּ אֱלֹהֵינוּ אֲדֹנָי יְהוִה

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְהוִה יְהוִה

Памяти евреев Данкере

אֲדַע־דַּע נִי עֲדַעִי, יֵאָדָד יֵאָדָד

Эти земли оказались в Задвинском герцогстве по окончании Ливонской войны, а в 1585 году вместе с замком Крейцбург (Крустпилс) были пожалованы польским королем Стефаном Баторием барону Николаю Корфу, чей род владел ими до 1920 года. Представители этого рода играли заметную роль в истории России. Однако речь пойдет не о баронах Корфах, а о клине земли, который к началу XIX века в результате сложных территориальных преобразований находился на стыке трех губерний Российской империи — Лифляндской, Курляндской и Витебской.

Возникшее здесь в начале XIX века местечко было основано евреями. Называлось оно по-еврейски Данкере, по-немецки – Трентельберг, по-русски – Глазманка, а по-латышски – Зарну-Миестс, что в переводе означает «Кишечное местечко». Далее мы будем использовать еврейское название Данкере, или русское Глазманка, как в документах того времени, а с 1933 года – новое латышское название Гостини. Витебская губерния, к которой относилось местечко, входило в черту еврейской оседлости, и в ней могли селиться евреи, чего им не позволялось в Лифляндской губернии. В Курляндской же губернии могли проживать только потомки тех евреев, которые жили там во времена Курляндского герцогства – оно образовалось после распада Ливонского ордена и существовало в XVI-XVIII веках.

Расположение местечка было очень выгодным. Недаром говорили, что петухи Данкере будили сразу три губернии. Местечко быстро развивалось, и уже в начале XIX века было торговым и ремесленным центром округи. В 1830 году в Данкере имелись конная почтовая станция и паромная переправа через реку Айвиексте. В 1847 году здесь жили 192 еврея и была одна синагога. В 1860 году была построена железнодорожная линия Рига-Динабург (Двинск, впоследствии – Даугавпилс), и в соседнем местечке Штокмансгоф (по-латышски – Плявиняс) открылась железнодорожная станция.

Пожар 1888 года уничтожил много домов и магазинов, принадлежавших евреям Данкере. Но уже к началу XX века местечко возродилось, и в нем было три синагоги – одна для миснагим^[1] и две для хасидов: миньян^[2] Биньемина и миньян Шмуэла. Действовали «Хевра-кадиша»^[3] (похоронное «Святое товарищество»), «Малбиш-арумим»^[4], «Бикур-холим»^[5] и другие организации, характерные для еврейского местечка. С 1875 года председателем общины был Дов-Бер Зелигман, занимавший пост раввина в течение 41 года.

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 году среди 2328 жителей местечка Глазманки (Данкере) было 1976 евреев – следовательно, они составляли 84,9%. Это было наибольшее процентное отношение еврейского населения к общему числу жителей в городах и местечках Восточной Латвии.

В XIX веке в Данкере были три основные улицы: Алтэ гас, Грэйсэ гас и Клэйнэ гас^[6]. На Алтэ гас были трактир, мастерская конного инвентаря, ювелирная мастерская, бакалейная лавка, а также ряд иных торговых и ремесленных заведений.

Судя по данным той переписи, евреи в основном занимались торговлей (около 40%) и делами, связанными с производством (36%). Производство было почти исключительно ремесленным, в основном – чуть ли не наполовину – изготовление одежды и обуви. В средней портняжной мастерской работали три-четыре человека, а в сапожной – два. Как правило, это были члены одной семьи.

Все течения революционного движения проникали в Данкере из Двинска и Риги через Крейцбург. С начала XX века в местечке активизировался Бунд – еврейское социал-демократическое движение. Его члены играли в этой местности центральную роль в первой российской революции 1905 года. Наиболее известны были революционеры брат и сестра Столперы. Своей революционностью в то время Данкере превосходило все окрестные местечки. За это царские каратели сожгли Данкере.

Но жизнь возродилась. В 1909 году в Данкере уже было одно еврейское училище – школа с женской сменой.

Очень ярко описывает жизнь тамошних евреев в конце XIX – начале XX века в своих воспоминаниях Х. Эрлих в книге на идише «Данкере», увидевшей свет в 1956 году в далеком Йоханнесбурге.

Жизнь в местечке была нелегкой, скорее очень тяжелой. Конечно, богатые ни в чем не нуждались, люди среднего достатка кое-как перебивались. Но большинство евреев были бедными и постоянно боролись за существование, зачастую испытывая нехватку денег на субботнюю трапезу и праздничные расходы. Единственным местом, где еврей мог немного забыться, была синагога. Чем беднее был человек, тем он был набожнее.

Своей ешивы в местечке в то время еще не было. Но были ученики ешив соседней Литвы, которых содержала местная еврейская община: тогда это называлось «эсн тег», «дни еды». Для каждой еврейской семьи был назначен день, когда она кормила ученика ешивы. Поэтому тот, как правило, все дни недели питался в разных домах.

Вот несколько типов и эпизодов из жизни Данкере на рубеже XIX и XX столетий, описанных Х. Эрлихом.

Сапожник Авром-Лейб

Авром-Лейб был сапожником и жил в Данкере, а работал в Лифляндской губернии на хуторе, верстах в 15 от местечка. Уходил он туда в воскресенье, а возвращался в пятницу. Авром-Лейб не делал высококачественную обувь – он был специалистом по заплатам. Если не было заказчиков на ремонт обуви, то он не гнушался и другой работой. Мог разобрать «кукушку» и снова собрать ее, и часы ходили как новые. Однажды на хутор, где работал Авром-Лейб, заехал один немец на «колесе» (велосипед начала XX века). Это зрелище зачаровало сапожника. Он решил, что должен сделать себе такое же «колесо» – ведь тогда ему не надо будет идти домой пешком. Но из чего смастерить его? Из... дерева! Да, деревянный велосипед. И ведь сделал! Только колеса имели железный обод, а все остальное было из дерева. И когда Авром-Лейб ехал, все местечко сбегалось поглазеть.

Портной Михл

Михл был не только портным. Еще он стриг волосы и ставил в бане банки. У него было прозвище Михл Соня. Он шил медленно, говорил медленно, даже спал медленно. Но Михл был надежным портным – если он пришивал пуговицу, то намертво. Могла обветшать сама одежда, но пуговицы не отрывались. Свое прозвище Михл получил из-за того, что засыпал за работой. Жена его постоянно будила. Михл смотрел сначала на жену, потом на работу и дремал дальше. Однажды он подстригал раввина. Как всегда, Михл задремал, спохватился и стал стричь дальше. Раввин тоже, сидя в кресле, задремал. Но вдруг он очнулся и закричал: «Михл, что ты наделал?! Ты мне отрезал один пейс!» Михл очень испугался, и предложил... приклеить отрезанный пейс, пока отрастет новый. Все жалели раввина, ходившего с одним пейсом, но еще больше жалели Михла Соню. Он очень переживал,

даже перестал стричь взрослых. Потом он вообще прекратил стрижку, потому что, задремав в очередной раз, чуть не отрезал ребенку ухо.

Ребе Лейб Тагерер

Ребе был учителем в хедере. Он был очень жестоким. По его понятию, вдолбить мальчику Тору можно было только силой. Происходил он из Литвы, из городка Жагары (слово «жагары» по-латышски означает «розги»). Для ребят из Данкере ребе использовал не только розги, но и ремень (бил учеников по спине), острую указку, драл за уши, а иногда даже поднимал за уши в воздух. Он не только бил детей, но еще и ругал их: «Буяны! Прохвосты! Чтоб вы сгнили!»

Однажды щедушный ребе побил одного ученика. Но тот, парень здоровый, не стерпел обиды, по его мнению, незаслуженной, схватил ребе за бороду и швырнул его на пол. Ребе подняли, смыли кровь, но от драчливости он так и не отучился. Учеников в хедере было много, и отцы считали, что без побоев ничему научить нельзя. Ученики запомнили ребе на всю жизнь, особенно те, у кого уши были вытянуты, как у осла, или искривлен позвоночник. Правда, особенно ученые люди из этого хедера так и не вышли.

Юдл-извозчик

Когда Юдл-извозчик должен был везти пассажира на станцию в Штокмансгоф, то он выезжал на час раньше, чем другие извозчики местечка. Дело в том, что его лошадь не бежала, а еле плелась. Юдл был бедняком и, как вся еврейская беднота, многодетным. Тех нескольких грошей, что он зарабатывал, не хватало на жизнь его семье, и лошадь у него тоже была не кормлена. Голодная лошадь не хотела работать, и Юдл ее жестоко бил. А люди, как водится, жалостливые... Евреи пошли к раввину и попросили его прекратить издевательство над живым существом. Раввин вызвал Юдла и потребовал кормить лошадь. Тогда Юдл спросил: «Что важнее – лошадь или семья?» Раввин подумал и сказал, что семья все же важнее, но если лошадь сдохнет, то Юдл, во-первых, останется без работы, а во-вторых, лошадь может пожаловаться Всевышнему и наверняка выиграет процесс. Юдл испугался: вступать в конфликт с Б-гом он не хотел. Но лошадь уже было не спасти, и она сдохла от голода. Остался Юдл без лошади и вечно оглядывался: ему все казалось, что лошадь зовет его на суд Всевышнего.

Шая-книгоноша

Дважды в год Шая-книгоноша появлялся в Данкере с пачкой книг на плечах. Был он горбатым, с большим красным и тоже горбатым носом. Шая приносил дешевые романы про принцев и принцесс, книжки про «хороших евреев», которые творили с Б-жьей помощью чудеса: возвращали зрение, излечивали хромых и т. п.; рассказы про всякую чертовщину, от которых у читателей дух захватывало, например о том, как грешников жарили черти. Причем это было настолько правдоподобно описано, что читатель мысленно мог ощутить запах смолы и серы. Книжки у Шаи раскупали, ибо читали и стар и млад. В одном из домов даже была библиотека. Чтобы в нее записаться, надо было заплатить три копейки.

Учитель

Как и у всех людей, у него, конечно, было имя, но по имени его никто не называл – все звали его «учитель». Он был маленьким, тщедушным, с водянистыми глазами и большим

горбатым носом. Зимой и летом он повязывал шею шарфиком – так ему в детстве велел доктор.

Он учил мальчиков и девочек читать и писать на идише, и называл это «давать уроки». Ходил учитель с папкой подмышкой, за одним ухом – карандаш, за другим – ручка с пером. Для большей респектабельности он нашел на шапку кокарду, а на сюртук – медные пуговицы и был очень горд, когда к нему обращались «господин учитель». Он также занимался тем, что писал людям письма, в частности любовные письма юношам и девушкам.

Учителя приглашали также читать вслух романы. Но вот беда: он был очень сентиментальным. Дойдя до трагического момента, он начинал плакать, и, глядя на него, начинали плакать все слушатели.

Умение читать и писать на идише в то время очень ценилось, и учителя были востребованы. Когда рабочее движение пришло и на еврейскую улицу, там уже были люди, понимавшие, что им говорят, а главное – что пишут.

Герман-фельдшер

В местечке не было постоянного доктора – не потому, что люди не болели, а потому, что бедные евреи не имели возможности заплатить 50 копеек за визит к врачу. А вот фельдшеру за визит надо было платить 10 копеек. Звали фельдшера Герман. Насколько он понимал в медицине, сказать трудно. Банки и пиявки он не признавал, считая это варварством. Его любимым методом лечения были клистир и касторка. Если он видел, что помочь не может, то говорил, что это «дело Б-жье» и уходил.

Герман был очень нелюдимый ассимилированный австрийский еврей. Кто теперь скажет, как он оказался в Данкере? Столь же необщительной была и его жена. Они вели свою замкнутую жизнь и ни с кем не общались. Но надо же было случиться, что у

фельдшера умер отец. И Герман изменился. Он трижды на день ходил в синагогу, произносил поминальную молитву «кадиш». Он стал здороваться, останавливать людей и спрашивать: «Как здоровье? Как поживаете?» А главное, входя в дом, целовал мезузу.

Поющий ящик

В те стародавние времена, когда в Данкере не знали, что такое граммофон, в местечке появился еврей с ящиком подмышкой. Он сказал, что этот ящик может «делать музыку» и петь. Одни считали его обманщиком, а другие думали, что в ящике сидит черт, который делает все, что ему прикажут. Третьи предлагали хорошо прощупать этого типа: может быть, у него самого имеются хвост или копыта. Пришелец только усмеялся. Через несколько дней его пригласили в дом, битком набитый народом, и предложили показать чудо из ящика.

«Чудотворец» водрузил ящик на стол, накрутил пружину, поставил пластинку и сказал, что желающие слушать должны заплатить по 10 копеек. Смельчаков долго не находилось. Наконец, два здоровенных парня заплатили. Владелец ящика протянул им две трубочки, чтобы те вставили их в уши. Услышав первые звуки, парни испугались, выдернули из ушей трубочки и трусливо сбежали. Но нашлись другие, решившиеся на рискованный шаг, они стали слушать... И Данкере признало, что пришелец этот не черт и не шарлатан. Владелец поющего ящика ушел из местечка, унося честно заработанные деньги.

Через несколько лет в Данкере приехал другой еврей, который снял дом и установил там «смотровые ящики», в которых за две копейки можно было увидеть Москву, Киев, Париж и Лондон, но главное – он привез граммофон с большой трубой, и люди наслаждались прекрасными мелодиями из «Колдуньи» и «Суламифи» – очень популярных в те годы музыкальных драм Авраама Гольдфадена, «отца еврейского театра».

Театр в Данкере

В местечковой аптеке работал молодой человек по фамилии Бернштейн. Он был очень способным – пел, танцевал, мог пародировать разных людей, но главное, он знал, как должен играть еврейский театр.

Поскольку местное общество «Бикур-холим» очень нуждалось в деньгах, Бернштейн предложил поставить пьесу, а весь доход отдать «Бикур-холим». Евреи Данкере очень настороженно отнеслись к этой затее: парень из Двинска, в синагогу не ходит, его даже видели курящим в субботу! Тогда Бернштейн в связи с приближающимся праздником Пурим предложил устроить Ахашверош-шпиль¹⁷¹, но не силами детей, как это делалось обычно, а только взрослых. Представление настолько хорошо и весело прошло в женской части синагоги, что народ смеялся от души.

Это вызвало доверие к Бернштейну. Он стал отбирать юношей и девушек и с наиболее способными из них начал репетировать пьесу Гольдфадена «Колдунья». На рыночной площади сколотили из досок помост, развесили фонари, освещавшие сцену. Актеры были одеты в самодельные шляпы и разноцветные одежды. Сам Бернштейн играл характерную роль Хоцмана. Спектакль имел такой успех, что евреи – и стар, и млад, благочестивые и вольнодумцы, – посещали представления и уходили довольные. Те несколько дней, когда шел спектакль, были в местечке праздником. После спектакля народ распевал песни, которые пела Бобе Яхне, а кое-кого из жителей местечка дразнили Хоцманом.

После такого успеха Бернштейн планировал поставить еще один спектакль, но, к большому сожалению жителей Данкере, его перевели в другой город. С отъездом Бернштейна все обитатели местечка почувствовали, как им не хватает этого двинского парня, который внес в их жизнь такую радостную струю.

Перец-похоронщик

Не было в Данкере человека, который не знал бы Переца. Во-первых, его постоянно видели перевозившим в тачке шкуры со скотобойни на кожевенный завод, в дубильню. Во-вторых, у него был столик, который он ставил на улице и торговал разными детскими лакомствами: имберлех, лекахом, вареными бобами и др. И, наконец, в-третьих, Переца видели на всех похоронах. Он ходил с коробкой для пожертвований и читал заупокойную молитву («справедливость предшествует Ему»). Интересно, что сам Перец, будучи бедным человеком, не любил бедных. Когда хоронили бедного, то молитву он читал быстро и невнятно, как будто кто-то стоял сзади и подгонял его. Наверное, Перец думал: «Эй ты, несчастный! Кто просил тебя вообще родиться на этот свет, или ты думаешь, что без тебя мы здесь и не выкарабкались бы?» Но когда умирал богатый, Перец шел медленно, в такт шагам распевая молитву печально-сладким голосом и поглаживая свою кудлатую бороду. Это должно было означать: «Жаль, что он умер. Был-таки этот еврей свиньей, но рублик у него все-таки можно было вырвать».

Несмотря на постоянное присутствие на похоронах, занятия далеко не веселом, Перец обладал живым чувством юмора. Правда, юмор этот был соответствующим. Однажды зимой члены похоронной команды «Хевра-кадиша» так увлеклись водкой, что не захотели идти на кладбище, которое находилось в нескольких верстах от местечка.

Тогда Перец крикнул: «Эй вы, что вы тут пьянствуете, а несчастный покойник мерзнет?!» В другой раз он сказал: «Мало того, что эти несчастные болеют, они еще и умирают». Однажды Переца спросили, почему он так торопится, читая заупокойную молитву по бедняку. Он ответил: «Из чисто практических соображений – чтобы покойник знал и в следующий раз не умирал!»

Пожарная команда

Как и в любом местечке, в Данкере была пожарная команда. Вообще-то это не была и ни «пожарная», и ни «команда». Просто на краю базарной площади стояла маленькая деревянная будка, в которой находилось несколько бочек на колесах, пара пожарных рукавов и несколько лестниц. Поскольку пожары были редкостью, то весь этот инвентарь мирно «дремал». Однако когда случался пожар, то пожарным вдруг становился каждый. Впоследствии положение изменилось, и пожарная команда стала более современной, модной для того времени организацией, члены которой ходили в касках с кокардами и с медными пуговицами.

* * *

Имущественное положение, как это водится, играло очень важную роль в жизни населения Данкере. Так, например, никогда нельзя было увидеть дочь богатых родителей, которая общалась бы с сыном ремесленника, или чтобы богач когда-нибудь беседовал с человеком, который был ему ровня. В свое время это обстоятельство повлияло на развитие сионистского движения: до начала XX века сионизм – удел детей богатых родителей, которые не хотели общаться с бедными, считая это ниже своего достоинства. Даже идиш – язык еврейских народных масс – эти круги считали анахронизмом и символом отсталости еврейского общества, пренебрежительно называя его «жаргоном».

Во время первой мировой войны многие евреи были вынуждены бежать из местечка из-за военных действий, в ходе которых было разрушено 152 из 192 домов, существовавших в Данкере. После войны евреи начали возвращаться в родное местечко, и жизнь в нем стала налаживаться. С помощью «Джойнта» был создан кредитный фонд, при его участии были построены синагога и 220 индивидуальных жилых домов.

Латгалия, в том числе и Данкере, в 1920 году вошли в состав независимого Латвийского государства. В том же году в местечке насчитывалось 544 еврея – 61% всех его жителей. Дети в том году учились в хедере («Талмуд-Торе»). А в следующем, 1921 году открылась еврейская основная школа (в Латвии это была шестилетка) с обучением на идише, которая в 1934 году была преобразована в учебное заведение с преподаванием на иврите.

В 1927 году хасиды-хабадники основали в Данкере ешиву «Томхей Тмимим», которая в 1935 году стала называться «Бейс-Йосеф». На деньги местных фабрикантов Вестерманов с 1938 года содержался полуторазэтажный дом, служивший общежитием для учеников ешивы – там они жили и питались. Условия жизни для них в Данкере считались даже лучшими, чем в Риге.

В 1933 году местечко получило статус города и стало называться Гостини. Его жители в 30-х годах занимались торговлей на 90 предприятиях, рыболовством, лесосплавом, а также производством на 70 мелких предприятиях. Наиболее крупным из предприятий был кожевенный завод Вестерманов, славившийся мужскими поясами

ремнями и подошвенной кожей. Завод был семейным делом, и сыновья хозяина не гнушались никакой тяжелой работой. Евреи городка зарабатывали на свою скудную жизнь, будучи ремесленниками – портными, сапожниками, мясниками и т. д., но в основном они занимались торговлей, в том числе вразнос, а те, у кого была лошадь, – развездной.

Процветала и общественно-политическая жизнь. Помимо упоминавшегося Бунда в 20-е годы в тогдашнем Данкере было организовано местное отделение партии «Цеирей-Цион», и основная политическая активность в городке концентрировалась вокруг этой партии. Действовал также ряд молодежных организаций, в большинстве своем сионистских – «Гехалуц», «Бар-Кохба», «Гашомер-Гацаир» («Нецах»), «Гордония» и «Бейтар». Был свой театральный кружок и «Бялик-клуб».

Жизнь в маленьких городках Латвии в те годы была тяжелой. Люди стремились в более крупные города, главным образом портовые – Ригу, Лиепаяу, где была сосредоточена основная торговая деятельность, а значит, было больше возможностей заработать. Там в основном в 20 – 30-е годы концентрировалось еврейское население Латвии. Определенную роль в этом процессе, по мнению профессора М.У. Шац-Анина (1924 год), сыграло разрушение многих еврейских местечек во время первой мировой и гражданской войн, а также то, что евреи экономически вытеснялись как из местечек, так и из сельской местности (имеются в виду населенные пункты с населением менее 2000 жителей), а их хозяйственную нишу постепенно занимали латыши. Этот процесс М. У. Шац-Анин связывает с ярко выраженной проаграрной и антииндустриальной политикой нового Латвийского государства, которая вела к увеличению доли сельского населения. Поэтому в мелких городках население сокращалось от переписи к переписи, а особенно – доля евреев.

В 1935 году в Гостини жили 933 человека, в том числе 504 еврея (54% населения). Улиц в городке было уже более полутора десятков, но главной по-прежнему оставалась Большая улица. В 1937 году из-за неосторожного обращения с огнем выгорела одна сторона этой улицы, обращенная к реке. Сгорели главным образом деревянные дома евреев. Каменные дома и церковь огонь не осилил.

После первой мировой войны раввина Дова-Бера Зелигмана сменил раввин Иехиел Фридман. А в 1934 году раввином – теперь уже города Гостини – стал Шая-Хонох Баркан, старший брат нынешнего главного раввина Риги и Латвии Натана Баркана, который в то время учился в местной ешиве. Тогда в ней было три класса с 40 учащимися. Главой ешивы был Иехезкел Химельштейн. Ешива просуществовала до 1940 года, когда в Латвии была установлена советская власть. В то время в Гостини было три синагоги, в том числе Алтер миньян и Елеймнер миньян.

Определенный интерес Данкере-Гостини представляет и в плане языка идиш. Этот язык в каждой из трех упомянутых смежных российских губерний имел свои особенности. Так, например, в Данкере говорили «трумл», что означало жестяной сосуд для кипячения воды, который сверху был узким, а книзу расширялся. «Штремлинг» означало копченую салаку: отсюда, с большой долей вероятности, происходит употребляемое в некоторых областях России русское слово «стремишка». Небольшой бочонок для вина, пасхального меда, называли «анкер», а затыкали его «шпунтом», – это уже влияние немецкого языка.

Раввин Натан Баркан, рассказывая о времени своей учебы в Гостини, упоминает набожного банщика, молившегося по три раза на день, которого за его радикальные

взгляды называли «коммунистом», и другого «политика», известного как местный «Керенский». В памяти Натана Баркана запечатлелись также два еврея-коробейника, торговавшие своими товарами вразнос по хуторам и деревням. Это были люди высокой порядочности, честности и отзывчивости. Когда они отошли от дел по старости, то окрестные крестьяне, приезжая в Гостини по своим делам, навещали их по старой памяти и привозили им свои немудреные гостинцы – продукты своих хозяйств.

В жизни евреев Латвии Гостини играл заметную роль: туда даже приезжали «высокие гости» – кандидаты в депутаты латвийского парламента – Сейма, а также претенденты на выборные места в еврейских организациях. Отношение к ним было разное. Хотя еврейское население городка было достаточно грамотным и читало не только молитвенник, но и газеты, однако кое-кто руководствовался не политическими декларациями, а собственными соображениями, например такими:

– Я буду голосовать за того бородатого!

— Почему?

– Потому, что он курит, а может и выпить – значит, свой человек!

...Части Красной армии 17 июня 1940 года вошли в Гостини. Год советской власти – до нападения Германии на СССР, – внесло некоторые изменения в жизнь населения Латвии, в том числе и евреев этого городка. Однако следует отметить, что в списках высланных в Сибирь в ходе массовых репрессий 14 июня 1941 года жителей Гостини нет. А уже через неделю, 22 июня, Латвия стала ареной военных действий.

Ужасы войны не обошли Гостини, и в первую очередь они затронули евреев. С самого начала гитлеровской оккупации из представителей местного населения – бывших полицейских и айзсаргов, членов военизированной националистической организации, – была создана группа «самоохраны» (так в Латвии назывались добровольные отряды нацистских коллаборационистов, созданные в первые дни войны). В этой группе числилось 18 человек, а возникла она по личной инициативе самих «самоохранщиков», так как со стороны немецких властей никаких указаний на этот счет не поступало. Их распоряжение о создании из местных жителей трех видов полиции (А, В и С) поступило в соседний Крустпилс только в сентябре 1941 года. Все «самоохранщики» были вооружены трофейным советским оружием.

Гостиньские евреи были арестованы, по разным данным, через 7 – 10 дней после начала войны. Так называемое «изъятие» евреев происходило по следующему сценарию. В июле 1941 года все еврейское население было оповещено повестками, предписывавшими: собраться на следующий день на рыночной площади для получения информации. В назначенный день «самоохранщики» обошли весь город и тех евреев, которые не явились сами, согнали на площадь силой. Когда все собрались, площадь была оцеплена вооруженными «самоохранщиками», чтобы никто не смог уйти.

Директор гостиньской школы, он же бывший айзсарг, а теперь еще и руководитель местной группы «самоохраны», – Петерис Рейнфелдс произнес речь, в которой, в частности, заявил: «Жи́ды шли против латышского народа, они продавали латышский народ, по их инициативе были высланы латыши из Латвии в период установления советской власти в Латвии в 1940 году. Теперь жи́ды должны понести кару перед латышским народом». После этой речи все находившиеся на площади евреи были взяты под стражу. Мужчин отвели в одну синагогу, а женщин и детей – в другую. Затем от

каждой семье выделили по одному человеку, который в сопровождении «самоохранщиков» шел домой за вещами и продуктами для своей семьи. Во время этой операции у евреев отбирали ценные вещи: часы, кольца, серьги, брошки и т. д. Дома, квартиры должны были быть заперты, а ключи с бирками, на которых были указаны адрес и фамилии жильцов, нужно было сдать. Когда выделенные люди вернулись с продуктами и вещами, всех евреев перевели в отведенный для них квартал города. Разместили там около 300 евреев, и их стерегли вооруженные «самоохранщики».

Квартал находился на Большой улице, куда выходили синагоги, – вблизи моста через реку Айвиексте. Начальником еврейского гетто был Волдис Крастиньш, которого прозвали «еврейским комендантом». В гетто евреи прожили более двух недель. Их посылали на сельскохозяйственные работы, а часть из них направили в Плявиняс для уборки разрушений. Когда евреи группой шли на работу, их сопровождал один из «самоохранщиков». Если крестьянин-хозяин брал одного-двух евреев на сельскохозяйственные работы, то за них отвечал он сам.

В один из последних дней июля 1941 года в 11 часов вечера в Гостини приехал начальник полиции из Крустпилса Круминьш и отдал распоряжение: «Завтра вывести всех евреев в район Какишских болот», ранее служивший полигоном Латгальского артиллерийского полка бывшей Латвийской армии, – якобы на работу, но дал понять «самоохранщикам», что на расстрел.

Евреев разделили на три группы: мужчины, женщины, старики и больные. Для перевозки последней группы была выделена автомашина из Айвиекстской волости. Оттуда же и из самого Гостини в течение ночи для конвоирования евреев на Какишские болота были собраны все «самоохранщики». Начальник гостиньской полиции Янис Винтерс сказал узникам, что их поведут на работу и они могут взять с собой какие-то личные вещи. Примерно в 4 – 5 часов утра все группы были укомплектованы. Первая группа – мужчины – ушла в направлении болот. Через 20 – 30 минут двинулась вторая группа – женщины. Всего из Гостини вышли восемь колонн примерно по 30 человек в каждой.

Пройдя около 10 километров, группы гостиньских евреев были остановлены у Какишских болот, где уже были собраны евреи из Крустпилса и Плявиняса. Примерно в 300 метрах от того места, где стояли обреченные на смерть, мужчин заставили копать ямы.

Примерно через 2 – 3 часа из Риги приехала машина, в которой было около 30 мужчин, одетых в летнюю форму бывшей Латвийской армии. Это была пресловутая «команда Арайса», уже в первые недели войны «прославившегося» как палач и садист. Руководил всей «акцией» говоривший по-латышски человек в штатском. По его указанию все евреи были разделены на группы по 30 человек (по другим данным, на группы из 10 – 12 человек, что более вероятно). Сразу же после этого всем им приказали раздеться и лечь на землю лицом вниз в определенном порядке: первая группа – у вырытой ямы, вторая – за ней, третья – за второй и т. д.

Расстрельная команда встала примерно в десяти метрах от ямы в два ряда: первый стрелял с колена, второй – стоя; первый ряд целился в сердце, а второй – в голову. После того как первая группа расстрелянных падала в яму, поднимали следующую группу и, поставив ее лицом к яме, методично расстреливали. Сперва были расстреляны крустпилские, а затем – гостиньские евреи. После расстрела нескольких групп арайсовцы предложили местным «самоохранщикам», чтобы те подменили их в их палаческой работе.

Участник расстрела вышеупомянутый П. Рейнфелдс (по иронии судьбы свою учительскую карьеру он начал в 1926 году в гостиньской еврейской школе) оставил такое письменное свидетельство об этом расстреле: «То, что я увидел, нельзя описать словами. Качающиеся в бессознательном состоянии люди на краю ямы, искривленные в агонии лица, стоны, крики ужаса. Нервы натянуты до последней возможности, все обострено настолько, что находишься в состоянии полуаффекта. Все виденное кажется нереальным бредом, сновидением, а не реальной жизнью. Всю последующую жизнь и даже сегодня не могу понять, какая сила заставила меня взять винтовку и участвовать в уничтожении несчастных».

Расстрел продолжался в течение 7 – 8 часов. Так, 31 июля (по другим сведениям 1 августа) 1941 года было уничтожено около 300 жителей еврейской национальности из латвийского города Гостини. Вместе с ними были расстреляны евреи из Плявиняса и Крустпилса – всего около 1700 человек. После расстрела трупы были зарыты местными жителями. Часть изъятых у евреев ценностей забрал руководитель группы «команды Арайса» и уехал со своей группой. Часть принадлежавших евреям вещей забрали местные «самоохранщики» и тоже разошлись.

Имущество евреев, собранное при расстреле, а также оставшееся в домах, принадлежавших евреям, было складировано в 4 – 5 домах. Всем этим ведал начальник гостиньской полиции, он же комендант города Я. Винтерс. Вот что писал о нем фельдфебель Рудольф Обермайер, руководитель команды вермахта «Глазманка», докладывая 11 октября 1941 года: своему начальству о политическом положении в Гостини: «Винтерс, ранее прихлебатель большевиков, расстрелял всех евреев только с целью грабежа».

Газета «Екабпилс вестнесис» («Екабпилсский вестник») писала 28 августа 1941 года «Гостини теперь освобождены от жидов. Часть жидов сбежали вместе с коммунистами, а остальных выслали из города». Что означает «выслали», в то время было понятно всем...

* * *

Авроом-Бецалел Фридман, правнук И. Фридмана, служившего раввином в Данкере после первой мировой войны, направил в институт «Яд ва-Шем» в Иерусалиме список жителей бывшего местечка Данкере – городка Гостини, которые погибли в Холокосте. В списке значатся 83 семьи – 222 человека. Однако состав и численность 18 из названных семей в списке не указаны; не названы также фамилии ряда семей.

В материалах от 26 декабря 1944 года Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по Латвийской ССР относительно города Крустпилса, Крустпилсской волости и города Гостини среди убитых были отмечены фамилии 242 человек из 60 семей. Из них ориентировочно 24 семьи расстрелянных на Какишских болотах совпадают со списком Авроома-Бецалела Фридмана.

Итак, было установлено, что евреев на Какишских болотах расстреливали головорезы из «команды Арайса», которых время от времени подменяли бандиты из местной группы «сил самоохраны». Кто конкретно убил гостиньских, а кто – плявиньских или крустпилсских евреев, осталось невыясненным, но это не столь уж важно. Известно, что только тех, кто участвовал в аресте, охране, конвоировании и расстреле евреев Гостини было более двух десятков.

В течение 1944 – 1945 годов из гостиньских «самоохранщиков» были осуждены: один – к высшей мере наказания (расстрелу), другому расстрел был заменен 20 годами исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), но в 1956 году он уже был на свободе. Еще трое убийц были приговорены к 20 годам ИТЛ. Авенс в 1945 году был осужден на 15 лет ИТЛ и умер 1949 году.

Трое из гостиньских «самоохранщиков», в том числе и упомянутый П. Рейнфелдс, 23 декабря 1946 года были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в марте 1947 года. Пятерых приговорили к 20 годам ИТЛ плюс 5 лет поражения в правах с конфискацией имущества (впоследствии одному из них срок заключения был сокращен на 10 лет, другой умер в 1951 году). Еще четверо тогда же были осуждены на 15 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Но уже в 1955 – 1956 годах они были освобождены из заключения.

Петр Плешс, первоначально руководивший гостиньской группой «самоохраны», по некоторым данным, вел двойную игру: прежде чем возглавить группу «самоохраны», якобы советовался с местными коммунистами, что на суде не получило

должного подтверждения. Тем не менее, еще до ареста местных евреев он арестовал бывших советских активистов (10 – 12 человек), часть из которых освободил в тот же день, а часть – на следующий. К евреям он относился весьма жестоко и участвовал в их расстреле, однако – что подтвердилось на суде – предупредил об опасности гостиньских цыган, которые тоже подлежали уничтожению. Арестованные цыгане вскоре были отпущены. П. Плешс 28 ноября 1949 года был приговорен к 25 годам ИТЛ. Несмотря на неоднократные просьбы и жалобы о пересмотре дела только 9 мая 1956 года срок его наказания был сокращен до 10 лет. Освободился он 10 сентября 1957 года, а в 1966 году был даже реабилитирован (умер в 1980 году).

Более десятка гостиньских «самоохранщиков», участвовавших в аресте, конвоировании и расстреле евреев, по судебным материалам не проходили. Освальд Калниньш умер от туберкулеза в 1946 году; Янис Винтерс, Карлис Балодис и ряд других бежали за границу вместе с отступавшими гитлеровцами.

Что касается крустпилских «самоохранщиков», наряду с их гостиньскими «коллегами» задействованными в расстреле евреев на Какишских болотах, то шестеро из них были расстреляны, четверым расстрел был заменен на 25 – 20 лет ИТЛ. Еще восемь из них были осуждены на 25 лет ИТЛ и пятерых осудили на 10 – 15 лет ИТЛ. Янис Авотиньш, приговоренный к 25 годам ИТЛ, в 1955 году был освобожден, а в 1958 году в связи с вновь открывшимися обстоятельствами был арестован и осужден на 25 лет с зачетом отбытого срока наказания, и в 1967 году был опять освобожден. Дважды были осуждены также Залитис и Берзиньш.

Характерной для нацистского коллаборациониста в Латвии можно считать судьбу Петра Гибже, 1900 года рождения, который уже в первые дни германской оккупации в июле 1941 года поступил на службу в полицию Рижского уезда. Позднее он был направлен в Крустпилс, где участвовал в убийстве евреев, затем переведен в Лудзу и служил там в полиции до прихода Красной армии. Из Лудзы вместе с гитлеровцами бежал в Курляндию. После капитуляции курляндской группировки германских войск 8 мая 1945 года он находился на нелегальном положении в районе озера Усмас, где в послевоенные годы скрывались многие пособники нацистов, не успевшие бежать вместе со своими хозяевами либо вошедшие в созданные и вооруженные гитлеровцами банды террористов и диверсантов. Однако 15 октября 1946 года Гибже был арестован советскими органами власти. И 17 – 24 апреля 1947 года состоялся суд, приговоривший его к высшей мере наказания, которая, однако, затем была заменена 25 годами ИТЛ. Но 26 апреля 1956 года срок наказания Гибже был снижен до 15 лет, а спустя два года он был освобожден из заключения. В 1967 году, живя на свободе в Белоруссии, он выступал свидетелем в судебных процессах по делам своих «коллег». В 1991 году в реабилитации ему было отказано. Однако 22 сентября 1997 года Гибже все же был в конце концов реабилитирован.

* * *

А евреи в Гостини, некогда местечко Данкере, больше уже не возвратились. Да и самого этого городка нет теперь на географических картах: в 1956 году он был включен в состав города Плявиняс.

В 1958 году местные власти тогда еще двух районов – Крустпилского и Екабпилского содействовали перезахоронению останков убитых в лесу Какиши и в болотах Кукас. С тех пор они покоятся на еврейском кладбище в Асоте. О евреях Данкере ныне напоминает только памятный камень на месте убийств.

В завершение печального рассказа об этой, все еще малоизвестной трагедии Холокоста в Латвии, добавим одну историю.

Двое парней, братья Лат, сбежали из гетто. Мотке Лат более года скрывался в Гостини в семье Пурвиньшей. Но затем пребывание у них, по-видимому, стало опасным, и Мотке попытался перебраться через леса в соседний район, где его поймали 6 ноября 1942 года. Как следует из полицейского донесения, Мотке Лат был доставлен в Гостини для выяснения, у кого он скрывался и у кого и где воровал еду. «По истечении надобности» он был отправлен в соседний район – тот, где его поймали, и дальнейшая судьба Мотке Лата неизвестна.

Его брат Менке Лат тоже был пойман. Местные полицейские избили его так «профессионально», что он не подавал признаков жизни, и, бросив у дороги, ушли: даже закапывать не стали... Проходивший по этой дороге спустя некоторое время местный житель Витолиньш увидел лежащего мальчика и, подойдя, услышал его стон: значит, еще жив! Витолиньш забрал умирающего к себе в дом, выходил его и скрывал всю войну. Последнее место жительства Менке Лата – Израиль.

Í î ì àò àðè àè àì ì óçäÿ è àí è óì áí ò àö è í î í î ã ö áí ò ð à «Á àð àè á È à ò à è è».

¹¹¹ *Í ð ò è áí è è è ò à ð è à è ç ì á (è á ð).*

¹²¹ *Í áí á ò ì á è ì í á à è ÿ ì ð ð á á á í è ÿ ì í è è ò á ù è í è è : á ð ò á ð á á á á ì ó è : è í (è á ð).*

¹³¹ *Í í ò ð ð í í á ÿ ì ð á ì è ç á ò è ÿ (è á ð).*

¹⁴¹ *«Í á á á á ð ù è è» (è á ð).*

¹⁵¹ *«Í í ð á ù á í è á á í è ù ù ó» (è á ð).*

¹⁶¹ *Ñ ò á ð ä ÿ ó è è ò á, Á í è ù ó ä ÿ ó è è ò á, Í á è ä ÿ ó è è ò á (è à è è).*

¹⁷¹ *Ð í è è ù - ì ð á á ð ò á á è á í è á (è à è è), í á ç á á í í á í í è ì á í è á á ð á á ð ÿ, ò á ð ÿ Á ð à è á á ð ð à*

ЕЩЕ НЕ НАЧИНАЛИСЬ СПОРЫ...

Ááí ááèèò Nàdí íá

Как я уже говорил, мой школьный товарищ Леня Рапутов не поверил сообщению о врачах-убийцах помимо всего прочего еще и потому, что дружил тогда с дочерью одного из «убийц» – профессора М.Б. Когана, часто бывал у них дома и не сомневался, что профессор – честнейший и благороднейший человек.

Среди моих знакомых дочерей или сыновей арестованных профессоров не было, и в домашней обстановке ни одного из них мне наблюдать не пришлось. Но кое-какие личные впечатления о некоторых из них у меня тоже имелись.

Я, кажется, уже упоминал однажды, что в эвакуации довольно тяжело болел. Что-то очень нехорошее было у меня с почками.

Когда мы вернулись в Москву, родители таскали меня по разным врачам. Один из них, уролог, едва мы с мамой вошли в его кабинет, недовольно и даже, как мне показалось, брезгливо буркнул:

– Что вы его ко мне привели? Ведь это же типичный нефритик.

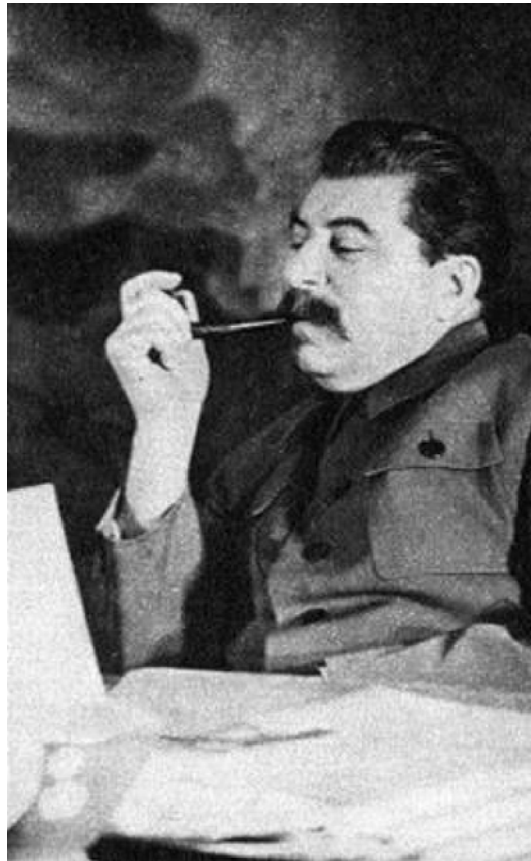
«Нефрит» – вот, оказывается, как называлась моя болезнь. Вернувшись от этого несимпатичного уролога домой, я долго глядел на себя в зеркало, стараясь понять, что означали эти его загадочные слова. И кажется, понял: из рамы «говорящего правду стекла» на меня глядел мучнисто-белый лик старообразного юнца с тяжелыми синеватыми мешками под глазами.

Как выяснилось из реплики отвергшего меня врача, болезнь моя была подведомственна не урологам, а терапевтам. И мама решила показать меня лучшему терапевту страны профессору Виноградову. Сделать это было, как оказалось, совсем просто. Надо было только записаться (по телефону) к нему на домашний прием и подождать, пока подойдет наша очередь. Ждать пришлось довольно долго: не меньше месяца. Но в назначенный срок профессор принял нас без всяких осложнений и проволочек. У него был облик типичного старого русского земского врача. (Во всяком случае, именно так я представлял себе старых русских земских врачей.) Усадив нас напротив своего тяжелого, громоздкого письменного стола, он придвинул к себе толстую кожаную тетрадь (она напомнила мне ту, давнюю мою, детскую, но в отличие от моей переплет ее был из настоящей, а не искусственной кожи), раскрыл ее и приготовился записывать.

Áááäü - xòî äàì ñèçàòü ì îé äîðîäé?

Β àì óíá ì îí ðàäèëü.

- Î î ã ðàçãî õòçå à äðóãã à

Î Î ì í á í á ì í í ðààèèñü.

Он внимательно слушал все, что рассказывала ему мама, – хотя рассказ ее, как мне казалось, изобиловал множеством совершенно ненужных подробностей. На мой взгляд, совершенно ни к чему было рассказывать о том, как трудно там, в эвакуации, было с едой и как поэтому нам постоянно приходилось нарушать полагающуюся нефритику диету. А тем более о том, как ее коллега-военврач разрешил подкармливать меня американской свиной тушонкой, хотя вообще-то она была мне противопоказана. Этот ее коллега сказал, что если я не умру от истощения, то с нефритом моим они уж как-нибудь справятся.

Этот длинный мамин рассказ сильно меня раздражал – не только множеством утомительных и совершенно ненужных подробностей, но в особенности тем, что говорила она обо мне как о маленьком мальчике и – мало того! – рассказывая о всех осложнениях моего нефрита, постоянно употребляла местоимение «мы», словно не я один, а мы с ней вдвоем болели этой болезнью.

Виноградов, однако, слушал этот ее рассказ не перебивая и, как мне показалось, с подлинным интересом. И все писал, писал что-то в свою великолепную кожаную тетрадь. И мне казалось странным, что он тратит драгоценные листки этой роскошной тетради на всю эту мамину чепуху. Ведь мы же, думал я, не постоянные его пациенты. Наверняка больше ни разу к нему и не придем. Зачем же портить ради нас эту роскошную тетрадь: если уж так ему необходимо все это записывать, взял бы для такого обычного случая какую-нибудь другую, обыкновенную.

Покончив с мамой, профессор так же долго и внимательно слушал меня. И тоже записывал. Затем последовал обычный медицинский осмотр и, наконец, заключение. Он сказал, что у меня действительно нефрит. Довольно, правда, редкая, как он выразился, гематурическая форма нефрита. И скорее всего не хроническая. Делать надо то-то и то-то. Но прежде всего – удалить миндалины.

– У моего сына, куц, – сказал он, положив руку мне на плечо, – было, куц, то же самое. Удалили миндалины, куц, и все прошло... И плавает, и ест все, куц... И соленое, и острое... И водку пьет, куц, как ни в чем не бывало...

Этот рассказ профессора про его сына, должен сказать, сильно меня обрадовал, поскольку меня – по тогдашней моей глупости – более всего угнетало именно то, что мне строжайше запрещали плавать, есть острое и соленое, ну и, разумеется, пить водку. К водке особого тяготения у меня, правда, не было, но невыносимо было мириться с такой своей мужской неполноценностью. Старик словно прочел все самые тайные мои мысли...

Но это все я осознал уже потом. А в тот момент, когда он обратился ко мне с этим своим ободряющим монологом, меня более всего поразило вот это странное словечко «куц», которым он перемежал чуть ли не каждую свою фразу. Сперва мне даже послышалось, что он говорит не «куц», а – «куцый». Но вскоре я сообразил, что никакого смысла в этом его словечке искать не надо: просто у него такой дефект речи.

А профессор тем временем снял руку с моего плеча и опять обратился к маме. Он зачем-то стал ей объяснять, что в нашей медицине – точнее, в той ее области, которая называется «ухо, горло, нос», есть две школы: школа профессора Трутнева и школа профессора Фельдмана.

Врачи, принадлежащие к школе профессора Трутнева, полагают, что миндалины удалять не надо, что тут во всех случаях показано консервативное лечение. Что же касается профессора Фельдмана и его учеников, то они придерживаются иной, радикальной точки зрения.

– Так вот, – заключил он. – Прежде чем идти с сыном к оториноларингологу, узнайте, куц, к какой школе он принадлежит. И к тем, кто придерживается, куц, взглядов профессора Трутнева, даже и не ходите. Миндалины вашему сыну, куц, необходимо удалить. Никакое консервативное лечение тут не поможет.

Вот так и вышло, что вскоре после визита к профессору Виноградову мы с мамой оказались у другого «врача-убийцы» – профессора Фельдмана. Того самого, про которого – пять лет спустя – был сочинен уже упоминавшийся мною куплет:

Άίτια εὐεὶ ὀϊάδου Ὀαῖται αἱ -

ὄϊ, ἀδῆ, ἰῆ

ὄυ ἀάδεαῖν, ἰῆαἱ Ὀαῖται αἱ,

Ἐαῦ ἰὰ αἰῖ δῆ

Забегая вперед (чтобы больше уже к этой не слишком интересной теме не возвращаться), скажу сразу, что дальнейшее течение моей болезни полностью подтвердило прогноз профессора Виноградова. После того как мне удалили миндалины, я стал совсем другим человеком и о своем нефрите вскорости забыл.

А вот у моего приятеля Макса Бременера, который был болен той же болезнью, все повернулось иначе. И я почти уверен, что только потому, что не случилось ему в начале его заболевания попасть на прием к профессору Виноградову.

Макс заболел нефритом, когда ему было четырнадцать лет. А когда мы познакомились с ним (нам было по восемнадцать), он был уже тяжелым инвалидом. Облик «типичного нефритика», с которым я к тому времени расстался, Макс сохранил на всю свою последующую жизнь. И это еще усугублялось общей его, так сказать, конституцией: он был то, что называется заморыш – худенький, бледный, с изможденным лицом и узкой цыплячьей грудью. Он был замечательным рассказчиком. Особенно хороши были его устные рассказы, пронизанные живым и тонким юмором. Говорят, что настоящий юморист ради красного словца не пощадит и родного отца. Макс в этом смысле был не просто настоящим, а, можно сказать, уникальным юмористом. Начать с того, что одним из центральных героев своих юмористических рассказов он действительно сделал своего отца. (Который, правда, постоянно предоставлял ему для этого все новый и новый материал.) Но главным предметом неистощимого Максова юмора, главной мишенью для его острых сатирических стрел был он сам. И себя в этих своих устных юмористических рассказах Макс щадил еще меньше, чем своего родителя. К себе он был совсем уже беспощаден.

В одном из таких рассказов он очень выразительно изображал себя на одесском привозе. Идет он, Макс, жарким летним днем по привозу в такой курортной маечке-сеточке, особенно невыгодно подчеркивающей его худобу, его цыплячью грудь. Останавливается то перед одной торговкой, то перед другой. Приценивается, вежливо благодарит и идет дальше. Ничего не покупает. И вот одна из этих торговок, довольно давно уже наблюдающая за этими его манипуляциями, – толстая, ражая, краснолицая, такая катаевская «мадам Стороженко», – оперев руки в бока, не выдержав, окликает его:

– Борэц! Может быть, ты уже купишь что-нибудь?!

Однажды мы с Максом вместе оказались в Коктебеле. Дело было в августе. Море было теплое как парное молоко. И я – не один я, все Максовы друзья-приятели, – стали уговаривать его искупаться. Ну хоть окунуться на несколько секунд. Ей-богу, твердили мы все в один голос, ничего плохого от этого с тобой не произойдет.

Но купаться Макс (как мне когда-то, в пору моего нефрита) было строжайше запрещено. И Макс на все эти уговоры не поддавался.

Но мы не отставали, и в конце концов Макс уступил. Он согласился дать телеграмму в Москву отцу. (Отец Макса, надо сказать, был врач.) И телеграмма была отправлена:

«ТЕМПЕРАТУРА ВОДЫ 26 ГРАДУСОВ. ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ИСКУПАТЬСЯ. СРОЧНО ТЕЛЕГРАФИРУЙ СОГЛАСИЕ».

Ответ пришел в тот же день:

«КУПАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ. ЕСЛИ ОЧЕНЬ ЖАРКО, НАЛИВАЙ ВОДУ В БУТЫЛКИ, ГРЕЙ НА СОЛНЦЕ И ОБЛИВАЙСЯ».

Так и не удалось нам окунуть Макса в теплые волны Черного моря. А я тогда рассказал Максиму про Виноградова, про то, каким спасительным для меня оказался его совет. И Макс в ответ рассказал, что когда он заболел и отец стал водить его по врачам, многие из них тоже говорили, что в этом случае прежде всего необходимо удалить гланды. Потому что гланды – это ворота для инфекции, и именно от них все его беды. Но отец Макса, человек осторожный, осмотрительный, привыкший все делать не тая-ляп, а тщательно все продумав и взвесив, консультировался по этому поводу с оториноларингологами, принадлежащими как к школе профессора Фельдмана, так и к школе профессора Трутнева. И те, естественно, давали ему прямо противоположные, взаимоисключающие советы. И кончилось дело тем, что на операцию (удаление миндалин) он так и не решился.

Конечно, пути Г-сподни неисповедимы. Но после этого Максимова рассказа я остался при твердом убеждении, что от горестной судьбы Макса меня спас не кто иной, как профессор Виноградов, жестко предупредивший маму, чтобы с оториноларингологами школы профессора Трутнева она ни в коем случае не советовалась.

Я уже чуть было не написал, что профессор Виноградов, выходит, спас мне жизнь. (Бедный Макс уже давно умер, а я вот – живу.) Но продолжительность человеческой жизни, увы, зависит не только от врачей. А вот за то, что я прожил жизнь не инвалидом (и плаваю, и соленое ем, и острое, и водку пью) благодарить мне надо именно его, профессора Виноградова. Ну и, конечно, маму, которая послушно выполнила указание профессора. Хотя выполнить его, как оказалось, было совсем не легко.

Выяснилось это на приеме у профессора Фельдмана, к которому, как я уже сказал, мы с мамой послушно отправились.

Этот профессор был совсем в другом роде. И от общения с ним впечатление у меня осталось самое неблагоприятное. Как, впрочем, наверное, и у него от общения со мною.

«По странной филиации идей», как выражался в подобных случаях Л.Н. Толстой, я вспомнил знаменитый рассказ Бабеля о том, как он общался со Сталиным. Горький, который Бабеля любил и желал ему всяческого добра, однажды сказал ему:

– Завтра у меня будет Сталин. П

риходите. И постарайтесь ему понравиться. Вы хороший рассказчик... Расскажите что-нибудь... Я очень хочу, чтобы вы ему понравились. Это очень важно.

Бабель пришел.

Пили чай. Горький что-то говорил, Сталин молчал. Бабель тоже молчал. Тогда Горький осторожно кашлянул. Бабель намек понял и пустил первый пробный шар. Он

сказал, что недавно был в Париже и виделся там с Шаляпиным. Увлекаясь все больше и больше, он заговорил о том, как Шаляпин тоскует вдали от родины, как тяжело ему на чужбине, как тоскует он по России, как мечтает вернуться. Ему казалось, что он в ударе. Но Сталин не реагировал. Слышно было только, как звенит ложечка, которой он помешивал чай в своем стакане.

Наконец он заговорил.

– Вопрос о возвращении на родину народного артиста Шаляпина, – медленно сказал он, – будем решать не мы с вами, товарищ Бабель. Этот вопрос будет решать советский народ.

Поняв, что с первым рассказом он провалился, Бабель, выдержав небольшую паузу, решил зайти с другого боку. Стал рассказывать о Сибири, где был недавно. О том, как поразила его суровая красота края. О величественных сибирских реках... Ему казалось, что рассказывает он хорошо. Но Сталин и тут не проявил интереса. Все так же звякала ложечка, которой он помешивал свой чай. И – молчание.

Замолчал и Бабель.

– Реки Сибири, товарищ Бабель, – так же медленно, словно пробуя на вес свои чугунные слова, заговорил Сталин, – как известно, текут с юга на север. И потому никакого народнохозяйственного значения не имеют...

Эту историю – тогда же, по горячим следам события – рассказал одному моему знакомому сам Бабель. А закончил он свой рассказ так:

– Что вам сказать, мой дорогой? Я ему не понравился. Но гораздо хуже другое.

– ???

– ОН мне не понравился.

Примерно так же вышло и у меня с профессором Фельдманом. В отличие от пленившего меня Виноградова у него не было ни желания выслушивать подробные маминьы рассказы об истории моей болезни, ни кожаной тетради, в которую он мог бы эти ее рассказы записывать. Он сразу приступил к делу: посадил меня в специальное кресло, похожее на зубоучебное, заставил разинуть рот и стал изучать мое горло. Усмехнулся, когда я сказал, что умею показывать горло «без ложечки», и сперва действительно обошелся без всяких инструментов. Но потом сказал, что без «ложечки» все-таки не обойтись, потому что ему надо не только поглядеть на мои миндалины, но и надавить на них той самой «ложечкой», а точнее – специальной металлической лопаточкой, которую он назвал шпателем.

И вот тут-то и разразился скандал.

Я честно разинул рот и изо всех сил старался не мешать профессорскому шпателю дотянуться до моих миндалин. Но мое горло при каждой такой его попытке само, непроизвольно выталкивало этот шпатель. Это был какой-то странный рефлекс. Что-то вроде спазма.

Профессор злился. Причем не на эту странную особенность моего организма, а непосредственно на меня, словно это я нарочно, из какого-то дикого упрямства, сознательно не хотел показать ему свое горло.

Промучившись со мною таким образом минут сорок, он раздраженно кинул свой шпатель в специальную металлическую лоханочку, произнеся при этом такие, хорошо мне запомнившиеся слова:

– Ну и оставайтесь со своим нефритом!

На том и закончился наш визит к знаменитому профессору.

После многих мытарств и приключений миндалины мне в конце концов все-таки удалили. Но это уже совсем другая история, которой здесь не место, поскольку случилось это уже без участия профессора Фельдмана, а этот мой рассказ – о нем.

Итак, профессор Фельдман мне не понравился. Более того: он вызвал у меня довольно резкую и стойкую антипатию. И тем не менее представить себе, что этот самый Фельдман, который так мучился с моим горлом и так искренне расстроился, когда все его усилия оказались напрасны, – представить себе, чтобы он мог оказаться убийцей... Нет! Это было невозможно.

Перебирая в памяти все подробности и детали моего личного общения с двумя «убийцами в белых халатах», – такими разными, непохожими друг на друга, – я был вынужден признать, что так определенно не понравившийся мне профессор Фельдман был похож на убийцу ничуть не больше, чем очаровавший меня профессор Виноградов.

А новые наши крымские знакомцы – молодые врачи Юлий и Юлия – продолжали ссориться. Юлий по-прежнему продолжал твердить, что и сейчас, после реабилитации врачей, не убежден, что они не были убийцами, а Юлия негодовала, возмущалась, плакала, грозила ему разводом, если он не образумится и не откажется от этой своей людоедской, как она выражалась, точки зрения.

В этих их семейных раздорах я целиком и полностью был на стороне жены, очаровательной Юли.

Но по мере того как мы все дальше и дальше углублялись в эту всех нас волнующую тему, мое отношение и к Юле тоже стало меняться. И в конце концов стало, пожалуй, даже более неприязненным, чем к ее мужу.

На первых порах мне казалось, что Юля воспринимает случившееся так же, как я. Как мы все.

Однако чем дальше, тем все яснее мне становилось, что она восприняла их примерно так же, как соседка моей тещи Сима.

Но с Симы – какой спрос! А Юля ведь – интеллигентная девушка. Вроде даже более интеллигентная и начитанная, чем наш прибалт.

Прибалт, однако, все воспринимал правильно. Он даже выразил свое отношение к «революции четвертого апреля» той же словесной формулой, какой это сделал я.

Формула, естественно, была ленинская: «Не начало ли поворота?»

Для него, как и для меня (для всех понимающих), освобождение врачей было лишь началом чего-то главного, неизмеримо более важного. За началом непременно должно было последовать продолжение. Оно и последовало (для нас) в тех самых «Тезисах ЦК КПСС», тексту которых – а в особенности хорошо понятному нам обоим подтексту – мы с ним так радовались.

Что же касается Юли, то для нее это было не началом, а концом.

Концом кошмара.

Тут я должен сказать (быть может, слегка забегая вперед), что мне всегда были неприятны евреи, все претензии которых к советской власти целиком и полностью сводились к государственному антисемитизму. Разреши им ходить в синагогу, танцевать фрейлехс, ходить в еврейский театр, петь свои еврейские песни, или – напротив – вернуться к святой вере в пролетарский интернационализм – и все в порядке: советская власть опять станет для них хороша.

Такой – мелочный, частный, мелкоэгоистический взгляд на великую нашу революцию и рожденную этой революцией советскую власть – не только раздражал, но и оскорблял меня.

Помню, пришла как-то в наш класс (кажется, это был уже последний мой школьный класс, десятый) старшая пионервожатая. И попросила каждого из нас сочинить какую-нибудь статейку в стенгазету к близящейся годовщине Октябрьской революции. Но написать не казенно, а – по-своему, очень лично. Пусть каждый из вас подумает, – сказала она, – а что мне, вот лично мне дала наша революция.

– Я, например, – пояснила она свою мысль, – точно знаю, что если бы не революция, я не могла быть жить в Москве. Потому что я еврейка, а тогда существовала черта оседлости, евреям в Москве жить было запрещено.

– А вот я, – довольно-таки надменно сказал я ей в ответ, – и до революции мог бы жить в Москве. Мой отец был почетным потомственным гражданином Российской империи, так что у меня и без всякой революции в этом отношении все было бы в порядке.

Надменность этого моего ответа, как вы понимаете, была порождена вовсе не сознанием социального превосходства сына «почетного потомственного гражданина» перед дочерью бедных евреев, которым только революция дала возможность выбраться из черты оседлости. (Мысль, что эту возможность им предоставила уже Февральская революция, так что дожидаться Октябрьской было совсем не обязательно – эта простая мысль тогда мне в голову не пришла.)

Презрительно-надменное мое отношение к самосознанию нашей старшей пионервожатой диктовалось совсем иным чувством. Подтекст этого моего высказывания был таков: «Да, лично мне Октябрьская революция не дала ничего. Я все равно жил бы в Москве. И даже, наверно, учился бы в гимназии. Ну и что? Неужели из этого следует, что я меньше, чем вы, должен любить революцию и нашу родную советскую власть?»

Позже, когда эту самую советскую власть я стал ощущать уже не родной матерью, а злой мачехой, это мое самосознание не переменялось. Свое отношение к власти я изменил не потому, что власть плохо обошлась СО МНОЮ ЛИЧНО. Для вспыхнувшей и постепенно утвердившейся этой моей к ней нелюбви у меня были отнюдь не только личные и, уж конечно, отнюдь не только национальные основания.

Сейчас, написав эти строки, я вдруг подумал вот о чем. Ну да, я довольно рано сообразил, что под чепчиком доброй бабушки прятался Серый Волк. Но не потому ли я оказался таким умным, что этот самый «Товарищ Волк» именно на моей собственной шкуре продемонстрировал мне хватку своих стальных челюстей?

Вышло так, что меня исключили из комсомола и из института в 1948 году. А если бы это случилось не в 48-м, а в 49-м? И исключили бы меня не за проявленное мною лично «политическое хулиганство», а в ходе развернувшейся тогда кампании? Как «безродного космополита»? Может быть, случись это так, мои «счеты» с советской властью тоже приняли бы вполне определенную национальную, еврейскую окраску?

Не так ведь глупо сформулировал это – уже в те, кажется, времена, а может быть, чуть позже – Борис Слуцкий:

À í àì, ááðáÿì, ïíááçéí.

Í á ï ðÿ: áñí ï í á ò á è ù è á ù ï ò è á ñ ï,

Í à í á ñ á á ç ï á ñ è è á ç é í ç é í.

Í í í í á ï ð è ò á ï ðÿ é í ñ ï á è á ñ ï.

À ù á í á í á: è í á è è ñ ï ñ ï ð ù

À ò í ð è á ñ ò á á í í á è ó ò í é ñ ò ð á í á

À ï ù - ï ð è í á ð ò ù á é ñ ò á í á -

À í á è ò í: è ó í á ð á è è í í ï ð ù.

Так может быть, мое везение состояло в том, что это самое зло – тоже в открытую, без маски – полезло на меня годом раньше и не в ходе общегосударственной антисемитской кампании, а лично, персонально приперло меня к той самой стене, в которой я обрел точку опоры?

Нет, не думаю.

Дело совсем не в том, что мой «конфликт» с советской властью начался раньше, а в самой природе этого конфликта. У меня она была совершенно иной.

Чтобы разобраться в этом, мне придется снова вернуться назад. Ненамного: года на два.

Αἰδέη Νεώτερε: «Αὐτὰ ἰαίῖα: εἰ ἀέεῖν ἢ ἰδῆ ἂ οἶδε ἀπὸ αἰῖ ἰῖ ἀέοῖε ἢ ὀδαί ἂ...»

В 1951 году я окончил Литературный институт, и у меня появилась жена. Надо было начинать самостоятельную жизнь. Но с этим дело обстояло плохо. И не только из-за проклятого «квартирного вопроса».

Государственный антисемитизм, с каждым днем набравший все новые и новые обороты, касался меня самым непосредственным образом. О том, чтобы устроиться на какую-нибудь штатную работу, я не мог даже и мечтать. Тонкий ручеек рукописей, которые я рецензировал по рекомендациям Веры Васильевны Смирновой, медленно иссякал. Какие-то копейки я зарабатывал в «Пионерской правде», отвечая на детские письма. Жена мне помогала. Но жить на эти заработки мы, разумеется, не могли. Жили мы под крылом родителей, и, как это ни стыдно, должен признаться, что тогда это меня не шибко волновало.

Не могу сказать, чтобы все это меня так-таки уж совсем не трогало. Но при всем при этом я жил с каким-то странным ощущением – можно даже признаться, с уверенностью – что все это – раньше или позже – каким-то образом рассосется. Это чувство было, я бы сказал, физиологическим: вот так молодой здоровый человек живет, не думая о смерти, даже не веря в нее. «Не верит тело», как выразился по этому поводу один поэт.

Вот так же и я, умом понимая, что дело дрянь, «телом» всего этого совершенно не чувствовал. Отчасти этому, вероятно, способствовало то, что литературные мои дела – как это ни странно – шли не так уж плохо.

В «Литературной газете» появилась большая статья (два подвала), в которой в жизнеутверждающих тонах говорилось о новой плеяде молодых писателей, только что закончивших литературный институт. Героями этого очерка были мои однокурсники – Володя Тендряков, Володя Солоухин, Юра Бондарев, Гриша Бакланов, Женя Винокуров.

Два хвалебных абзаца в этой статье было уделено и мне. Вернее, моей дипломной работе. Темой моего диплома была публицистика Эренбурга. Церемония защиты прошла хорошо, друзья даже говорили, что блестяще. Во всяком случае, получил я пятерку. Однако в ходе этой процедуры имел место такой, никем особенно не замеченный и, в сущности, довольно мелкий, но весьма многозначительный эпизод. Председателем экзаменационной комиссии у нас был Василий Александрович Смирнов, известный в то время писатель. Это о нем позже написал Борис Слуцкий:

- Í î î ò : ã ò ã í , - ó : è è

Ñ ì è ò í î á Á à ñ è è è è , -

è õ ð à ñ ì í ç ì à ò ù à ñ ç ì í æ í î á à ç ó ñ è è è è !

Ó à ì è è è è - ñ è ì ó í ú á ì ñ à ñ ì í è ì ù ,

à è ì á í à - í è í ò í ó ò ù , í è á ç à ñ ò í ó ò ù

è ò ì è ù è ì á î ò : ã ò ã ò ñ í à ì è õ ð à ì è ì ù

è õ ì í à ñ ì è á è à , ì í à è è ì í î ñ ò ù è ñ ò ù

Василий Александрович и в самом деле был одним из главных идеологов антисемитизма – если не в стране, то, во всяком случае, в Союзе писателей. В полном соответствии с этим своим качеством он потом стал главным редактором журнала «Дружба народов».

Но в то время, когда он произносил речь на моей дипломной защите, он этих своих чувств так откровенно еще не проявлял. Держался вполне корректно. Я бы даже сказал, с несколько преувеличенной корректностью. Преувеличенная эта корректность объяснялась, я думаю, темой моего диплома. Расшаркивался Василий Александрович не передо мной, а перед Эренбургом. Но кое-что от этих его расшаркиваний перепало и мне тоже: то ли нарочно, дабы подчеркнуть свою лояльность, то ли это была у него такая постоянная оговорка, но диплом мой он всякий раз, упоминая о нем, почтительно именовал диссертацией. Понять его осторожность было нетрудно. Эренбург тогда был в большом фаворе. А после одного слуха затрагивать его было даже и небезопасно.

Слух был такой.

На какой-то читательской конференции, где обсуждался его роман «Буря», Эренбурга сильно топтали. Обвиняли в антипатриотизме, космополитизме, говорили, что Франция и французы в его романе описаны с неизмеримо большей симпатией, чем Россия и русские.

Да и в печати в то время появились статьи, в которых Эренбурга сравнивали с какими-то безымянными «либеральными буржуа», которые «клеветают на советский

В 1949 году, когда все члены Еврейского антифашистского комитета, кроме него, были уже арестованы, в зарубежной печати появились сообщения, что будто бы именно он повинен в расправе над ними. А ему как раз надо было в это время ехать в Париж, на какой-то очередной Конгресс сторонников мира. Он был в ужасном состоянии – и физическом, и моральном. Ехать смертельно не хотелось. Но сказали, что – НАДО. И, как водится, попросили заранее написать будущую его речь и представить ее на просмотр. Делать было нечего. Он написал и представил. Несколько строк из той своей речи Илья Григорьевич приводит в своих мемуарах. Вот они:

«Нет ничего отвратительнее расовой и национальной спеси. У мировой культуры – кровеносные сосуды, которые нельзя безнаказанно перерезать. Народы учились и будут учиться друг у друга. Я думаю, что можно уважать национальные особенности, отвергая национальную обособленность». Антикосмополитическая кампания была в самом разгаре, и эти его мысли не больно хорошо с нею рифмовались. С трепетом ждал он, чем все это кончится. Но кончилось (для него) неожиданно хорошо. Его вызвал какой-то крупный партийный функционер, жал руку, благодарил.

«На столе у него, – заключает эту историю Эренбург, – лежало мое выступление, перепечатанное на хорошей бумаге, и против процитированного мною места на полях значилось “Здорово!”. Почерк показался мне мучительно знакомым...».

Как мог показаться ему «мучительно знакомым» почерк человека, с которым ни в какой переписке он никогда не состоял? Что-то, значит, все-таки было. Сейчас, впрочем, мы уже с довольно большой точностью можем сказать, что там было, а чего не было. В разгар космополитической кампании один не слишком крупный тогдашний партийный функционер (Ф. М. Головенченко) на каком-то собрании поделился с присутствующими радостной новостью:

– Арестован космополит номер один Илья Эренбург.

Новость, как известно, не подтвердилась. И все мы, помню, тогда думали да гадали: как все-таки такой ответственный товарищ посмел публично распространять эти заведомо лживые слухи. Слух, однако, имел под собой некоторую почву, и Головенченко наверняка что-то об этом знал.

А было так. В начале 1949 года тогдашний министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов представил Сталину список лиц, намечаемых к аресту по делу Еврейского антифашистского комитета. Одной из первых в этом списке была фамилия Эренбурга.

«По агентурным данным, – сообщалось там, – находясь в 1937 году в Испании, в беседе с французским писателем, троцкистом Андре Мальро, Эренбург допускал вражеские выпады против товарища Сталина... В течение 1940 – 1947 гг. в результате проведенных чекистских мероприятий зафиксированы антисоветские высказывания Эренбурга против политики ВКП(б) и Советского государства...».

Сталин, однако, на эту удочку не клюнул.

Против каждой фамилии, указанной в этом списке, он поставил галочку и две буквы: «Ар», что значило – «Арестовать». А напротив фамилии Эренбурга оставил какую-то закорючку: что-то вроде вопросительного знака. Рядом с этим значком на документе – пометка А.Н. Поскребышева: «сообщено т. Абакумову». (Все это я прочел в сравнительно

недавно вышедшем томе «Власть и художественная интеллигенция. Документы 1917 – 1953».)

Вряд ли Сталин решил тогда пощадить Эренбурга, потому что питал к нему какие-то особые чувства. И даже не только потому, что так уж сильно нуждался в его услугах. Скорее всего дело объяснялось тем, что насчет Эренбурга у него были какие-то свои, другие планы.

Василий Александрович Смирнов об этих его особых планах, разумеется, знать не мог. Но и того, что он знал, видеть, было достаточно, чтобы на моей дипломной защите всякий раз, когда случалось ему назвать имя Эренбурга, делать в его сторону некий почтительный реверанс. Реверансы эти, однако, все-таки не помешали ему слегка обозначить истинное свое отношение к теме моего диплома. То есть, не к теме, конечно – тему подвергнуть сомнению он не мог, – а к моей трактовке этой темы.

Поводом стало сопоставление поэтики зарубежных очерков Эренбурга 20-х годов с поэтикой зарубежных очерков Маяковского. Сейчас я уж даже и не помню: сблизил я эти две поэтики или противопоставлял их друг другу. Да и дело было не в этом, а в том, что Маяковский и Эренбург в этом моем сопоставлении (или противопоставлении?) выступали (так во всяком случае показалось Василию Александровичу) как две равновеликие фигуры.

– Нет уж, дорогой мой, – поклонился он в мою сторону, – давайте все-таки исходить из того, что у каждого из них – свое место в советской литературе. У Маяковского – свое. (Он сделал при этом некий жест, словно бы отмеряющий масштаб этого места.) А у Эренбурга (снова реверанс) – очень большое, конечно, очень достойное, безусловно заслуженное им, но – свое.

И тут он сделал уже другой жест, показывающий, что место в советской литературе, отведенное вождем «Космополиту № 1», все-таки несоизмеримо с тем, которое занимает в официальной табели о рангах «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи».

Подтекст этого маленького выпада был безусловно антисемитский. Прежде всего, конечно, в антисемитские тона была окрашена неприязнь Василия Александровича к Эренбургу (Эренбург у них у всех был, как кость в горле). Но каким-то боком этот антисемитизм касался и меня тоже. То есть это тогда мне казалось, что лишь «каким-то боком». Теперь я понимаю, что именно ко мне, прежде всего ко мне был обращен тот его иронический поклон. Этим ироническим поклоном он давал понять, что разгадал мой тайный умысел, заключающийся в том, что я хочу поднять Эренбурга до уровня Маяковского не почему-либо, не в силу каких-то моих (пусть неправильных) литературных взглядов и вкусов, а – как еврей еврея.

Может быть, я и тогда уже почувствовал этот – более глубокий – антисемитский подтекст того эпизода. Но с уверенностью могу сказать, что антисемитская окраска выпада Василия Александровича тогда не слишком меня задела. (Теперь-то я понимаю, что это была не окраска, а – суть.) Больше всего меня тогда задело, обидело, оскорбило даже, что Василий Александрович, в сущности, оболгал меня. Ведь на самом-то деле я Маяковского любил всем сердцем, всей душой. И совсем не потому, что Сталин назвал его лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. Маяковский был

моим кумиром. Эренбург, публицистические статьи которого (не романы, а именно статьи) я тогда ставил довольно высоко, Маяковскому – по моей собственной тогдашней шкале – и в подметки не годился.

Я прекрасно понимал, что в системе художественных ценностей В.А. Смирнова (кое-какие его книги я читал) Маяковский не мог занимать особенно высокого места. Я не сомневался, что на самом деле он к Маяковскому глубоко равнодушен (чтобы не сказать больше). И вот этот человек учит меня (МЕНЯ!), как надо любить и ценить Маяковского!

У любимого моего Михаила Михайловича Зощенко был совершенно замечательный (устный) рассказ. Он существует в разных записях, каждая из которых добавляет к рассказанной писателем истории какую-то свою подробность. Но финальная фраза этого зощенковского повествования во всех пересказах звучит одинаково:

Вот она:

«В тот день я понял, что нахожусь в неразрешимом конфликте с обществом, в котором живу».

Не буду пересказывать здесь историю, которую Михаил Михайлович заключил этой фразой. Скажу только, что суть ее состояла в том, что истинные его побуждения, истинные мотивы одного его поступка были истолкованы самым нелепым и диким образом.

Вот именно это случилось и со мною тоже. Для наглядности расскажу еще одну такую же, так же поразившую меня историю. Это было уже в иные времена, в конце 60-х. В издательстве «Советский писатель» выходила моя книга «Рифмуется с правдой». Редакцией критики и литературоведения заведовала тогда очень милая (как мне казалось) дама – Елена Николаевна Конюхова. Ко мне она относилась с искренней симпатией.

В іїіує, ÷òî íàòíæóííáíáðàçàæè ïî êííîêèèèòàíííàíòàíí, áêíòíòí æèèá

Книга моя проходила трудно, но Елена Николаевна прохождению ее по разным инстанциям не мешала, а если и мешала, так только в тех случаях, когда по долгу службы уже не могла не вмешаться. В общем, вела себя вполне либерально.

Каково же было мое изумление (я бы даже сказал – шок), когда работавший в той же редакции мой приятель Лева Шубин рассказал мне о разговоре, который она однажды с ним завела.

Речь зашла о моей книге. Елена Николаевна сказала, что книга ей нравится, но ее огорчило, что большинство писателей и поэтов, о которых в ней идет речь, – евреи. Нет-нет, с начальством этим своим наблюдением она ни в коем случае делиться не станет. Просто ее это огорчило. Чисто по-человечески. Она даже представить себе не могла, что во мне так сильны национальные чувства, что именно ими объясняются мои симпатии и антипатии, притяжения и отталкивания.

Я даже не сразу понял, что она имеет в виду. Дело в том, что те, кого она (совершенно справедливо) считала евреями, для меня таковыми не были. Маршак в моих глазах (да и не только в моих, а и по официальному своему статусу) не был евреем, потому что ОН БЫЛ МАРШАК. То есть он уже был ВНЕ этих категорий и определений. Эмка не был для меня евреем, потому что проблемы, связанные с его трудной литературной судьбой, были отнюдь не еврейские. И я постоянно обращался к его стихам и обильно их цитировал в своей книге не только потому, что любил их, но еще и потому

(главным образом потому), что хотел их – нигде и никогда еще не печатавшиеся – хоть вот так, в книге моей – опубликовать, обнародовать, сделать, так сказать, достоянием гласности.

Стихотворение Гриши Левина – мало кому известного и, честно говоря, мало одаренного стихотворца – я привел в одной своей статье целиком только лишь потому, что оно помогло мне с наибольшей наглядностью выразить волновавшую меня тогда и очень важную для меня мысль.

Огорчение, высказанное Еленой Николаевной Конюховой, было основано на явном недоразумении. Прежде всего это была неправда: евреи среди тех, о ком я писал в той своей книге, вовсе не составляли большинства. Треть моей книги была посвящена Гайдару. Огромное место в ней занимал Маяковский. Большая статья там у меня была посвящена Асееву. Другая большая статья – Винокурову. (Мысль, что Винокуров у нее, видимо, тоже был на подозрении, тогда мне в голову не пришла.) Да, был там у меня еще Самойлов... В общем, что говорить! Процентную норму я, конечно, нарушил.

Но если бы речь шла лишь о нарушении процентной нормы, это меня бы не затронуло. Пожалуй, я бы с этим даже согласился. (Я уже рассказывал, что претензии такого рода были тогда для меня, как говорится, в порядке вещей.)

В искреннем огорчении Елены Николаевны Конюховой, которым она поделилась в разговоре обо мне слевой Шубиным, поразило – и ушибло – меня совсем не то, что милая и приятная мне дама оказалась не лучше Олега Прудкова. И даже не то, что арифметика ее была неверна.

Поразило и ушибло меня в этом ее рассуждении совсем другое: полное непонимание истинных моих намерений. Я бы сказал, полная ее неспособность их понять. Снова, уже не в первый раз, я столкнулся с тем, что с такой убийственной точностью сформулировал Михаил Михайлович Зощенко. Как я уже говорил, впервые я понял – вернее, почувствовал, – что «нахожусь в неразрешимом конфликте с обществом, в котором живу», в тот день, когда В.А. Смирнов защищал от меня Маяковского – первую (и тогда главную) мою любовь. Но историю про «огорчение», которое вызвала моя книга у Елены Николаевны Конюховой, я тут вспомнил не зря. К Василию Александровичу Смирнову я ведь никакой симпатии не питал, а Елена Николаевна была мне симпатична. Поэтому сознание, что я нахожусь в неразрешимом конфликте с обществом, в котором живу, в этот раз ушибло меня еще больнее.

Впрочем, даже и тогда (а уж на защите моего студенческого диплома тем более) я, конечно, все это так не формулировал. Вряд ли даже в полной мере осознавал. Но чувствовал я именно это.

Все прочие конфликты могли (должны были!) так или иначе разрешиться. А этот был неразрешим. И чем удачливее складывались мои литературные дела, тем острее я ощущал всю беспросветность этой ситуации, отсутствие каких бы то ни было надежд на разрешение этого конфликта.

На входе в это величественное здание, так манившее меня когда-то, ясно и четко, огромными плакатными буквами было выведено классическое: «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ».

Йосельман, «правозащитник» из Росхайма

אָדאָאַ עײַזען

Время на сломе веков обычно чревато всякого рода потрясениями. Период, на который пришелся «спор о еврейских книгах» (см. «Лехаим», № 8 за 2002 год), — не исключение. Для евреев наступили лихие времена. Судите сами. Вот сохранившийся в архиве эльзасского города Кольмар (ныне во Франции) документ, подписанный императором Максимилианом 25 апреля 1510 года:

«Предупреждаем всех евреев и евреек, проживающих ныне в Кольмаре, что настоящим мы разрешаем любезному нам бургомистру изгнать всех евреев, которые до сих пор проживали здесь, в самый короткий срок и не разрешаем им когда-либо вернуться. Ежели когда-либо вам доведется посетить Кольмар по торговым делам, ваша верхняя одежда должна быть помечена желтым кругом, а тот, кто не подчинится приказу, понесет наказание».

Обычно маркграфы и бургомистры не согласовывали с императором своих действий по отношению к презренным иудеям, судьба этих париев была полностью в их власти. Курфюрст Бранденбурга Иоахим I из рода Гогенцоллернов сжег на рыночной площади Берлина 38 евреев, а остальных изгнал из своих владений. Случилось это в то самое время, когда евреи Кольмара с детьми, стариками и нехитрым скарбом тащились по проселочным дорогам в поисках пристанища.

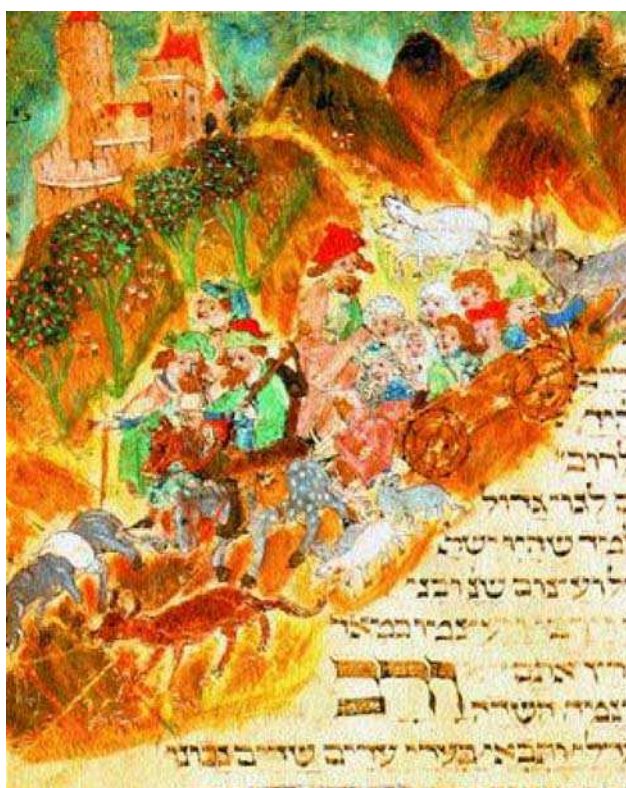
Медленно движется колесо истории по германской земле, приближаясь к 1933 году. Проходят столетия, а отношение к евреям мало меняется...

А ведь было время — период раннего средневековья — относительно благополучное для евреев. Благоволили к ним Карл Великий и его преемники, как и первые саксонские короли. При Каролингах (X – XI вв.) в «епископских» городах Меце, Трире, Кельне, Вормсе, Майнце, Шпее, Регенсбурге, Магдебурге и Мерзебурге возникли крупные еврейские поселения со своим общинным самоуправлением. К своим непосредственным хозяевам — епископам (они в те времена совмещали религиозную и светскую власть, а нередко были и военачальниками) и к императорам евреи относились с признательностью. Враждебность к евреям проявляли народные низы, возбуждаемые

чаще всего низшим духовенством, в то время как князья, епископы, короли, императоры и папы обычно покровительствовали и защищали евреев, поскольку нуждались в них.

Грамота Генриха IV о привилегиях евреям Шпеера составила основу средневекового европейского законодательства о евреях. Однако подобные грамоты не смогли оградить их от бесчинств крестоносцев, которые до завоевания Гроба Господня не прочь были истребить «неверных» в Европе.

«Как испуганное стадо овец, ожидая нападения хищника, сбивается в кучу, так и еврейство, видя себя среди врагов и ежедневно опасаясь взрыва народных страстей, все более отдалялось от враждебной среды и замыкалось в сфере своих национальных интересов», – так объясняет ситуацию видный историк Семен Дубнов. Евреи стали искать защиты у императоров за соответствующее вознаграждение. То, что давалось остальным гражданам по закону, евреи получали в виде «привилегии» (своего рода охранной грамоты) императора.

«Èçǎ áí éá èç ãñðì áí ñéíã ã ðíãã».

Ñòðáí èöà ì íèèòãíí í èèà

1427 ãä

Последние Гогенштауфены, Генрих VI и Фридрих II, и впрямь защищали евреев, но в период «междоусобиц» в середине XIII века начались погромы и гонения, повторялись обвинения в ритуальных убийствах. В XIV веке положение не изменилось к лучшему. «Черная смерть», чума, виновниками которой были объявлены евреи, вызвала неслыханные зверства. Но если в том веке травля исходила снизу, то в следующем столетии ее организовывали власти предрержащие. Евреи были изгнаны из Кельна, Аугсбурга, Саксонии, Баварии, Бранденбурга, Бамберга, Шпеера, Майнца, Ульма, Бреславля – все это были крупные центры еврейской жизни. Но в том веке размахом

гонений превзошла всех чета «католических королей» Испании – Фердинанд и Изабелла, ополчившиеся против евреев в 1492 году. И в XVI веке в Германии евреев убивают, но чаще изгоняют из многих городов. Императорские эдикты об изгнании появились и в Нюрнберге, и в Вюртемберге, и в Регенсбурге...

Это пространное историческое отступление понадобилось для того, чтобы показать, в какое время и при каких обстоятельствах рабби Йосельман из Росхайма принял на себя нелегкое бремя – стать ходатаем перед властями по делам гонимых и преследуемых евреев, быть их защитником, а то и спасителем. Да и нам, шагнувшим в XXI век, полезно знать, как непросто складывалась жизнь евреев в Германии в те далекие времена. Ох, уж эти уроки истории...

Нареченный именем Иосифа, Йосель бен Гершон Лоанц стал во многих отношениях воспреемником миссии своего библейского тезки в иных исторических обстоятельствах. Служение еврейству Йосельман начал с участия в «споре о еврейских книгах». В ту пору ему было тридцать лет, и занимался он финансовой деятельностью, имея активную помощницу в лице жены. И ей чем дальше, тем больше приходилось заниматься делами мужа, поскольку его общественное служение поглощало все его силы и время. Рабби Йосельман принадлежал к семье известных талмудистов и кабалистов, из недр которой (по материнской линии) вышел когда-то Раши – рабби Шломо Ицхаки, великий комментатор Торы и Талмуда. Отец Йосельмана осел в Эльзасе, и его первенец родился в Росхайме. Их родственник был личным врачом императора Фридриха III, ему доверял и Максимилиан I. Очевидно, это облегчило рабби доступ ко двору.

Рабби Йосельман оказался по своим делам в имперском городе Франкфурте как раз в тот момент, когда прозелит Пфэфферкорн начал там свое черное дело: стал реквизировать еврейские свитки и книги. Евреи Франкфурта растерялись, не зная, как быть: то ли попытаться откупиться от злодея (тот потребовал неслыханную сумму – 100 тысяч талеров), то ли обратиться с жалобой к императору в Зальцбург. Это ныне на экспрессе «Иоганн Штраус» от Франкфурта до австрийского Зальцбурга рукой подать. А тогда путь был не близкий. Пока доберется ходатай до места, пока добьется приема (и примут ли?), глядишь – книги окажутся в костре. И тут рабби Йосельман подает своим соплеменникам спасительную идею – обратиться к архиепископу Майнца, тем более, что Пфэфферкорн в своем рвении уже добрался и до его владений, реквизировал еврейские книги в местечке Визенау. Это хороший предлог осадить ретивого наглеца. Задача состояла еще и в том, чтобы опередить противника и предстать перед архиепископом до того, как Пфэфферкорн успеет оболгать евреев в его глазах.

*«Αἰὶ θεῶ VI ἰδεῖ ἐὶ ἀὰ ἀὰεῖεῖεῖ ἀὰεῖεῖεῖ οἰδῖ οἰδῖ ἀ ἐ ἰῖαὸ ἀῖε ἀὰὸ ἰδῖαῖ
ἀῖαῖα». Ἴ ἐὶ ἐὰὸ ῖδῖ ἐς «Codex Balduinensis».*

Удача сопутствовала Йосельману. Его визиты к архиепископу Майнца и к известному гебраисту Иоганну Рейхлину, включенному в экспертную комиссию императора по решению вопроса о еврейских книгах, прошли успешно. Добровольный ходатай по делам евреев радовался, узнав, что Рейхлин не обманул его ожиданий. И в самом деле, отзыв Рейхлина был написан со страстью. Ученый защищал книги, говоря о том, что преступно лишать евреев их достояния, что из этих древних книг черпали на протяжении веков свою мудрость христианские теологи. В дневнике рабби Йосельман запишет (дневник сохранился!), что стал свидетелем настоящего чуда: нееврей отстаивал еврейские книги, да при том столь вдохновенно и убедительно!

Но, кроме Рейхлина, высказались еще семеро. Неважно, что они повторяли лживые измышления Пфедферкорна, неважно, что они были невежами в гебраистике. Их было семеро! К тому же на их стороне оказалась любимая сестра императора – Кунигунда Баварская. И рабби Йосельман собирается в путь-дорогу: он решает ехать в Зальцбург добиваться аудиенции у императора.

Император Максимилиан I почитался одним из величайших правителей из дома Габсбургов. Он был настоящим рыцарем – своевольным, амбициозным, склонным к рискованным приключениям и фантастическим прожекам. Рассказывают, что в Мюнхене он вошел в клетку ко льву и открыл ему пасть, а в Ульме забрался на самую высокую башню собора и балансировал на железной перекладине, стоя на одной ноге. При этом он был человеком живого ума и огромного честолюбия. Он никогда не забывал о своей главной миссии – «Римского императора германской нации». Он мечтал о лаврах Цезаря, хотел быть достойным потомком Карла Великого. Он жаждал выкинуть турок из Европы и под своей эгидой восстановить старую Византийскую империю. Он первым заключил союз с Россией, рассчитывая на ее мощь в своих далеко идущих планах. В своих мечтах он видел себя папой римским. Письмо к своей единственной дочери Маргарет, регентше Нидерландов, посланное 18 сентября 1511 года, он подписывает так: «Твой отец Максимилиан, будущий Папа». Стань Максимилиан I папой, он реформировал бы церковь. Идеи коренной, радикальной Реформации носились в воздухе, и он не был глух к

Прежде чем отпустить просителя, император пожелал узнать, действительно ли Талмуд содержит такие ужасные вещи, о которых твердят доминиканцы и Пфэфферкорн? Его интересовало, как Талмуд толкует вечное спасение, только ли евреи его достигнут или...

Ответ о том, что согласно Талмуду вечное спасение ждет всех добродетельных людей, которые веруют в единого Б-га, творят добро и не делают зла своим собратьям, – обескуражил, но и удовлетворил императора:

– Клянусь Б-гом, наша церковь утверждает то же самое! Как подумаешь, что большинство ждет впереди вечное проклятие...

Последний вопрос к Йосельману прозвучал еретически:

– Скажи мне, почему маги и чародеи имеют власть над злыми духами, в то время как честный человек не может ничего добиться от ангелов?

Йосельман напомнил императору, что тот ведь был однажды спасен ангелом от смерти на скалистом уступе в Тироле. Максимилиан рассмеялся и ответил, что спас его не ангел, а охотник, которому он за то пожаловал дворянство.

– Ваше величество, у евреев ангела называют малах, или посланец. Это была милость Б-жия – послать охотника, чтобы спасти вас, так что охотник был ангелом, посланником Б-жественного провидения.

Мысль о том, что на нем почиет милость Создателя, произвела впечатление на императора. Но еще более поразило его то, что этот пришлый еврей так просто и ясно объяснил случившееся и говорил так уверенно, будто ему была ведома воля Б-жия.

– Не будь он евреем, сделал бы я его канцлером, – подумал Максимилиан. И распорядился подготовить указ о возвращении священных книг евреям.

На следующий день вместе с указом рабби Йосельман получил мандат, удостоверявший, что он назначается попечителем и руководителем всего немецкого еврейства, – *Befehlshaber und Regierer der Juden* (как сказано в документе).

Облеченный властью рабби Йосельман попытался создать сплоченную организацию германских евреев. Он разделил их на десять групп согласно десяти округам империи. Руководство организации находилось во Франкфурте. Так что вряд ли следует удивляться, что и сегодня «Совет еврейских общин Германии» под председательством Пауля Шпигеля заседает именно в этом городе: традиция! Дважды в год округа должны были посылать во Франкфурт своих представителей для обсуждения общих дел. В 1530 году рабби Йосельман представит рейхстагу в Аугсбурге свои «Уложение и правила», регулирующие жизнь евреев Германии. Но это время – впереди.

Сокрушительное поражение разъярило не только самого Пфэфферкорна, но и тех, кто стоял за ним – кельнских доминиканцев. Они обрушились на Иоганна Рейхлина как на спасителя Талмуда. Вот тогда и появился их памфлет «Ручное зеркало», на который последовал ответ Рейхлина, а затем подоспели и «Письма». Рейхлин отважно сражался с обскурантами. Но и рабби Йосельман не сидел сложа руки. Книги были возвращены, но вместе с императорским мандатом он принял на себя бремя ответственности за свой народ. В его помощи и защите нуждались многие евреи. Вступаясь за них, рабби

Йосельман наживал могущественных врагов. К тому же щупальца Пфэфферкорна тянулись не только к Рейхлину, но и к нему.

Бургомистр Оберенхайма Якоб Брант, затаивший злобу на Йосельмана из-за его успешного заступничества за незаконно брошенных в темницу евреев, а фактически – за вмешательство в свою епархию, охотно пошел на союз с Пфэфферкорном. Брант арестовал рабби Йосельмана и посадил его на хлеб и воду, лишив воздуха и света. В ту пору не только князья и маркграфы, но и бургомистры вели себя достаточно вольно и независимо. Якоб Брант повел себя так, будто императорский мандат ему не указ.

А между тем молва об аресте рабби Йосельмана распространялась. Однако она не достигла слуха императора, потому что двор в ту пору не находился в постоянном месте, а то и дело переезжал, и лишь немногие знали, где находится Максимилиан в данный момент. Двоюродный брат бургомистра, прославленный автор «Корабля Дураков» Себастьян Брант, поспешил из Страсбурга в Оберенхайм, чтобы предостеречь родственника, явно перегнувшего палку. Рабби Йосельман был освобожден, а Пфэфферкорн вернулся в Кельн ни с чем, а точнее – с носом.

Но в январе 1514 года внезапно умирает сорокапятилетний архиепископ Майнца, и евреи лишаются друга и заступника. Претендентов на вакантное место было немало, но далеко не все способны были выполнить два условия: выплатить Риму из своего кармана 20 000 золотых гульденов и изгнать евреев из Майнца и из всех соседних земель (последнее требование было выдвинуто доминиканцами Кельна). В марте того же года архиепископом стал молодой маркграф Альберт Бранденбургский из княжеского рода Гогенцоллернов. Братья Гогенцоллерны были верными сынами церкви: один из них был деканом Бамберга, другой – каноником Вюрцбурга. Да и сам Альберт, несмотря на молодость, уже был архиепископом Магдебурга.

Вступив в должность, архиепископ Альберт должен был выполнить взятые на себя обязательства. Не испытывая ненависти или личной неприязни к евреям, он, тем не менее, рассылает письма соседям, призывая их начать повсеместное изгнание. Уже в январе 1516 года во Франкфурте-на-Майне собрался съезд князей, где было принято решение о высылке. Лишь Фулда и Хессе-Ханау – к их чести! – отказались изгонять своих евреев, даром что в Фулде в XIII веке состоялся первый в Германии процесс по обвинению евреев в использовании христианской крови в ритуальных целях. А для того чтобы компенсировать утрату денег (изгнанные евреи ведь не станут платить налоги, существенно подпитывающие казну), было решено активизировать торговлю индульгенциями, которой занимались доминиканцы.

Вот тут-то не стерпел Мартин Лютер и прибил на двери собора в Виттенберге свои знаменитые Тезисы, положившие начало Реформации. На дворе стоял октябрь 1517 года. К этому времени «спор о еврейских книгах» уже закончился. Усилия немецкого гуманиста Иоганна Рейхлина, рабби Йосельмана из Росхайма и иже с ними увенчались победой. Можно бы и точку поставить. Дальше начинается Реформация, породившая Крестьянскую войну. Для евреев это было трудное время. Не успели они порадоваться тому, что удалось отбить у врагов свои священные книги, как уже и само их существование в Германии оказалось под угрозой.

Но что же рабби Йосельман? Нет, его миссия в ту пору отнюдь не закончилась. И здесь мы коснемся лишь самых важных его деяний.

...Рабби понимал, что жаловаться императору бесполезно: хотя Максимилиан I и изменил свое отношение к евреям, но ради них не станет же он ссориться с князьями, и уж тем более сейчас, когда он постарел и более всего озабочен, в чьи руки попадет его империя. Он хотел бы передать корону внуку Карлу V, недавно унаследовавшему испанский престол, однако необходимо одобрение князей. Пожалованный званием «имперского ходатая по делам евреев» рабби Йосельман знает: есть лишь один выход – ехать в Майнц. И вот вновь он пускается в путь.

Еврей V.

На этот раз Пфэфферкорн успел его опередить, но это не помогло интригану, хотя он и вручил новому архиепископу свой очередной памфлет «Позорное зеркало», где вновь атаковал Иоганна Рейхлина и евреев. Он требовал максимально унижить последних: не убивать, но отнять все имущество и заставить выполнять самые грязные работы – чистить улицы и отхожие места; детей их следует у родителей забрать и насильственно крестить. Прочитав памфлет, архиепископ бросил его в огонь камина и передал Пфэфферкорну свой приказ: немедленно покинуть город и его владения, – в противном случае автора постигнет судьба его клеветнического сочинения.

Рабби Йосельману стало известно, чем закончилась аудиенция его врага, и в сердце его затеплился огонек надежды. Однако его слезные просьбы снизить к несчастным евреям, не лишать их убежища, не превращать достойных благочестивых людей в нищих бродяг, не поколебали решения князя церкви, поскольку тот связан словом: ведь принимая свой сан, Альберт обязался выполнить два условия и одно из них – изгнание евреев. Проницательный Йосельман понял, что ответ властителя – не уловка, к тому же он не почувствовал ненависти к евреям в душе молодого архиепископа. А потому он и решился рассказать о том, как принимал его император, как обещал он свое покровительство евреям. Эти слова заставили Альберта задуматься, и он сказал:

– Ты – умный человек, Йосельман, я вижу, дела твоих братьев в надежных руках. Поезжай к императору! Если Максимилиан запретит мне и моим соседям изгонять

евреев, я повинуюсь ему. Пойми, мне нужен приказ: не рекомендации, не совет – только приказ императора может освободить меня от данного слова. Успеха тебе!

Б-г не покинул рабби Йосельмана, и спустя десять дней он предстал перед светлыми очами государя. Максимилиан вспомнил их беседу шестилетней давности. Император знал, что привело к нему этого еврея из Росхайма, который ничего не просил для себя, а только для своих единоверцев. Этот мудрый человек с благородной душой ему симпатичен, но сейчас не время поддаваться эмоциям, не время ссориться с князьями.

Йосельман тоже понимал, о чем думает Максимилиан, что его заботит. И он, как бы отвечая на мысль, гложущую собеседника, рассказывает ему библейскую историю сыновей Ицхака, близнецов Эйсав и Якова. Хотя Эйсав и считался первенцем, хотя отец и предпочитал его Якову, однако всемогущий Б-г распорядился так, что благословение Авраама и отца своего Ицхака получил Яков.

– И не от расположения князей, а лишь от воли всемогущего Б-га зависит, будет ли корона германской империи возложена на голову вашего внука или нет, – подчеркнул рабби.

Поскольку император хранил молчание, Йосельман продолжил:

– Ваше величество, я бы не беспокоил вас, если бы архиепископ Майнца, милостиво выслушавший меня, не обещал прекратить изгнание евреев – при условии, что он получит от вас соответствующий приказ.

...Когда рабби Йосельман появился во Франкфурте с письмом-приказом за подписью императора, евреи города целовали ему руки. Помимо письма к архиепископу Майнца он получил еще один документ. Это было письмо императора к своему внуку Карлу V, королю Испании. В письме Максимилиан I подтверждал, что еврей Йосельман из Росхайма был назначен им попечителем и патроном евреев Германии, характеризовал его как человека умного, честного, благородного и благочестивого и просил внука, если он станет императором, утвердить это назначение и быть милостивым господином и защитником евреев в немецких землях.

Еще в 1514 году император написал письмо о защите евреев, проживающих в Германии, но оно не получало огласки вплоть до 1518 года. И поэтому известие о письме, что привез рабби Йосельман за подписью императора, наполнило сердца эльзасских евреев ликованием. Однако радость была недолгой: в январе 1519 года Максимилиан I умер, и в июне во Франкфурте князья избрали его внука Карла V. Евреи не знали, чего им ждать от юного монарха. Он родился в Генте, его матерью была единственная дочь «католических королей» Испании – Фердинанда и Изабеллы, которые в 1492 году обрушились на евреев. Карл рано лишился отца, но и материнской ласки не знал. Воспитывал его учитель Адриан Флорент, – будущий папа Адриан VI, первый немец на папском престоле. Карлу было шестнадцать лет, когда умер его дед Фердинанд и он унаследовал испанскую корону. К этому времени он уже свободно знал семь языков. Ему предстояло стать «католическим королем».

После смерти короля и до прибытия Карла страной управлял в качестве регента Хименес, тогдашний кардинал-архиепископ Толедо и Великий инквизитор. Он был широко известен как преследователь марранов – крестившихся евреев, втайне сохранявших верность вере предков. Великие инквизиторы ежегодно сжигали тысячи людей. И евреи обратились с петицией к юному королю, обещая выплатить 800 000

дукатов, если прекратятся преследования, однако Карл оставил ее без внимания. Зато разрешил инквизиции начать свою «деятельность» в Нидерландах. Воодушевленные доминиканцы отправили депутацию к новому императору, требуя следовать примеру его предков Фердинанда и Изабеллы – сжигать еретиков (они имели в виду прежде всего Мартина Лютера, чьи сочинения уже пылали перед Кельнским собором) и изгнать евреев из Германии.

Не дожидаясь высочайшего повеления, власти Регенсбурга, еврейская община которого была одной из старейших и известных в Германии, отдали приказ об изгнании евреев. Несчастных погрузили в лодки, и они двинулись вниз по Дунаю. Судьба их была печальна. Лишь единственному семейству Ауэрбах, пользовавшемуся покровительством короля Баварии, дозволено было остаться. Эта страшная новость наполнила еврейские сердца трепетом и отчаянием. Зато Пфэфферкорн – ликовал.

Рабби Йосельман размышлял и взвешивал. Что делать? Ехать в Испанию? Но ведь там уже с 1499 года действует закон: еврей, осмелившийся ступить на испанскую землю, будет предан смерти! Тем не менее, с риском для жизни Йосельман в сопровождении раввина Мозеса Коэна из Франкфурта, переодевшись в платье богатых немецких горожан, весной 1520 года появляются на улицах Мадрида. Они смогли добиться высочайшей аудиенции и вручили императору Карлу V письмо его покойного царственного деда. В итоге император намеревается прибыть в Германию в начале следующего года и обещает на месте во всем разобраться. Такой же ответ получили и доминиканцы, которые жаждали к прибытию императора очистить Германию от евреев. Их зловещие планы будут реализованы спустя четыре столетия: при Гитлере Германия станет judenfrei.

На исходе 1520 года Карл V въехал в Аахен, где и был коронован. В январе 1521 года открылся всегерманский рейхстаг в Вормсе под председательством молодого императора. Сейчас его помнят потому, что туда в марте был приглашен Мартин Лютер, от которого требовали отречения от «еретических» идей. Он предстал перед собранием в апреле, и его речи произвели огромное впечатление на императора и князей, особенно последние слова: «Нет, я не могу и не хочу отречься ни от чего, потому что небезопасно и нехорошо делать что-либо против совести. Вот здесь я стою; я не могу иначе. Мне нечего добавить. Б-г да поможет мне! Аминь».

Рейхстаг осудил Лютера как еретика. Но рабби Йосельман, присутствовавший на том заседании рейхстага (ведь он был не простой еврей, а облеченный по воле двух императоров особыми полномочиями), внимал Лютеру с некоторой надеждой. И действительно, этот монах-августинец, а затем доктор теологии и профессор Виттенбергского университета, сражавшийся с папистами-доминиканцами, поднимет голос в защиту евреев. Сразу после посещения Вормса он засядет за брошюру «Иисус Христос родился евреем». Он опубликует ее в 1523 году. Лютер надеется привлечь евреев к своей вере, но, убедившись в тщетности этих ожиданий, он спустя двадцать лет обрушится на евреев с яростью, превосходящей все, что они претерпели ранее, станет их хулителем и гонителем. И Йосельману придется защищать евреев от Лютера, но прежде ему надо защитить их от восставших крестьян во время кровавой вакханалии Крестьянской войны. Время это не за горами.

А пока что рабби Йосельман получил новую грамоту, подтверждающую его полномочия, и присягнул императору в присутствии вице-канцлера Циглера и архиепископа Альберта Майнцкого. Император гарантировал спокойную жизнь евреям Оберенхайма, сместив самодура-губернатора Бранта. Здесь же в Вормсе во время сейма

окончательно рухнула карьера интригана Пфедферкорна. Эти победы могли бы тешить самолюбие любого, кто столько претерпел от этих двоих ненавистников евреев, но рабби Йосельман был выше сведения счетов. Да и жизнь то и дело подбрасывала ему и его народу такие испытания, что проделки Пфедферкорна начинали казаться безделицей. Рабби Йосельман не отступал.

Среди множества его многотрудных деяний на благо немецких евреев участие в Аугсбургском рейхстаге 1530 года по значимости заслуживает особого разговора. Император Карл V после девятилетнего отсутствия явился в Германию как триумфатор: его короновал папа как императора Священной Римской империи германской нации, в битве при Павии он победил французского короля Франциска I, принудив побежденного заключить мир с папой, он подавил волнения в Испании, его конкистадоры завоевали Перу и Мексику. Ныне перед ним стояли две главные задачи: определиться с лютеранством и готовиться к крестовому походу против турок, которые чувствуют себя хозяевами на Дунае и чуть ли не штурмуют Вену.

Между тем недруги евреев распространили клеветнические слухи в народе о сотрудничестве евреев с турками. Понимая всю опасность этого навета, рабби Йосельман отправился к императору в Инсбрук для объяснения. В его дневнике имеется скупая запись о том, что Карл V подтвердил все прежние привилегии евреев. А в мае 1530 года появился эдикт, в котором говорилось, что все свободы и права, дарованные евреям Карлом V при короновании его в Аахене, он подтверждает ныне как римский кайзер. Но этим дело не кончилось.

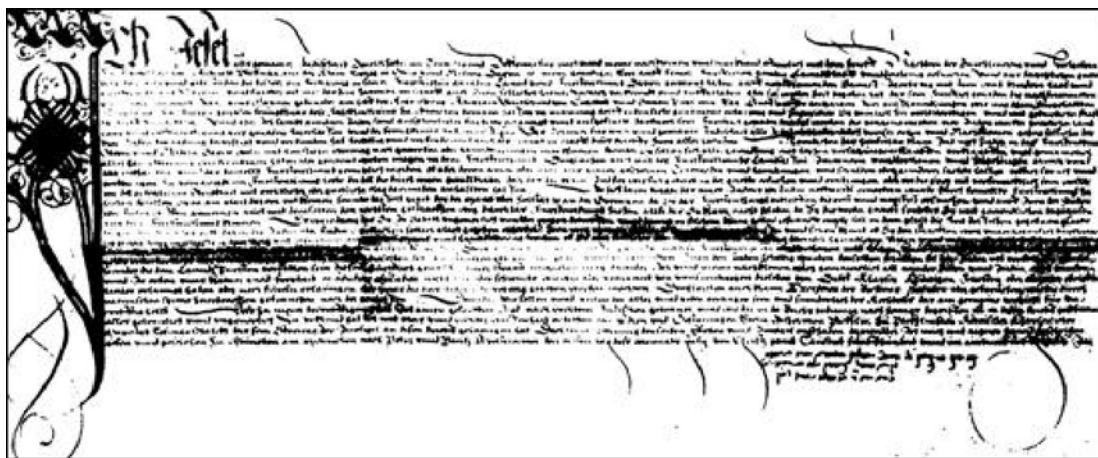
За три месяца до открытия рейх

стага в Аугсбурге появилось антиеврейское по замыслу сочинение обращенного еврея Антония Маргариты, в котором тот толковал и комментировал еврейские молитвы и обряды. Оно вызвало такой интерес, что через месяц вышло второе издание. Автор оказался врагом куда опаснее невежественного Пфедферкорна. Он происходил из семьи талмудистов, его отец был раввином Регенсбурга, и его познания в иудаике были основательны. Однако в своих трактовках Антоний Маргарита повторял христианских теологов, пользовался их оружием и, переведя на немецкий язык еврейские молитвы, стал доказывать, что евреи изо дня в день, поутру, ввечеру и в полдень молят своего Б-га, чтобы Он искоренил Священную Римскую империю германской нации, уничтожил христианских пастырей и императорский дом, чтобы «кровь христианская обагрила стены». Этот вероотступник предлагал евреям опровергнуть его обвинения, вызывал их на спор.

Когда императору стало известно о книге, он решил, что спор поведет имперский еврей Йосельман из Росхайма. В Испании публичные диспуты между раввинами и пастырями церкви стали делом привычным, но в Германии это было нечто новое. Йосельман попал в щекотливое положение. Он не получил философского образования, не был профессиональным раввином, но отступить было невозможно, и он принял вызов. Йосельман поставил условие: если он выиграет спор, то его оппонент должен навсегда покинуть Аугсбург.

И вот 25 июня 1530 года в присутствии кайзера, множества князей и знати Йосельман убедительно и доказательно оспорил три положения своего оппонента: что евреи поносили Христа и христианство, что они искали и завлекали прозелитов—новообращенных и что побуждали их уничтожать правителей, которым те прежде служили.

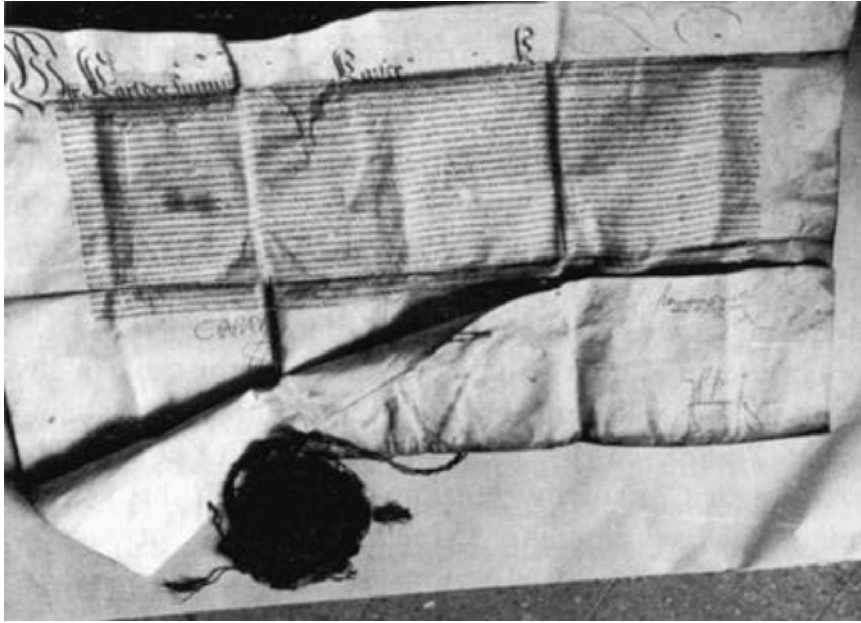
Мюнстере захватила власть воинственная апокалиптическая секта. Ее члены – анабаптисты, или «перекрещенцы» – объявили, что Христос возвращается на землю, чтобы установить царство справедливости. Лидер восставших Иоанн Лейденский объявил себя Мессией и царем Нового Израиля. Мюнстер переименовали в Новый Иерусалим. Переименовали и все улицы, и дни недели. Население обязано было принять новое крещение, сопротивлявшихся убивали. Выжившие стали называть друг друга «братья» и «сестры». Все имущество и съестные припасы были обобщены, деньги отменены. Все книги, кроме Ветхого Завета, были сожжены перед кафедральным собором. После краткого периода аскетизма установилась полигамия – многоженство. Город выдерживал осаду почти полтора года, живя по законам «военного коммунизма». За это время его обитатели прошли ускоренно весь исторический цикл – от всеобщего равенства до тоталитарного режима. Это был настоящий Апокалипсис. Евреи во всем случившемся там были и вовсе неповинны, но восставшие продемонстрировали «близость» Ветхому Завету, поэтому тень их исступленных бесчинств и легла на евреев.

*Νῆταὸαίεάι ἀεῶό Εἰμαῖῦ αἱ ἱῖ ἐς Δῖμαεῖ ἀ ἐ ἄδῶῖαῖ Αἰῦαδῶῖι
 Ἀδῶῖ αἱῖ ἄδῶῖεῖι .*

1551 ἄἄ

Одновременно в Богемии реформаторы проявили настолько глубокую приверженность Ветхому Завету, что некоторые стали даже переходить в иудаизм, праздновать субботу (саббатянцы, или субботники, не путать их с движением в поддержку лже-Мессии Саббатая Цеви, которое имело место в XVII веке), а кое-кто сделал обрезание. Слухи о том дошли до Мартина Лютера и привели его в негодование – он разразился «Посланием против саббатянцев». Накануне этих событий рабби Йосельман пытался искать у Лютера защиты и обратился к нему с просьбой воспрепятствовать изгнанию евреев из Саксонии. Однако в 1536 году Йосельман еще не знал, что позиции Лютера по отношению к евреям кардинально изменились. В своем ответном письме Лютер писал, что его сердце по-прежнему открыто евреям, но он все больше в них разочаровывается, поскольку они упорствуют в своих заблуждениях и не хотят принять его учения. А в 1539 году он признал свое поражение: обратить евреев не удалось даже Иисусу Христу, не то что ему, Мартину Лютеру. В 1542 году Лютер публикует исполненный ярости и гнева памфлет «Против евреев и их лжи», а спустя несколько месяцев вовсе издевательский новый памфлет – «Шем Гамфораш». Несдержанный на язык Лютер здесь превзошел самого себя в нападках на евреев.

Ōādōēy Êādēā V î î dēāēāēyō āādāā Āî dî nā

1552 āā

«Поистине он сделал нашу жизнь крайне опасной», – записал рабби Йосельман в своем дневнике. Он был проникателен, этот мудрый имперский еврей, но ему и в страшном сне не могло привидеться, чем обернутся антиеврейские писания Лютера в XX веке, как страшно они «аукнутся», какую зловещую роль сыграют в судьбе европейского еврейства при нацистском режиме.

Отпущенные ему годы рабби Йосельман истово служил своим единоверцам. Он не ждал ни от кого благодарности. И жил в согласии со своей совестью и деятельной натурой. Людская память недолговечна: могила его затерялась. Но имя и дела этого народного заступника время сохранило и донесло до нас.

Êāēūū

Меламеды из Малаховки

Nai ai xadi ue

Тихий подмосковный поселок Малаховка, расположенный к юго-востоку от Москвы по Московской железной дороге, в 1920-е годы волею судеб превратился в один из центров расселения евреев в регионе. Вероятно, толчок этому дало то, что именно в Малаховке был размещен в начале 1920-х еврейский детский дом, организованный Евсекцией. В 1926 году в Малаховке жили уже 805 евреев. Здешнее еврейское население еще более возрастает после введения института прописки в 1933 году, сделавшего доступ в Москву крайне ограниченным и нормированным. К концу 1930-х в поселке проживали 1660 евреев при населении 16 300 человек. При том, что среди населенных пунктов Московской области по абсолютной численности евреев Малаховка занимала только пятое место, процент евреев среди населения здесь был самым высоким. В других местах он редко превышал 6 процентов. Судя по данным, приводимым российским исследователем Ю. Сноповым, Малаховка вместе с близлежащими поселками и городами Перово и Кусково образовывала так называемое восточное направление еврейского расселения в пригородах Москвы. Как и более крупное в численном отношении северное направление, куда входили северные окраины Москвы, – поселки Лосиноостровский, Мытищи, Перловка, Тайнинка, Мамонтовка, а также Клязьма и Пушкино, где большое количество евреев появляется позднее, – восточное направление было местом, где жили наиболее традиционные группы еврейского населения, лучше других сохранившие особенности быта еще прежних мест своего проживания на территории бывшей черты оседлости.

В двадцатые годы в Малаховке существовало практически все, что нужно для полноценной еврейской жизни. Здесь был рынок, на котором можно было купить живую птицу, там же можно было найти резника. В поселке были частники, официально изготовлявшие и продававшие мацу. Несколько магазинов и аптека в Малаховке принадлежали евреям, причем в некоторых из магазинов можно было купить и кошерные продукты.

В двадцатые же годы появляются и первые еврейские захоронения на Малаховском кладбище. В дальнейшем его еврейский участок разрастается, и это кладбище становится вторым по значению еврейским кладбищем в окрестностях Москвы. С начала 1920-х годов здесь функционировал (с 1926 года – нелегально) постоянный миньян, располагавшийся по улице Свердловской, дача № 12. А в 1932 году во Втором

Кореневском тупике, на участке № 18, принадлежащем А. Альтерману, группой верующих евреев было построено деревянное здание, которое стало использоваться в качестве молельного дома. В тридцатые годы Малаховка также выделяется еще и в качестве центра печения мацы. Многие москвичи в те годы приобретали мацу именно там...

Следует особо отметить, что именно Малаховка была одним из крупнейших центров хасидизма в Московской губернии. В поселке было много любавичских и брацлавских хасидов, которые устраивали здесь фарбренгены – своего рода «вечеринки», на которые стекались хасиды со всей Москвы. Не случайно, именно в Малаховке остановился р. Иосеф-Ицхок Шнеерсон после своего освобождения из-под ареста в 1927 году. Также в Малаховке жил и другой известный религиозный деятель – раввин Москвы Яков Клемес, который переехал сюда в 1929 году после того, как ему, лицу духовного звания, лишенному в связи с этим избирательных прав, было запрещено проживать в столице. В тридцатые годы Малаховка становится резиденцией одного из ближайших помощников Ребе Раяца – р. Янкеля Маскалика из Журавичей по прозвищу Янкл Журавицер.

С конца двадцатых годов минувшего века положение иудаизма в СССР неуклонно ухудшается. В 1929 году были выпущены законодательные акты, лишавшие служителей культа избирательных прав. Тогда же избирательных прав были лишены и бывшие «нэпманы». Люди, попавшие в эти категории, кроме избирательных лишались также права на получение продовольственных карточек, что было весьма ощутимо в период коллективизации. Они не могли работать в органах государственного управления, поступать в высшие учебные заведения и на рабфаки, получать бесплатную медицинскую помощь в государственных медицинских учреждениях, государство не предоставляло им жилье, им запрещалось жить в пределах крупнейших городов страны. И для того, чтобы избежать всего этого, многие люди вынуждены были покинуть места своего постоянного проживания и переезжать туда, где никто не знал об их прошлом.

Часто такими местами становились большие города, в том числе и Москва. Те же «лишенцы», которые к 1929 году уже проживали в столице, вынуждены были перебраться в Московскую область. Одним из центров их расселения стала Малаховка. Одновременно со всем этим, а именно с начала тридцатых годов ГПУ, до того не сильно интересовавшееся подмосковными евреями, также обратило свое неблагосклонное внимание на религиозных евреев Малаховки. Особое внимание политической полиции привлекло то, что в поселке продолжала существовать система еврейского образования – действовало несколько хедеров и ешива. Летом 1934 года в Малаховку в качестве посланцев Ребе приехали раввин Ш. Левин и бывший торговец А. Дрезнер и при содействии того же Янкеля Маскалика к зиме 1934-1935 годов ими были организованы 4 хедера, где обучалось в общей сложности 23 человека. Обычно хедер располагался в частном доме, куда приходило несколько – от четырех до восьми – детей или подростков. Больше в одном хедере обычно не обучали, дабы не привлекать внимания соседей. Определенным стимулом для посещения хедеров было обещание мелаamedов, что все семьи, чьи дети будут учиться в хедерах, получают вызовы в Палестину. Преподавателями были сам р. Янкель Маскалик, отец и сын Горелики, М. Авцон и появившийся в Малаховке в 1934 году Аба Левин, бежавший из трехлетней ссылки, к которой он был приговорен в том же году за попытку нелегального перехода границы с целью выезда в Палестину. М. Авцон (р. в 1909 году) и еще один активист Хабада – Шломо Матусов (р. в 1916 году) ездили в другие города и организовывали там хедеры, то же делал мелаamed Исаак Гольдин. А р. Янкель Маскалик также занимался благотворительностью, раздавая

неимущим хасидам – сам или через других лиц – часть валюты, которую он получал из-за рубежа от Ребе.

В сентябре 1935 года в рамках разворачивавшегося «Большого террора» было, видимо, принято решение о разгроме малаховского «контрреволюционного гнезда». Кроме сети религиозного образования НКВД заинтересовал тот факт, что именно в Малаховке была собрана задержанная в 1934 году на границе при попытке ее перехода группа из 18 молодых хасидов, большая часть из которых сбежала из ссылки и вновь очутилась в Москве и в Малаховке. Руководило операцией 7-е отделение секретно-политического отдела НКВД. Первым за решеткой оказался самый молодой из обвиняемых – 24-летний Аба Левин, арестованный 11 сентября 1935 года. А через три дня, 14 сентября, была дана санкция на арест 60-летнего Маскалика по обвинению «в проведении работы по оборудованию хедеров и ешибохеров» и «распространении ложных слухов о якобы проводящихся в СССР гонениях на верующих евреях». Спустя 6 дней в тюрьму отправился 35-летний Яков Гольдин. 1 октября обвинение было предъявлено 61-летнему Лазарю Горелику и его 26-летнему сыну Менделю.

Арестованные держались твердо, отрицая все обвинения по принципу: «не знал, не видел, не принимал участия, никаких поручений никому не давал». Максимум, что согласился признать арестованный Мендель Горелик – в Малаховке есть несколько хедеров, но сам он их никогда не видел, а лишь слышал от некой еврейки, чье имя запомнил, будто однажды она видела группу молодых евреев, изучающих религиозные книги. Не удивительно, что следователи, чьей задачей на тот момент было не сфабриковать несуществующий заговор (как несколько лет спустя), а выяснить реальную структуру малаховской организации любавичских хасидов, довольно часто срывались на откровенную брань и заявления типа: «Вы даете ложные показания!»

Впрочем, у следствия был свой источник – некий Я. Е. Брусиловский, видимо, не желавший отдавать сына в хедер и попытавшийся избавиться его от обучения путем доноса в НКВД. Он подробно расписал все еврейские структуры, что существовали тогда в Малаховке.

После полуторамесячного следствия было готово обвинительное заключение. Арестованные обвинялись в воспитании еврейской молодежи в националистическом клерикальном духе. Очевидно, под этим подразумевалось обучение религии и настойчивые требования посещать синагогу, соблюдать Шабос (уходить с работы на государственных предприятиях, где это не удастся, где нельзя кошерно питаться и прочее). Их обвиняли и в антисоветской агитации и подготовке к выезду за рубеж (так, рассматривались, например, требования о выезде в Палестину), а также в распространении слухов о «якобы проводящихся в СССР гонениях на верующих евреях»... Кажется, ясно, что такое лицемерие даже комментировать не надо – само «судебное дело» было живым подтверждением этих «слухов». Обвинительное заключение признавало, что представшие перед судом имели большое влияние на еврейскую молодежь и детей. Впрочем, приговор был довольно мягок – три года ссылки.

После ареста и осуждения р. Я. Маскалика начинаются неприятности у Малаховской общины. В 1936 году А. Альтерман подал в народный суд Ухтомского района Московской области иск к Когану, который, по мнению истца, незаконно занял часть принадлежащего ему жилого помещения. В ходе разбирательства суд установил, что возведенное на участке, принадлежащем Альтерману, здание – не сарай, как утверждал последний, а еврейский молельный дом. В связи с этим отдел коммунального хозяйства Ухтомского района обратился в суд более высокой инстанции с требованием: лишить

Альтермана всего земельного участка общей площадью в 210 квадратных метров, где находилось данное строение. В документе назван и повод для подобного требования – здание используется не по назначению. Дело дошло до Верховного суда РСФСР, который постановил: изъять у Альтермана данный участок и передать его отделу коммунального хозяйства. Неизвестно, как складывалась судьба дома в последние предвоенные годы. Но, по всей видимости, он был не очень нужен отделу коммунального хозяйства, потому как во время войны верующие евреи снова занимают данный дом, а в 1945 году их право на него признают и советские власти. Наконец, 2 августа 1945 года по этому адресу регистрируется, «как ранее действовавшая», еврейская община и официально располагается синагога.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПРОФЕССОРА СИТЕРМАНА

Beia Yodei Aish

В этом году исполнилось 110 лет со дня рождения профессора-терапевта Лазаря Яковлевича Ситермана, трагически погибшего в конце 1941 года в гестаповской тюрьме в Минске.

Лазарь Яковлевич Ситерман – мой родной отец. Он был широко известным в Белоруссии врачом, доктором медицинских наук, директором клиники. Выходец из семьи фармацевта, он еще до революции, в 1916 году, закончил медицинский факультет

университета в эстонском городе Юрьеве (ныне Тарту). Это был один из старейших университетов в Восточной Европе.

Отец в годы первой мировой войны – военврач в русской армии, затем – в Красной Армии. После гражданской войны в течение двух лет (1921 – 1923) – главный врач центральной поликлиники в Минске, ассистент терапевтической клиники медицинского факультета Белорусского государственного университета (1923 – 1930). С 1931 года возглавлял кафедру пропедевтики внутренних болезней минского мединститута, получил звание профессора и в 1933 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук. В 1939 году ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки БССР. Отец был автором получивших широкую известность двух монографий: «Расстройство ритма сердца» (1935) и «Инфаркт миокарда» (1938), многих статей по вопросам этиологии, клиники и лечения сердечно-сосудистых заболеваний.

Л. Я. Ситерман лечил многих государственных и общественных деятелей Белоруссии, известных писателей, актеров, художников.

Накануне войны наша семья жила на даче вблизи Минска. Как только стало известно о нападении Германии на Советский Союз, отец немедленно уехал в город. Несколько суток он оказывал помощь раненым бойцам и жителям города, который 24 июня подвергся ожесточенной бомбардировке. Примерно 26 июня он приехал на дачу, чтобы взять нас с матерью в город.

Но в дачном поселке внезапно появились командиры Красной Армии. Они зашли к нам на дачу и стали всячески успокаивать: «Дела идут хорошо. Наши взяли Варшаву и Кенигсберг. Красная Армия скоро будет в Берлине. Вам никуда не надо уезжать». Как потом выяснилось, это были переодетые в советскую военную форму немецкие захватчики; говорили они на безупречном русском языке. Они воспрепятствовали нашему возвращению в город, а 28 июня Минск уже был захвачен немецкими войсками. Вскоре оккупационные власти объявили, что создается гетто для еврейского населения Минска, и 20 июля 1941 года был издан приказ полевого командира о «создании жидовского жилого района в городе Минске».

Отец, мать и я вскоре оказались в гетто, в котором находилось около 100 тысяч евреев из самого города и окружающих его местечек. Несколько раз немецкие власти накладывали контрибуцию на еврейское население. Евреи под страхом расстрела должны были сдать все деньги, золотые и серебряные вещи, меховые изделия. Помню, что отец отдал свой серебряный портсигар – ценный подарок, на крышке которого были выгравированы фамилии дарителей – профессоров минского медицинского института.

Л.Я. Ситерман все это время был в очень тяжелом психологическом состоянии, близок к самоубийству. Запомнились его слова с резкой критикой Сталина, по вине которого немцы, как говорил отец, так скоро оказались в Минске: «Кричали каждый день, что граница на замке, что будем бить врага на его же территории, а что оказалось на самом деле – мы теперь видим». Отец никогда не состоял в коммунистической партии, и, насколько я могу судить по детским воспоминаниям, отрицательно относился к сталинскому режиму.

В конце августа во двор дома, в котором мы находились в гетто, несколько раз приезжала большая группа гестаповцев. Они публично издевались над отцом. Вот как это описано в «Черной книге», подготовленной Ильей Эренбургом и Василием Гроссманом.

«Комендантом лагеря и одновременно хозяином над гетто был назначен белогвардеец Городецкий – предатель. Насильник, убийца. Из Минска не успел эвакуироваться один из крупнейших специалистов БССР – доктор медицинских наук, профессор Ситерман. Как только Городецкому в гестапо стало известно его местонахождение, начались издевательства над профессором. Городецкий врывается к нему на квартиру, забирает все, что хотел, избивал... К профессору Ситерману приезжали гестаповцы, увозили его с собой, заставляли работать на черных тяжелых работах – производить руками уборку выгребных ям и уборных... Ситермана поставили в уборной с лопатой в руках и так сфотографировали».

Я был свидетелем всех этих издевательствах, а 7 сентября 1941 года днем к нам явилось несколько гестаповцев. Они велели отцу одеться и взять с собой «медицинские инструменты». Отец снял с руки часы, которые до сих пор хранятся у меня, попрощался с нами. Его посадили в легковую машину и увезли в сторону тюрьмы. Больше отца никто не видел. Спустя несколько дней к нам снова явились гестаповцы и сказали матери, что «мы убили вашего мужа». По некоторым сведениям, отец после пыток и издевательствах был повешен в тюрьме.

Спустя много лет, уже в Москве, я читал книгу известного историка Семена Дубнова «История еврейского народа». Он подробно рассказывает в одной из глав, как нацистами проводились аресты врачей в Вене, Праге и других захваченных ими городах Европы. Дубнов писал, что эти аресты всегда сопровождалась требованиями, чтобы арестованный взял с собой «медицинские инструменты». Это был обычный прием гестапо.

Ë.В. Ñèòàðè àí â ì èí ñèíì ãòòí.

Àãñò. 1941 ãä

Ôíòí èç àððèââ Ñä àà-Ðàì.

В конце июля 1942 года во время очередного страшного погрома погибла моя мать – Вера Соломоновна Ситерман. Мне же незадолго до этого с помощью моей няни Марии Петровны Харецкой удалось бежать из гетто и более двух лет скрываться у нее. За свой подвиг няня посмертно в 1997 году была удостоена в Израиле звания Праведницы народов мира и награждена Почетной грамотой и медалью. Ее имя высечено на Стене почета в Аллее Праведников Яд ва-Шем – Национального института памяти Катастрофы и Героизма.

Третьего июля 1944 года части Красной Армии штурмом взяли Минск и освободили его от гитлеровцев. Через несколько дней в городе состоялся торжественный парад партизан и митинг жителей. По существовавшей тогда традиции на митинге было принято письмо к Сталину. В нем, в частности, говорилось: «После долгих издевательств немецко-фашистские изверги зверски убили выдающегося врача профессора Ситермана».

В Белорусском Государственном музее Великой Отечественной войны был позднее установлен отдельный стенд, где рассказывалось о жизни и мученической смерти отца.

Вскоре после освобождения Минска я приехал в Москву. Близкий друг отца известный профессор-кардиолог Яков Гилериевич Этингер и его жена Ревекка Константиновна Викторова предложили мне поселиться у них, и я с благодарностью согласился. В 1947 году Яков Гилериевич выразил желание усыновить меня, и я в знак глубокой признательности и уважения к нему сменил отчество и фамилию и отныне стал Яковом Яковлевичем Этингером. Спустя несколько лет и няня переехала в Москву.

Но моих приемных родителей и меня ожидали тяжкие испытания. В начале 50-х годов в связи с подготовкой «Дела врачей» мы все были арестованы органами МГБ СССР, а приемный отец после долгих пыток и издевательств скончался 2 марта 1951 года в Лефортовской тюрьме.

Родной отец стал жертвой гитлеризма, а приемный – сталинизма. Оба погибли в застенках тоталитарных режимов, исповедовавших воинствующий антисемитизм. В самих этих фактах отразилась трагическая судьба евреев XX века.

«Дуэт их был блистателен»...

Аאאא אע אא אאא

א אע אאא אעאא.

אאאאאאא אא אעא א אא אאא א.א. אעאא. — א . : אאאא,

2001. — 351 א

א אא א אאא אאא

С тех пор как не стало легендарных Ильи Ильфа и Евгения Петрова, прошло уже более полувека. Романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», а затем и их экранизации до сих пор заслуженно пользуются успехом. Многие словечки и выражения – такие как «конгениально», «ключ от квартиры, где деньги лежат», «лед тронулся, господа присяжные заседатели», «Рога и копыта», по сей день не вышли из употребления.

На протяжении всего советского, да и постсоветского времени книга «Двенадцать стульев» оставалась недосягаемым образцом приключенческого комического романа. Этим во многом объясняется популярность известной телеверсии, сопоставимая по своему успеху лишь с другим известным советским телехитом – «Бриллиантовая рука». Воистину, все это – достойная память о талантливейших писателях. Но едва ли этого достаточно. Нужна летопись событий их сотворчества, книга о том, как все начиналось, каким образом возник феномен «ИльфПетров» (такое написание – преднамеренное, и в книге, о которой речь впереди, оно также употребляется).

Для этого и была написана книга Евгения Петрова «Мой друг Ильф». Представление ее состоялось в Москве на встрече читателей с сотрудниками издательства «Текст», критиками, литературоведами. Среди выступавших были известные литераторы, писатели, критики – Александр Борин, Бенедикт Сарнов, киносценарист Яков Костюковский (автор сценария «Бриллиантовая рука»).

На вечере выступила и дочь Ильи Ильфа – Александра Ильф. Ей и принадлежит честь публикации книги друга и соавтора ее отца. В основе изданного текста – три варианта набросков к книге, которую Евгений Петров задумал написать в 1939 году, спустя два года после смерти друга. Но в 1942 году он погиб в авиационной катастрофе, поэтому книга и не была им дописана. Сохранилось лишь предисловие Евгения Петрова к первому изданию записных книжек Ильи Ильфа, датированному 1939 годом, и небольшой очерк к пятилетию его смерти. Каким же образом стало возможным продолжить начатое?

...Попытки собрать воедино воспоминания о двух знаменитых соавторах уже делались. Так, в 1963 году в книге «Воспоминания об И. Ильфе и Е. Петрове» были опубликованы мемуары целой плеяды литераторов – К. Паустовского, Ю. Олеси, В. Ардова, И. Эренбурга и других, близко знакомых с соавторами замечательных романов.

Однако составленная Александрой Ильф книга о ее отце – это не просто сборник мемуаров, дополненных уникальными документами. Именно разноголосица чередующихся воспоминаний современников, дополняющих три варианта наброска Евгения Петрова «Мой друг Ильф», прекрасно передает атмосферу тех лет, помогая полнее воссоздать внутренний и внешний облик каждого из соавторов и сегодня популярнейших книг. Впервые публикуются насыщенные интереснейшими бытовыми деталями воспоминания Михаила Булгакова, Алексея Крученых, а также свояченицы писателя Надежды Рогинской.

Можно сказать, что эта книга – история о том, как два разных писателя, два человека слились воедино. В ней подробно рассказано о журналистской деятельности Ильфа и Петрова, в частности о преобразовании писем в редакцию в новый эпиграмматический жанр во время их работы в «Гудке». О той серьезности, с которой они подходили к созданию юмористического журнала «Чудак», об их сотрудничестве в редколлегиях ряда журналов.

История Ильфа и Петрова по отдельности состоит из двух периодов – до «Двенадцати стульев» и после. Но эта книга является не только «летописью жизни» знаменитого писательского дуэта. Это также и история литературной Москвы 20-х годов с тогдашним великим множеством направлений в литературе и, вследствие этого, таким же великим множеством печатных изданий.

Стиль жизни того времени помогают также представить фотографии Ильи Ильфа, который в этой книге впервые показан как фотограф, причем многожанровый. Среди публикуемых снимков – натюрморты, пейзажи с видами московских улиц и переулков, даже самолеты в небе. Но особо следует отметить две фотографии храма Христа Спасителя, одна из которых сделана 5 декабря 1931 года, в день взрыва храма.

Илья Ильф представлен в этом издании как человек остроумный, жизнерадостный, необыкновенно мужественный. Его психологический портрет можно составить из нескольких фраз, сказанных им самим и о нем. Выражение «Шампанское марки “Ich sterbe”» стало крылатым. Как и «перед смертью торопился разрезать всю бумагу». Об эпизоде с разрезанием бумаги говорится в обоих набросках. Лирическую струю вносят впервые публикуемые воспоминания вдовы писателя – М. Н. Ильф, в которых наряду с горечью утраты и благодарностью к любимому человеку чувствуется неизбывное сознание собственной вины.

Помещенные в приложении письма и документы отражают резко менявшийся с течением времени вектор отношения к Ильфу и Петрову коммунистических властей: от одобрения идеи официальной поездки соавторов по Америке и получения ими всевозможных писательских льгот – до постановления секретариата Союза писателей СССР от 15 ноября 1948 года, потребовавшего признать ошибкой переиздание книги «Двенадцать стульев» и объявлявшей ее «пасквилянтской и клеветнической».

В приложении помещена также статья Бенедикта Сарнова «Ильф и Петров на исходе столетия». Вот только несколько строк из нее: «Фигура Остапа Бендера – это гимн (независимо от желаний и намерений авторов) духу свободного предпринимательства... С полным основанием сегодня мы можем сказать, что преступно было не использовать для нужд общества и энергию Остапа Бендера. Не его одного, разумеется, поскольку он образ собирательный, а множества Остапов Бендеров».

Такое восприятие сущности героя романа лет пятнадцать назад наверное произвело бы эффект разорвавшейся бомбы. Ведь имя Остапа Бендера действительно долгое время было нарицательным и употреблялось в значении «аферист, владелец несуществующей фирмы». И в советское время, и даже сейчас оно нередко фигурирует в прессе, особенно когда разоблачаются очередные многочисленные мошенники. Но, как справедливо заметил Сарнов, «давая привычную оценку герою, мы забываем о главном: “Остап – не стяжатель”. Главное для него – не деньги, не результат этой бешеной погони, а сам ее процесс».

Однако можно поспорить с утверждением, что «создав своего Остапа, Ильф и Петров отчасти искупили давний грех старой русской литературы, где фигура предпринимателя являлась перед нами либо в образе жулика Чичикова, либо в худосочном художественно убогом облике гончаровского Штольца». И все же положительные типы предпринимателей в русской литературе были. Как иначе можно рассматривать идущего на всевозможные уступки Лопахина или пользующегося, несмотря на свое циничное отношение к женщинам, безукоризненной деловой репутацией Паратова?

Вообще же, как нам представляется, именно сейчас, когда необходимость в переоценке литературных (да и внелитературных) репутаций уже отходит на второй план, самое время подумать о добротном прокомментированном издании малоизвестных сочинений

Ильфа и Петрова: фельетонов, рассказов, записных книжек, писем и выступлений.

Заслужил?

Ааііе Оаеòеєі.

Аіеаа ааііаіі

а іаеєаіі еє

іі-аііòеєаіе іі ааòе.

Ес аіаіі еєіа уòеòеаò. —

І іііаа - Еааіііеєі :

Аааò/сі аіеа

2001. — 190 іі

І ааеаі Еіааеєіа

На описание обложки стоило бы не пожалеть страничку, чтобы дать представление о трактовке образа героя повествования. Ее предложили художник А. Яшин, фотохудожник З. Путилов, сын героя – скульптор Иосиф Йосаде и, очевидно, одобрил автор книги. Но позволю себе лишь несколько слов.

...На фоне кладбищенских развалин – крупный портрет героя, разделенный на темную и светлую половины. Справа – морщинистое лицо старика в очках, слева – часть посмертной его маски. Истолкование символов, однако, дело спорное. Здесь оно вытекает из трактовки всей книги. С ней сталкиваешься на оборотах обложки и когда дочитываешь отрывки из дневников до конца. Авторский текст обрамлен цитатами.

В солидной газете Германии «Fran

kfurter Allgemeine Zeitung» Виктор Кривулин разъяснял, что жанр книги – это «странная взрывчатая смесь “Разговоров Эккермана с Гете”, сочинений Ницше (“Так говорил Заратустра”), романов Кафки и диалогов хасидских цадиков», жанр эклектичный, сомнительный, провокативный»... Далее следуют ученые слова насчет интерпретаций в ключе герменевтики, психоанализа, религиозно-метафизического и конкретно-исторического опыта. Ученость рецензента, наверное, и побудила московское «НЛО» – «Новое литературное обозрение» – перепечатать франкфуртский отклик.

Вслед за ним приведен отзыв Карла-Маркуса Гаусса из не менее солидной швейцарской «Neue Zыgischer Zeitung»: «Очень редкий в литературе случай: вездесущая сила террора и страха полностью вмещается в емкие, как бы сжимающиеся миниатюры этой книги».

Не привожу цитаты из нью-йоркского «Форвертса», выходящего на идише; из берлинского «Der Tagesspiegel»; из литовского «Вильнюса»... Но не смею оскорбить равнодушием восторженную Барбару Пьятти, признавшуюся на полосе бернской «Der kleine Bund», что она может читать «“Долгие беседы” вдоль и поперек, перелистывать с

начала и до конца – любой отрывок трогает... Это необыкновенная, великолепная книга, которая заслуживает большого уважения и восхищения».

В конце книги приводятся восемь строк Льва Аннинского из «Дружбы народов»: «Трагическая исповедь, философский аспект этого репортажа о собственном умирании достоин отдельного разговора, в контекст которого надо будет включить толстовского Ивана Ильича, а также академика Павлова, Николая Островского...»

Вслед за восемью строками из журнала следует 31 строка Михаила Хейфеца из весомой израильской газеты «Вести»: «Уникальный феномен в литературе... Подлинное величие сочинения состоит в том... По-моему, у Цейтлина получилась эпопея... Мне неизвестно другое произведение, где с такой художественной силой... изображена самоубийственная тенденция, которая закономерно завершилась перестройкой – и гибелью СССР».

Прошу извинить, но обижу профессора Анатолия Либермана, автора нью-йоркского «Нового журнала», лишь строчку процитировав из его статьи: «Книгу можно было бы назвать романом замечательным».

Никаких сомнений, что восторги искренни, что успех «Долгих бесед» всемирен. И все же...

Знаю, что реклама – двигатель торговли. Что рейтинг нынче – высший судья, закон, норма. Что нет намека на криминал в роскошном букете, брошенном обычно весьма скуповатой критикой к ногам сочинителя. Поздравляю автора от всего сердца, но признаюсь – на душе осадок. Педант и брюзга, невольно отмечаю: даты публикации откликов не указаны, а букеты, случается, увядают. Впрочем, совершенно уверен: букет, составленный мастерами, сохранится надолго. Доказательство – свеженький отзыв Марины Гордон в московском «Вестнике ЕАР» (май-июнь 2002, с. 9,10), возглавляемом любимой писательницей Диной Рубиной.

Марина Гордон добра и щедра. Во врезке к отзыву сказано, что в домашней ее библиотеке «“Долгие беседы” заняли почетное место на центральной полке, там, где обитают самые насущные поэты и любимые философы...» Бурные овации продолжаются долго: «С первой и до последней страницы читателя не оставляет дивное и страшное чувство... Ницше и Экклезиаст, Фрейд и Кафка, Тора и Новый Завет – все есть в этой истории... в личных воспоминаниях Йосаде звучит отголосок древнейших классических трагедий...»

Прекрасная Дама не поднесла букет, а дала залп из, самое малое, дюжины артиллерийских орудий. Как я ни глух, а залп прошиб перепонки. Когда же раскаты его начали затихать, в бесплодный спор с артиллерией вступила, чувствую, склеротическая уже память.

Чуть больше четверти века назад в средненький по объему журнал «Литературное обозрение» (не путать с «НЛО»), где трудно дышал тоже средний отдел «критика критики», вошел молодой человек. С древней печалью в глазах. Робкий. Предложил статью. Я полистал ее, как говорится, не отходя от кассы. Грамотная, чем «самотек» ублажал далеко не всегда. Как будто не сотрясала основ. Отчего же не порадеть провинциалу, который без гонора, без амбиций? Из незабвенной Сибири. Статья пошла в номер.

Боюсь утверждать, что статья оказалась дебютом автора в столичной прессе, но если склероз еще не маразм, то дебютом. Отношения продолжились. Меня радовали успехи Евсея. Когда не папин, не мамин, но Сибиряк наезжал в Москву, то позванивал. Официальных визитов не наносил, однако вечерком на огонек заглядывал...

Однажды редактор дальневосточного журнала, намекая на собственную значительность, перечислял авторов, которых печатает. Среди маститых и почитаемых назвал Евсея Цейтлина. «Ого! – подумал я. – Ермак Евсеевич уже Дальним Востоком овладел. Нашенским!»

В «Долгих беседах» колеблется число сборников, выпущенных Евсеем Цейтлиным в его советско-российскую бытность. Но за дюжину ручаюсь. Из нее автор выделяет и называет только две книги: «Беседы в дороге» (Новосибирск, 1977) и «Писатель в провинции» (Москва, 1990). Даже две – вовсе не пустяки. Известное дело: «Хорошо каждый дурак напишет, ты попробуй напечатай». Как видно, за робкой стеснительностью таилась железная хватка. Ценил и ценю.

Стало ли издание, вышедшее не где-нибудь, а в «Советском писателе», вершиной? Нет.

Приходит письмо из Литвы. Из курорта Друскининкай. Вопросов нет. Сказочный курорт предпочтительнее задымленного, отравленного варварской промышленностью Кузбасса. К тому же дорога от курорта к Москве, к Питеру, к Тарту, Риге, Таллину сократилась едва ли не впятеро. Культура нужна, как воздух, в особенности – талантам. Но дабы сменить Сибирь на Литву, мало было осилить версты на пассажирском. Нужно было сменить среду. Напрячь силы, укорениться в другой культуре, чтобы не прозябать чужаком в республике уже независимой, где до предела обострены национальные чувства...

Отважный малый. Уже не начинающий автор, а литератор, разменявший пятый десяток. Неужто допекла как раз дюжина книг, построенных по ранжиру: «шаг влево, шаг вправо считается побегом»?

Евсей Цейтлин задумывает повесть о Кристианасе Донелайтисе. Стратегически точный ход. И снова – отважный Донелайтис – сердцевина литовской культуры. Евсей завершает повесть. Публикует. Завоевывает успех, благодаря которому вчерашний чужак, непрошенный гость, становится деятелем литовской культуры. Получает в ней постоянную прописку: иначе не появилось бы второе издание...

Очередная вершина? Да, конечно. Жаль, что за приглашения погостить благодарил я сердечно, однако Москву не покидал. Столица держала за горло. О курортах мечтать не приходилось. Пауза в отношениях явно затягивалась и вдруг оборвалась – да еще как! Почта одарила двумя экземплярами первого издания «Долгих бесед». Один подарочный, с доброй надписью, другой утилитарный: коль скоро осталась совесть у старого хрена, постарается найти рецензента, издателя, не так ли?

Крупница совести, может, и оставалась, потому что, вскрыв заокеанскую бандероль, я вновь отодвинул в сторону недочитанное, опять пренебрег просьбами-угрозами (дескать, срок – вчера). «Долгим беседам» открыл зеленую улицу. В тот же вечер читал допоздна – и отложил.

Промелькнула еще эпоха, на дворе прорезалось уже Третье тысячелетие, Евсей опять сменил место жительства. Теперь он в Чикаго, где, по слухам, играет не последнюю роль в газете «Шолом»...

Догадываюсь, что на идейно-географической карте Цейтлина пролагает маршруты прежде всего История. Она диктует выбор места и действия во времени, которое переключать никому не дано. Уходя от капризов и логики второй половины XX века, уверен – не разобраться в семнадцати теперь сборниках, монографиях, очерках, которые вышли у автора «Долгих бесед» в России, Литве, Германии. И в печальном взгляде на фотографии – точно таком же, с каким Евсей вошел когда-то в отдел «критика критики». Что ж, потолкуем, как встарь.

В книге не раз отмечено: автор эмигрировал в Литву, чтобы исследовать трагедию почти исчезнувшего литовского еврейства; именно литовского, которое было «солью восточноевропейского»; автор вернулся к иудаизму; именно «вернулся...»

Простудировав «Долгие беседы» сегодня, я понял, что их герой Йокубас Йосаде, с нарочитой небрежностью, без почтения помечаемый в тексте буквочкой «й», – второй после Григория Кановича литовско-еврейский писатель, его учитель, мэтр – был автору поначалу интересен и чрезвычайно важен. С его помощью автор входил в литовскую культуру. Его одиночество на первых порах переплеталось с положением чужака, хотя корни двух одиночеств не совпадали.

Не сразу, но соотношение сил в диалогах и дневнике претерпевало крутые изменения. Пропорции смещались... О наличии прочных дружеских чувств у собеседников, по-моему, толковать нечего. Кроме взаимного интереса и пользы, дружба предполагает хоть малую долю бескорыстия. Отверженному, творчески иссякшему старцу образованный, подчеркнуто внимательный собеседник, готовый часами выслушивать и, главное, записывать на пленку его монологи, был подарком судьбы. Он побуждал вспоминать, подчищать, дорисовывать пережитое, следовательно, заново творить прошлое. Творить – означало для него жить! Без терпеливо-покорного секретаря, по сути, без раба, готового денно и нощно служить своему Господину, надежда последнего, что он создает Главный свой Труд, что спасает себя от забвения, от злобных наветов современников и потомков, рухнула бы, как рухнул или истаял его талант.

Еще надо прикинуть, кто из них Эккерман, а кто Гете – Цейтлин или Йосаде. Ты, Евсей, принял из рук Йосаде ключи от дверей в литовско-еврейскую культуру, затем превратил его в подопытного кролика, в жертву холодного эксперимента. В средство для поисков и шлифовки собственных воззрений на многослойные сюжеты «Долгих бесед», выходящих далеко за пределы Литвы и еврейства. Гибель таланта, всепоглощающий страх, ведущий к разрушению личности, к разрыву дружеских уз, семейных связей – разве это проблемы одной лишь Литвы или даже Прибалтики? Ты отважно взялся за Книгу истекшего Века. И только ли века двадцатого?

Жестко и зачастую жестоко расправляешься ты с немощным старцем – но одновременно убеждаешь его, что к нему благосклонен. Да, ты вынужден был пользоваться двойными стандартами. В твоём случае охотник обязан уверять, что к жертве своей питает симпатию. Иначе – открытый цинизм: зачем пять лет, как на службу, являться в дом, садиться ужинать, часами выслушивать телефонные монологи, сохраняя у старца иллюзии? Пожалуй, как раз «двойной стандарт» и побудил прервать ночное чтение годы назад. Осточертел мне этот «двойной» во всех его формах. Тоскую по внутреннему единству классической прозы, по гармоничной мудрости, сводящей концы с концами. Не

требую: бей наотмашь или будь гимнюком. Жизнь подолгу терпит подобные ультиматумы, но в итоге их отвергает.

Упрямо подчеркиваю: ни малейших у меня возражений против вольно-фрагментарной, естественной для дневника формы раздумий. И против столкновения версий, нестыковки наблюдений... Я против лукавства в Литве и в США, надеюсь, не строго обязательного, как в советской России. Охотно заимствуя вольно-фрагментарный стиль, позволю себе, однако, роскошь не лукавить, а в меру сил и обретенного опыта оценивать факты.

Не знал я Йокубаса Йосаде, не читал, читать не собираюсь. Для меня существует его образ, сконструированный Евсеем Цейтлиным. Родился герой в семье состоятельной. Когда подросток, узнал, что у отца есть любовница. Самолюбивый – очень оскорбился. Ведь отец не только изменил жене, но в какой-то мере предал семью и сыночка. Отправился к сорокалетней Еве «качать права», намеревался убить. Но стал ее любовником и ни малейших угрызений совести перед отцом не испытывал. Когда глубоко неуважаемый разорился и семья отказывала себе во всем, чтобы сыночка не отлучили от гимназии, любимый плевал на оценки, на педагогов, на горечь родителей.

Но я готов закрыть глаза на гимназические шалости. Предстоял экзамен посерьезней – война. Герой в окопах. Вскоре выяснилось, что он редкий везунчик. В роте были 128 солдат, и 124 были убиты или тяжело ранены. Некая высшая сила оберегала его от опасностей, подстерегавших на всех поворотах жизни. Иначе не объяснить, почему уцелел.

Однажды герой уверился, что как раз его пуля сразила немца. Через день-другой, воспользовавшись затишьем, Йосаде пополз к разлагавшемуся трупу. Обшарил карманы. До него их обшарили солдаты, чья атака на русские окопы захлебнулась. Закон войны: врагу нельзя оставлять никаких сведений. Как знать, чем сумеет воспользоваться. Йосаде наткнулся на фотографию убитого. С тех пор стрелял только в воздух.

Тонкая натура? Я грубее. Его часть, его соратников, которые сражаются рядом с ним, плечо к плечу, атакует противник, заслуживший обвинения в чем угодно, кроме верности заветам Льва Толстого и любви к евреям, – а так называемый герой палит в небо? Он что, самоубийца или жаждет убийства товарищей по оружию?

В одном из фрагментов замечено, что фотография убитого стоит у старого Йосаде на письменном столе. Значит, пронес он ее через всю войну и хранил еще полвека – в дорогой рамке, наверное, мебель же собрал антикварную. Провоцирует каждого гостя задать вопрос: «Кто это?».

Признаюсь, трудновато мне совместить портрет немца с непреходящим круглосуточным страхом Йосаде перед СМЕРШем, госбезопасностью, прогрессивной общественностью... Перед ожиданием обыска и ареста в годы разгула «борьбы с космополитами». Большой Герой сменил тогда имя, паспорт, язык, на котором работал, сжигал еврейские книги, заставил жену говорить в семье по-литовски, чтобы дети не знали и не слышали еврейского слова, – но хранил, демонстрировал портрет фашиста...

Грубо-старорежимный, не в силах поверить я и в общую концепцию войны, идущую вразрез с опытом Йосаде. Фронтовик, награжденный орденами и медалями, а в мирное время – «тварь дрожащая», бедняга Йосаде вряд ли настолько растерялся, чтобы зачеркивать героизм дивизии, в которой воевал. Той самой 16-й Литовской, где евреи, по

данным историков, составляли 34,2 процента. Где солдаты и офицеры общались на идише, на иврите. Где соблюдались традиции, на похоронах павших звучал Кадиш...

Освободила 16-я Литовская более 600 городов и сел, пленила 12 тысяч нацистов. В дивизии сражались и девушки из еврейских местечек, вступившие в армию добровольно... Зимой 1944-го дивизия освобождала Витебск. Летом прошла с боями 500 километров. В победном 1945-м разоружила 8 дивизий. Из 12 воинов, получивших звание Героя, ровно треть – евреи.

Для Йосаде в принципе отвергать героику на войне значило бы перечеркивать самого себя. Зачем?

Жаль, что даже отзвука этих фактов нет в тексте. Впрочем, понятно, почему нет. Пришлось бы образ Йосаде выстраивать иначе. Пришлось бы просвещенного героя подтолкнуть к размышлениям об Афинах, Спарте, может быть, о Мосаде, и о других эпохах войн и революций, которых попросту не случается без отваги их участников.

Важнейшая деталь. В пик гонений, когда проклятья на головы «убийц в белых халатах» сыпались из всех печатных органов, глава Верховного Совета Литвы приглашает к себе именно Йосаде, верховоющего в журнале «Пяргале». И отдает в печать два решительно проеврейских рассказа. Для Юстаса Палецкиса это, бесспорно, – акт высокого мужества, поступок благородно бунтарский, влекущий за собою серьезнейшие последствия. По сути, Палецкис вручает свою судьбу в руки Йосаде, обязанного напечатать рассказы, если есть в нем крупица национального достоинства, чувство гражданской ответственности, остаток фронтовой доблести. Долг неукоснительно требует от известного всей Литве писателя, от орденоносного еврея передать два шестистраничных рассказа Председателя Верховного Совета республики главному редактору «Пяргале» – почти «Новому миру» в прибалтийской прессе тех лет.

И что же? Евсей Цейтлин бросает в дневнике фразу, что Йосаде не помнит – то ли передал шефу рассказы, то ли нет. Экая мелочь... Но для меня эдакая безделица – переломный рубеж.

Если Эккерман – Цейтлин точно записал в дневнике отговорку своего Гете, то продолжение «Долгих бесед» меня мало волнует. Нет больше драм и трагедий, творческих мук художника, его тревог насчет кресла в первом ряду литовско-еврейской культуры. Есть слякоть и мразь. Предатель, на визиты к которому незачем тратить пять лет. Достаточно пяти вечеров.

Если почтенный старец в самом деле забыл, передал ли рассказы Палецкиса шефу «Пяргале», могу напомнить: не передал. Не отважился. Благоклонная прежде, а теперь мстительная История тотчас сыграла с ним злую шутку: через недельку-другую умер Иосиф Сталин. Кампания против «убийц в белых халатах» до странности быстро сникла. Мужественный Палецкис обрел законное право уважаемого вчера Йосаде отныне числить в подонках. Солидарна с Палецкисом оказалась родная дочь Йосаде. Не выпрашивая благословений, Ася коротко известила родителя, что уезжает в Израиль. На нечастые его письма отвечала в Литву еще реже.

Сочувствую. Муторно Эккерману было тянуть канитель с Гете, раз вынесен приговор и обжалование не светит. Ценю выдержку, хотя сильнее, чем прежде, подозреваю, что усилия просветлять темненький портрет старца уже бесплодны.

Надо ли повторять, что черно-белый портрет на обложке меня не убеждает. Не стоит складывать его из двух равных частей. Вернее было бы предложить три четверти или семь восьмых темных, а остаток по доброте души просветлить. Йосаде не решился бы оспорить эту пропорцию. Он отлично знал, что черен на семь восьмых. Именно по этой причине сразу, безоговорочно, раздраженно отказался вслед за дочерью эмигрировать в Израиль. Кому он там нужен, раз в пьесе собственной жизни выбрал роль предателя. Быть может, в первую очередь – предателя национальной идеи. Григорий Канович жил в Литве, писал свои книги по-русски, оставаясь еврейским писателем, – и все же покинул Литву. Йосаде же упорно растаптывал свое еврейство. Будь его запоздалое покаяние искренним, отправился бы замаливать грехи. Но его перестройка мало чем отличается от испоганенной жизни – прозрачно намекает Цейтлин. И побуждает ставить сакраментальный вопрос: да в конце-то концов, что такое еврейство? Ответов на него множество, и они неизбежно меняются в зависимости от исторических обстоятельств.

Отвлечемся от прошлого – мы добрались до Третьего тысячелетия. На своем пятакке Израиль не в состоянии собрать распыленную по свету диаспору. И не может жить без нее, так же как диаспора не в силах представить себя без Израиля. Так что же, главное – возвратиться к ивриту? Но в диаспоре уже поколения старились и умирали, не пользуясь ивритом. Среда явно «заела». Кроме языка, усвоенного в стране, где еврей родился, вырос и добывает, как правило, горьковатый свой хлеб, он все больше нуждается в языках «глобальных» – английском, французском, немецком, испанском... Или главное – возврат к религии, две тысячи лет дававшей нации силы выстоять, сохраниться?

И одно, и другое важно, бесценно, но еврейство начинается с чувства человеческого достоинства. Родина «жида» там, где он вправе – подчеркиваю: вправе! – послать ненавистника далеко-далеко... Если даже «далеко» невдомек, не грех выдать семиэтажным. Ну а если эсперанто не доходит, то выбора не остается: в лоб! И никаких «око за око, зуб за зуб». Библейская формула мудра, в ней глубокий нравственно-философский смысл, но при развитой рыночной экономике бартер неуместен.

Допустим, в концлагере три тысячи зэков и ровно шесть тысяч глаз. И побольше зубов, не считая выбитых. А у тебя лишь два ока, причем, если вышибут одно, то на второе надежда плохая. Опасней всего в этом случае – слабый удар. Смущение, что противнику от него занеможет. Слабый удар провоцирует ответный, вселяет в противника мысль, что сила и, значит, победа на его стороне. В лоб надо бить, чтобы осколки черепа разлетелись по всей зоне. Тогда в глазах 2999 зэков появится проблеск гуманности. И в темных мозгах забрезжит. Начнется просветление.

В Москве или Вильнюсе посложнее. В лагере 3000 зэков, в Москве – десяток миллионов. Крепенько пьющих – еще десяток. Бомжей и шантрапы с необломанными еще рогами – не меньше. Попробуй, объясни гегемону, на кого «западло» хвост подымать. Когда объяснишь, садись, изучай иврит. Качайся над Торой и Талмудом. Приникай к сокровищнице культуры.

В «Долгих беседах» не упущено тонкое обстоятельство. Милостивая судьба уберегла везунчика от кровных связей с гэбухой. Правда, Эккермана уверяет в этом лично Гете, убежденный, что секретарь обязан верить на слово: Фауст Мефистофелю не продан. Купи его по дешевке дьявол, от трагедии остался бы пшик. Но обязан ли верить Иоганну-Вольфгангу Гете, веймарскому министру, российский читатель? Не убежден. Даже если Фауст предоставит кипу справок с печатями Мефистофеля: дескать, душа продавшегося в XX веке господина NN, в двадцать первом чиста, как окна после евроремонта.

Но довольно о Фаусте. Заслужила особого разговора Гретхен. Сказочно-редкий везунчик женился на чудной женщине. Красотка, одаренная талантами, трудолюбием, мудростью, широтой натуры. Больше, чем святая. Известная всей республике госпожа Сидерайте – истинная глава семьи, а небезызвестный господин Йосаде – бесплатное приложение к супруге, разве что прихлебатель. Впрочем, отнюдь не бесплатное. Целитель страждущих, госпожа Сидерайте вкалывает на двух службах, причем одна из них – спецбольница для чинов высокого ранга, с привилегиями. К двум зарплатам добавляет доходы от частной практики. Дает возможность супругу две трети года скупать антиквариат, а треть проводить в писательских Домах творчества – в Коктебеле, Дубултах, Ялте, Малеевке. Здесь гость из Литвы, европеец, не только общается с избранной публикой, но между делом позволяет себе творить романчики пикантного свойства.

Распространенный обычай: чем больше на боевом счету романчиков, тем сильнее у альфонса ревность к супруге, не изменяющей ему даже в мыслях. Жестко навязывает свою волю оскорбленный Диктатор, и, как ни странно, семья покоряется. Как же-с, муки творчества. До удивления неспешные муки: 32 (тридцать два) года маэстро вдумчиво готовится к смерти. А госпожа Сидерайте, не щадя сил своих, растягивает трудоемкий процесс. Диетически кормит, изысканно поит, подолгу купает всегда недовольного ею супруга, особенным образом приготавливая ему ванну. Корпит над его черновыми набросками. Сберегает их. Как же-с: нетленка обеспечит великому из великих почетное место в отечественной культуре. Не скупится, чтобы приватно, за собственный счет, издавать бесценные рукописи. Понятно: душевный комфорт творца куда дороже жалких накоплений. Отыскивает в городе чрезвычайно редкие, но столь желанные, необходимые маэстро книги: «Избранное» Мартина Хайдеггера; разумеется, «Мир как воля и представление» любимого с юности Шопенгауэра...

Действительно, серьезные книги. Закрадывается, однако, мысль, что Евсей Цейтлин, задумав трагедию, нечаянно сбивается на пародию. Стоит ли волевою, с характером, госпожу Сидерайте приближать к «душечке»? Когда «обожавшая» ее госпожа Лукьянова вошла в кабинет и поделилась счастьем, что не лечится у этих «убийц в белых халатах», милая Сидерайте, можно сказать, ударом наотмашь заставила потрясенную пациентку забыть к ней дорогу. Между тем политическая погода на дворе требовала большой осторожности.

Если горячо любимая дочь вполне разобралась в отце и покинула семью, отчего разделявшая ее взгляды сионистка и эмигрантски настроенная мать безропотно покорилась воле, конечно, разгаданного ею альфонса, лжеца, эгоцентрика, едва ли имевшего и безусловно потерявшего право на власть Диктатора.

Возникает гипотеза, что автор, сердечно привязанный к Мадонне по фамилии Сидерайте, превращает человека земного в ангела небесного. Лепит высокий Идеал, который представлял бы четкую антитезу низменному Йосаде.

Схема четкая, но не вполне убедительная. Слишком часто подозреваешь, что ради четкости антитезы пристрастный автор ретуширует союз нерушимый. Что его члены тянули супружескую лямку не совсем так, как рассказано в «Долгих беседах». Одно из двух: либо у госпожи Сидерайте было меньше пронизательности, гордости, воли, либо у господина Йосаде было больше достоинств, чем автор записывает на его счет в дневниковом реестре.

И в мыслях нет предъявлять упрек, что автор замалчивает нежеланные или, наоборот, подбрасывает угодные, подходящие для концепции факты. В их достоверности – никаких сомнений. Но вот в окраске их, в оттенках истолкования, думаю, «варианты возможны».

Версия первая, грубоватая. Когда разведчика посылают во «вражье логово» и он меняет имя, язык, порой внешний облик, случается и жену, разве становится он предателем? Да, становится, но лишь в том случае, если пойдет на поклон к врагу, предпочтет его благосклонность, деньги и прочее.

Повествователь не в силах допустить, что Йосаде некогда верил в ком- и социдеалы, в необходимость революции, в справедливость народной власти и т. д. и т. п. Что всерьез задумал (однако не дописал) роман или драму под заглавием «Бдительность...» Я допускаю искренность его заблуждений.

Ни одно тоталитарное общество не держалось на голом страхе. Объявив себя социалистом, Гитлер бил себя в грудь и клялся, что прольет потоки чужой крови ради блага своего народа – Единственного Великого, Немецкого и потому достойного благ, преподносившихся, кстати сказать, в материально осязаемой форме: еврейские капиталы, украинские земли, русские рабы.

Кошунственно, но приходится подтверждать, что фюрера по сей день – особенно в наши дни – глупо, непростительно считать идейно побежденным. Даже в России, оплатившей знамя над рейхстагом миллионами до сих пор плохо сосчитанных, еще хуже погребенных трупов, отряды молодчиков красуются в черных мундирах со свастикой на рукаве! Их бы в Освенцим, чтобы дошло, почему на русском базаре шел «Хайль Гитлер» и какая участь ждала его разгоряченных – в наши дни – поклонников. Национальная идея в ее звериной форме, как чума, расплзается по обезумевшей планете.

Кроме страха, в арсенале Иосифа Сталина тоже имелась Идея, обогащенная Надеждой и Выгодой. Благороднейшая идея справедливости и всеобщего блага. Мечта, вобравшая в себя кровь и пот поколений, исполненных энтузиазма. Не будь этой идеи, Сталину не удалось бы с азиатской беспощадностью срубить миллионы голов. Не удалось бы изводить классы, прослойки, народы, сооружая на страх врагам Великую соцрабимперию.

В «Долгих беседах» Идея и Вера, Мечта и Надежда недооценены. Страх обретает монополию. Жизненный путь, характер, идейная метаморфоза Йосаде подвергаются деформации.

Но допустим, не выдуман период, когда Йосаде верил или очень уговаривал себя верить. А в горчайший час осознал наивность своих иллюзий. Убедился, что он попал в тоталитарный капкан, волчью яму. И что к этому «вражьему логову» приговорен пожизненно. Фронтовику ведомо: «на войне, как на войне». Стиснув зубы, он меняет свою тактику и стратегию. Под установленную в державе норму подгоняет свой облик. Он предатель? Прежде всего он – пленник. Он станет предателем, если не выдержит, растеряется, перейдет коварно-забытую грань между трезво-расчетливым смирением тактика и безнадегой склонившего голову и колени раба, если подменит свое кредо, свою стержневую Идею сдачей на милость охранников.

Еще штрих. Смее думать, что не совсем справедливо оценивать переход Йосаде в литовскую культуру как решение, продиктованное лишь трусостью. И Соломон

Михоэлс, и Перец Маркиш, и большинство художников, связанных в советской империи с идишистской культурой, задолго до девятого вала гонений, арестов, расстрелов трагически ощущали, что почва из-под ног исчезает, что берега еврейской культуры сужаются. Ощущение наступавшего кризиса тоже легко клеймить как готовность к предательству – но куда ведь не денешься, факты упрямы. Сотрудник, почти хозяин «Пяргале», неизбежно и постоянно озабоченный тиражом журнала, вряд ли не понимал, что уничтоженному еврейству старой Литвы из могильных рвов выбраться не удастся. Навидавшийся многого, отягченный исторической памятью, Йосаде скорее всего утратил надежду, что просвет появится на его веку. Загадывать же на тысячу лет вперед – работа для безработных.

Йосаде нашел выход: стал внутренним эмигрантом. Тридцать лет нигде не служил. На юбилеи не ходил, свои не отмечал. На похвальные грамоты плевал демонстративно. Персональной пенсией пренебрег. Поездки в дома творчества создавали ему иллюзию прикосновенности к писательскому цеху.

Еще довод к предложенной версии. Жена, приняв перестройку мужа сначала как должное, постепенно оценила ее губительные последствия. Патриархальноверная, стойкая, решила прощать его неверные шаги. Осознав свершившуюся трагедию, жалела, поддерживала под локоток, чтобы оступившийся и почти обреченный впредь оступаться все-таки реже сбивался в сторону от верной дороги.

Версий множество – беспощадных, сентиментальных. Версия «Долгих бесед» продиктована прежде всего тем, что их автор моложе героя на тридцать семь лет. Как раз в тот год, когда Евсей Цейтлин родился в Сибири, начались аресты по делу Еврейского антифашистского комитета. Понятно, что фронт, застенки и зоны, еженощные страхи, что вот, подъехали к подъезду, сейчас нагрянут, словом, все пережитое Йокубасом Йосаде, к счастью, миновало его собеседника. Настаиваю: миновало, потому что войну и тюрьму можно изучать, исследовать, заново и глубже оценивать, но – немыслимо познать, не испытав на собственной шкуре.

Внешняя эмиграция Цейтлина – продолжение внутренней эмиграции Йосаде. Тем не менее, совершив переезды из Сибири в Литву и дальше – за океан, проявив упорство, автор едва ли день за днем рисковал головой. Так что же, есть у Третьего тысячелетия право судить Второе, предав забвению гуманное правило древних: «О мертвых хорошо или ничего»? Никаких сомнений: кроме права, есть жгучая необходимость.

Конкретней, автор «Долгих бесед», посвятив пятилетие социально-психологическому эксперименту, заработал ли право выносить приговор полуприятелю-полужертве, чрезмерно обеспокоенной, тревожно ждавшей оправдания? Вопрос нелегкий, без колебаний на него не ответить. Но все-таки – заработал. Время опять не терпит сентиментальности.

Теперь без всяких оглядок и ссылок на время – по сердцу да по совести: заслужил ли «й» реабилитацию? Что говорить, осторожнее внять другому правилу древних, еще более мудрому, чем первое: «Не судите да не судимы будете». Однако достойнее не страшиться судов и приговоров. «Й» реабилитации не заслужил.

Всё, кроме жизни

De ôãðã Áëãòãð

Áã çà çãëáí íé èçã ðí äüð.

Çãí èñëé äüæéãòãã

â ððããëéí éã

Í äð ñí äü. - Í . :

Òãëñò, 2002 - 205 ñ

Áëãéñëé Çãíðãã

Рихард Глацар, молодой пражанин из очень благополучной еврейской семьи, мог считать себя исключительно везучим человеком. Когда немцы оккупировали Чехословакию, родители сумели его спрятать в глухой деревне, и до лета 1942 года он почти не соприкасался с новыми порядками, установленными в поработанной стране. Потом эти порядки ужесточились, и он, слишком законопослушный, явился в комендатуру при очередной проверке, а оттуда вместе с сотнями других «неарийцев» проследовал эшелонам в Трешлинку, однако – случай практически невероятный – уцелел и там. Дожил до часа Икс, когда в лагере началось восстание, бежал, сумел без документов продержаться, скрываясь, пока не пришли русские, вернулся домой. Из девятисот тысяч евреев, отправленных в Трешлинку со всех концов Европы, в живых осталось, кажется, лишь пятьдесят четыре узника. Во всяком случае, когда через четверть века в Дюссельдорфе судили нацистов, орудовавших в Трешлинке, свидетелей-очевидцев отыскалось только пятьдесят четыре, Глацар – в их числе.

На суде бывший начальник лагеря, которого по требованию немецких властей выдала Бразилия, и его ближайшие помощники-садисты не выказывали никаких признаков раскаяния. В конце концов, была война, а они просто выполняли приказ. И вообще они никакие не выродки, даже неплохие люди, если присмотреться. Один из них просил трибунал принять во внимание, что он образцовый прихожанин, играет на фаготе в церковной капелле, причем бесплатно.

Все получили пожизненный тюремный срок, все, кроме одного, самого лютого, вскоре умерли в заключении. А кого-то так и не нашли: об одном было известно, что он под чужим именем живет в ГДР, отказавшейся его экстрадировать, другие сгинули бесследно. И сама Трешлинка, этот ад за зеленой изгородью, построенной для маскировки, тоже сгинула. После восстания от лагеря осталось пепелище – заключенный, которому немцы по недосмотру доверили работу в гараже, взорвал баки с бензином, – и было решено, что не стоит заново отстраивать эту фабрику смерти, тем более, что на полную мощность работали другие.

В Трешлинку привезли крестьян с Украины, велели им перепахать это гигантское кладбище, разбить на нем огороды. Переселенцы, конечно, мало что знали о

происходившем неподалеку от тихой польской деревни с ласковым именем Треблинка всего каких-то полгода назад, но их преследовал страх. Погибшие точно бы никуда отсюда не ушли, и порой их призраки обретали зримое воплощение, появляясь на окрестных полях. Это уцелевшие «придворные евреи», те, кому поручалось сортировать драгоценности, оставшиеся от умерщвленных, возвращались, преодолев свой ужас, и пробовали отыскать тайник, куда, воспользовавшись невнимательностью эсэсовского караула, спрятали выломанные у трупов золотые коронки. За такое предпринимательство полагался расстрел на месте, но жадность была сильнее.

В книге Глацара, так и названной – «Ад за зеленой изгородью», больше всего остального поражает беспощадная честность, с какой описана психология жертв. Те счастливики, кого – один на тысячу – не отправили в «душевую» прямо из вагона для перевозки скота и не послали в «лазарет», где вместо газа использовались автоматы, те, кому, как Глацарю, разрешили остаться в живых, чтобы выносить тела и увязывать в тюки пригодную для носки одежду, понимали, что их тоже прикончат, подобрав из очередной партии других «специалистов». Но пока их не покинула неслыханная удача, они, почти все без исключения, верили, что надо ею воспользоваться сполна. Изголодавшиеся, натерпевшиеся лишений, они бросались подбирать консервы, шоколад, сигареты, оставшиеся после обработки эшелона, и рылись в тряпье, отыскивая для себя куртки попримечнее, – конвой смотрел на это сквозь пальцы, только бы не зарывались. На перроне, где производилась обработка, валялись не ценимые эсэсовцами болгарские левы и советские рубли, на них можно было купить у охранников-украинцев ветчину и водку. В подкладке пальто с нашитыми желтыми звездами находили то брильянты и кольца, то доллары. «В Треблинке есть всё, – сказал Глацарю бригадир, поднаторевший в мародерстве. – Всё, кроме жизни».

Глацарю было всего двадцать с небольшим, он хотел одного – выжить. Нельзя его осуждать за то, что свое назначение в команду, называвшуюся «Мужские пиджаки, 1» (она отбирала вещи, посылаемые в рейх, чтобы порадовать обносившихся немецких обывателей), он воспринял как подарок судьбы и делал то же самое, что и другие: не без самолюбования натягивал на себя бархатный жакет, которым побрезговал надсмотрщик, испытывал что-то вроде радостного ожидания, когда после некоторого перерыва ожидался новый эшелон и, значит, новая возможность подкормиться. Но чувство стыда он все-таки сохранил. Ему было непереносимо видеть, как малолетний лагерник роется в пронесенном под полой мешке, хозяин которого еще ждет своей очереди в «душевую», и с жадностью набивает рот брынзой, парируя слабые упреки неотразимым возражением: «Я тоже мертв, еще больше, чем хозяин этого мешка». В Треблинке действительно все находилось на «трамплине в вечность», все были мертвы – и по ту, и по эту сторону проволочного забора перед входом в газовую камеру. Хотя вели себя в этой ситуации все-таки по-разному.

Были такие, для кого понятия совести и морали стали пустым звуком, и они ни о чем не задумывались, просто утешались тем, что за всю войну ни разу не набили себе брюхо так плотно – сколько хочешь масла, хлеба, джема, особенно если прибыла партия с Балкан. Были доносчики, поощряемые комендантом: их не посылали обслуживать «лазарет», они, в прошлом ремесленники или финансисты, занимались профессиональной деятельностью – чинили лагерный инвентарь, вели учет изъятых драгоценностей и успевали кое-что прикарманить. А были и врачи, рисковавшие головой, чтобы укрыть в амбулатории измотанных до предела и подлежащих немедленной ликвидации. Был автомеханик Лихтблау. У него на глазах отправили в «лазарет» жену и дочь, он поклялся отомстить и сделал это, погибнув. Это он, когда сама мысль о восстании внушала неодолимый ужас, вспомнил Самсона, «длинноволосого безумца, который разрушил

колонны, и здание обрушилось на всех». Когда 2 августа 1943 года для Треблинки настал Судный день, Лихтблау поступил, как тот безумец, взорвал цистерну, обрушив здание, под обломками которого оказались палачи и жертвы, малодушные и не утратившие воли к сопротивлению, опустившиеся и неусмирённые.

Есть много свидетельских показаний о Катастрофе, есть десятки книг, в которых сохранена для потомков память о чудовищной повседневности нацистских лагерей смерти. Треблинка отличалась тем, что это был лагерь только для евреев, изначально предназначенный практически осуществлять «окончательное решение» еврейского вопроса. Девятьсот тысяч мучеников завершили здесь свой земной путь, и уже одна эта ужасающая статистика парализует стремление вдуматься в происходившее «за зеленой изгородью», увидеть эту непереносимую реальность изнутри, осознать, что она вмещала в себя многое и разное, хотя развязка была предрешенной для всех. По праву пережившего этот кошмар Рихард Глацар говорит и о мученичестве, и о постыдном – не отделяя себя от тех, для кого Треблинка стала испытанием выше их моральных сил.

Такая позиция почти уникальна для пишущих о лагерях смерти, но, может быть, именно она – самая выверенная и точная. Рихард остался в живых, но как ему было существовать дальше, когда выплывали из небытия лица тех, кого он сопровождал по платформе, где для камуфляжа стояли тачки и инструмент – не так уж страшно, впереди обычные принудительные работы, и приходилось им врать, что предстоит только дезинфекция? Как было ему забыть ту старуху, которая все просила у него немного попить, а он ей лгал: чуточку потерпите – и кажется, готов был кинуться на постового с автоматом, и чувствовал, что не сделает этого, потому что инстинкт собственного выживания неодолим?

После войны Глацар вернулся в Прагу, получил образование, стал экономистом, обзавелся семьей. Жизнь как будто наладилась, хотя сталинские репрессии не обошли его стороной: Глацара объявили политически неблагонадежным и послали перевоспитываться на металлургический комбинат. Рабочие все не могли взять в толк, каким образом этот интеллигент с университетским дипломом сумел так быстро приладиться к тяжелому физическому труду у кузнечного пресса. Как очень многим, ему пришлось уехать на Запад, когда в 1968 году на улицах его родного города появились советские танки. Он жил в Швейцарии, писал свои обжигающие воспоминания о Треблинке, на дюссельдорфском процессе вновь увидел собственных палачей и мог испытать чувство торжества справедливости, пусть сильно запоздавшей.

Потом он покончил с собой.

ПЛАТОК

Øi Øjè-Èîîó Áãîî

I

Отец мой, благословенна его память, ежегодно отправлялся на ярмарку в Лешкович, где заключал торговые сделки. Лешкович – небольшой город, ничем не примечательный по сравнению с другими городками этого края, за тем лишь исключением, что раз в году отовсюду съезжаются туда торговцы, дабы выставить свой товар на городской площади. И всякий, кто нуждается в чем-то, приходит и покупает у них. В давние времена, два-три поколения назад, бывало собиралось там более ста тысяч

человек; да и поныне, во времена заката Лешковича, съезжаются туда со всей страны. Вам не найти ни одного торговца в Галиции, который во дни ярмарки не держал бы там лавку.

II

Неделя, которую отец проводил на ярмарке, была для нас как неделя, на которую выпало Девятое Ава^[1]. На протяжении всех этих дней улыбка не появлялась на лице матери, мир ее праху. И даже дети сдерживали себя, чтобы ненароком не рассмеяться. Мать готовила легкую молочную и овощную еду и другие кушанья, от которых не отказываются дети. Когда же мы огорчали ее, она нас умиротворяла, даже не попрекнув за проступки, за которые причитается трепка. Много раз заставлял я ее сидящей у окна, и ресницы ее были влажны. Зачем было матери сидеть у окна? Не для того же, чтобы разглядывать прохожих – ведь она была совершенно отрешена от того, чем занимались другие, – даже то, что рассказывали соседки, слушала и не слышала. Но так повелось у нее с того года, как отец впервые отправился в Лешкович, – стоять у окна, устремив взгляд прямо перед собой. Однажды, в тот первый год после отъезда отца, мать, стоявшая у окна, вдруг пронзительно закричала: «Ой! Душат его!» Спросили ее: «Что с тобой?» Она ответила: «Я вижу – разбойник вцепился ему в горло...», – не успев договорить, она лишилась чувств. Послали на ярмарку и там разыскали отца. Был он очень слаб: в тот час, что с матерью случился обморок, какой-то человек напал на отца, пытаясь отнять у него деньги. Он вцепился отцу в горло, и тот чудом спасся.

Спустя годы, когда в Плаче Ирмияу я читал: «Она стала как вдова» и в комментарии Раши, благословенна его память: «Как жена, муж которой отправился в далекую заморскую страну с твердым намерением вернуться к ней...», – на память мне приходила мать, сидящая у окна со слезами на глазах.

III

Все то время, что отец проводил в Лешковиче, я спал в его постели. Сразу же после криас шма^[2] я раздевался и вытягивался на просторном ложе, натянув одеяло по

самые уши и наострив их, чтобы немедленно вскочить, если раздастся звук шофара Мошиаха. Безмерно любил я предаваться размышлениям о царе Мошиахе. Бывало, я смеялся от души, когда внутренний взор мой прозревал в грядущем картину всеобщего изумления, от которого оцепенеет мир, когда явится наш праведный Мошиах. Вчера только он перевязывал свои раны, а сегодня он царь! Вчера сидел он среди нищих, и они не распознали его, находились и такие, кто унижал его и оскорблял. Но вдруг вспомнил Пресвятой, благословен Он, клятву, которой поклялся избавить Израиля, – и даровал ему право открыть себя миру. Другой на моем месте негодовал бы на тех нищих, которые не оказывали почестей царю Мошиаху, – я же испытывал к ним любовь, ибо возжелал царь Мошиах пребывать среди них. Другой на моем месте презирал бы их за то, что даже по субботам едят они хлеб из непросеянной муки и одеваются в грязные отрепья, – я же любил их, ведь иные из них удостоились быть рядом с Мошиахом.

IV

Они были прекрасны – эти ночи, когда, лежа в постели, я грезил о царе Мошиахе, о его внезапном откровении миру. Он приведет нас в Страну Израиля, и мы будем обитать там: каждый под своей лозой и под своей смоковницей. Отец не будет ездить по ярмаркам, а я не буду ходить в школу, но буду ходить перед Б-гом во дворах дома

Г-сподня. Я лежал, отдаваясь грезам, и веки мои смежались сами собой; но прежде чем глаза мои закрывались окончательно, я успевал взять свой малый талис и сосчитать, сколько узлов завязано мною на его кистях – сколько дней провел отец в Лешковиче.

В эти мгновения, бывало, разноцветные огни – зеленые, белые, черные и красные начинали кружиться передо мной, как те огни, что возникают и разворачиваются перед взором путника, пересекающего поля и леса, долины и потоки вод. А в их свете накаляются и пламенеют бесчисленные сокровища, и сердце мое радостно трепещет, прозревая все то сокрытое благо, уготованное нам, что мы обретем в грядущем, в день откровения нашего праведного Мошиаха – вскорости, в наши дни.

Сердце мое еще ликует, но уже появляется громадная птица, она склевывает огни, меркнет свет. Однажды я привязал себя к ее крыльям кистями талиса и сказал: «Птица, птица! Унеси меня к отцу!». Птица распростерла свои крылья, взлетела со мной и принесла меня в город, который называется Рим. Взглянув вниз, я увидел горстку нищих, сидящих у врат города, и одного среди них, перевязывающего свои раны. Я отвел взгляд, чтобы не видеть его страданий. И как только я перевел свой взгляд, перед моими глазами выросла громадная гора, вся покрытая терновником и чертополохом, усеянная хищными тварями, пасущимися на ней, и омерзительными птицами, парящими в воздухе, кишашая гадами и насекомыми. Могучий порыв ветра внезапно подхватил меня и бросил на гору. Гора начала сотрясаться, и мое тело обречено было распасться на части. Я хотел закричать, но не крикнул: я боялся, что если открою рот, мерзкие птицы выключат мой язык... Тогда появился отец, укутал меня в свой талис и унес в постель. Я раскрыл глаза, чтобы рассмотреть его лицо, и увидел, что наступил день. И в мгновение ока меня осенило, что Святой и Благословенный убавил одну ночь в веренице ночей ярмарки. Я взял свой талис и завязал на его кистях новый узел.

Ныне я вглядываюсь в просторы вечности и пытаюсь найти, чему уподобить это видение: отец, благословенна его память, в тот миг, когда, вернувшись издалека, он стоит, окруженный своими малыми детьми. Передо мной встают многие образы, один

милее другого, один пленительнее другого, но не могу найти равного по очарованию. Дай нам Б-г, чтобы та любовь, которой был осиян отец, озаряла и нас в те мгновения, когда мы ласкаем своих маленьких детей, и дай нам Б-г, чтобы радость, переполнявшая нас, никогда не оставляла наших детей.

V

Всякий раз, возвращаясь с ярмарки, отец привозил нам множество подарков. Он был воистину мудр, знал, о чем мечтает каждый из нас, и привозил именно это. Наверно, Властелин Снов открывал ему наши ночные грезы.

Отнюдь не все подарки сохранялись у нас долго. Таков путь всех вожелений в этом мире. Вчера еще мы забавлялись ими, не выпуская из рук, а сегодня они валяются на свалке. И даже мой любимый молитвенник изорвался вконец – ведь что бы мне ни предстояло сделать, я раскрывал его, ища наставления. Со временем от него ничего не осталось, сохранились только Имена Всевышнего.

Но один подарок – отец привез его матери – прожил многие годы. И даже исчезнув, он не исчез из моего сердца. Я по-прежнему думаю о нем – так, как если бы он существовал и поныне.

VI

Отец вернулся с ярмарки в канун субботы, в середине дня, когда мы свободны от школьных занятий. Не при детях будь сказано, эти послеполуденные часы кануна субботы были для нас лучшим временем недели. Ведь все другие дни ребенок склонен над книгой, его глаза и сердце не принадлежат ему. Стоит поднять голову и отвлечься – не избежать тебе трепки. Но в полдень кануна субботы ты свободен от учения. Делай все, что пожелает сердце, никто и слова не скажет. Если бы не полуденная трапеза, весь мир походил бы на райский сад. Но мать уже зовет меня к столу, и отказаться невозможно.

Как только мы принялись за еду, младшая моя сестренка ухватила рукой за свое правое ухо и прижала его к столу.

– Что ты делаешь? – спрашивает мать.

– Я хочу услышать.

Мать говорит:

– Дочь моя, к чему ты прислушиваешься?

А та в ответ радостно захлопала в ладоши и пропела:

– Отец возвращается! Отец возвращается!

Вскоре послышался стук колес подводы, вначале едва различимый, затем все нарастающий. Тотчас повскакали мы с мест, побросали свои ложки с уже зачерпнутой едой и бросились навстречу отцу, возвратившемуся с ярмарки. Лишь мать выронила ложку и – пока отец не вошел в дом – стояла выпрямившись, с руками, прижатыми к сердцу.

Каким большим был отец в тот день! Будучи убежден, что мой отец выше всех других отцов, я все же понимал, что кое-что превосходит отца по высоте, например медная люстра, висевшая под потолком нашего дома. Но в тот день даже она стала ниже его.

Вдруг отец склонился надо мной, прижал к сердцу, поцеловал меня и спросил: «Что ты учишь?» – будто не знал, какой раздел Торы читают на этой неделе. Просто хотел он начать разговор. Не успел я ответить, а он уже привлек к себе моего брата и сестричек, высоко поднял их и расцеловал.

VII

Вошел возница и внес два сундука, один большой, а другой – не велик и не мал, скажем – средний. Отец бросил взгляд сперва на нас, затем на этот сундук, и мне показалось, что сундук тоже взглянул на нас и улыбнулся.

Извлек отец связку ключей из кармана и сказал: «Отопрем же сундук и вынем оттуда мои талис и тфилин!»

Обычные слова, привычные уху, хотя послеполуденные часы кануна субботы – не время для возложения тфилин. Что же касается талиса, то ведь был у отца особый субботний талис. Понятно, говорил он это, чтобы сбить нас с толку и умерить тревожное беспокойство, овладевшее нами в предвкушении подарков.

Мы стояли, исполненные вожделения, и следили за каждым его движением. Вот он выбрал один из ключей, осмотрел его и улыбнулся улыбкой нежной любви, а вместе с ним улыбался и ключ – это отблески света играли на нем, и казалось, что он улыбается. Наконец отец вставил ключ в замок, отпер сундук и, погрузив в него руку, стал перебирать его содержимое. Внезапно он молча взглянул на нас.

О, неужели отец позабыл положить туда подарки? Или, может быть, ночью на постоялом дворе кто-то из постояльцев подкрался и похитил их? Так случилось с таннаем^[3], которому поручили преподнести дары императору – сундук, полный жемчуга и драгоценных камней. Таннай заночевал на постоялом дворе, а ночью хозяева вскрыли сундук и, опустошив его, наполнили прахом земным. И я начал молиться, чтобы произошло чудо, как тогда с таннаем, и этот прах оказался тем самым прахом, который, будучи брошен в воздух праотцем нашим Авраамом, превратился в мечи.

Да свершит Пресвятой и Благословенный чудо и для нас, и то, чем подменили наши подарки, пусть окажется лучше всех подарков на свете. Но не успел я завершить молитву, как отец извлек из сундука одну за другой превосходные вещи. Среди них не было ни одной, о которой мы не мечтали бы на протяжении целого года. Как я уже говорил, Владыка Снов открывал отцу все, что грезилось нам в ночных видениях.

Подарки отца заслуживают многих похвал, но не к чему восхвалять проходящее, утраченное безвозвратно. И все же один замечательный подарок достоин особого рассказа – подарок, который благословенной памяти отец в тот день преподнес матери, мир ее праху.

VIII

Платок этот – шелковый, в клетку, а из каждой клетки глядит на тебя цветок. С одной стороны платок коричневый, а цветы белые, а с другой – цветы коричневые, а платок белый. Таков был подарок отца, который привез он матери.

Развернула мать платок, нежно провела по нему пальцами и взглянула на отца. Их глаза встретились в молчании. Потом она сложила платок, убрала его в шкаф и сказала отцу: «Омой руки и поешь».

Как только отец уселся за стол, я выскочил на улицу к своим приятелям – показывать подарки – и оставался с ними, пока на небе не появились звезды, пришла святая суббота, и мы с отцом направились в дом молитвы.

Как хороша была субботняя ночь, когда мы возвращались домой! Небо, полное звезд, дома, полные сияния субботних свечей. Люди, облаченные в субботние одежды, идут с моим отцом, ступая неторопливо, чтобы не утруждать ангелов субботы, сопровождающих в субботнюю ночь каждого, когда он после молитвы возвращается домой. А в доме горят свечи, стол накрыт, чудесно пахнет теплым хлебом, белоснежная скатерть покрывает стол, а на нем – две халы, прикрытые нарядной салфеткой, чтобы не уронить их достоинство, когда раньше, чем хлеб, благословят вино.

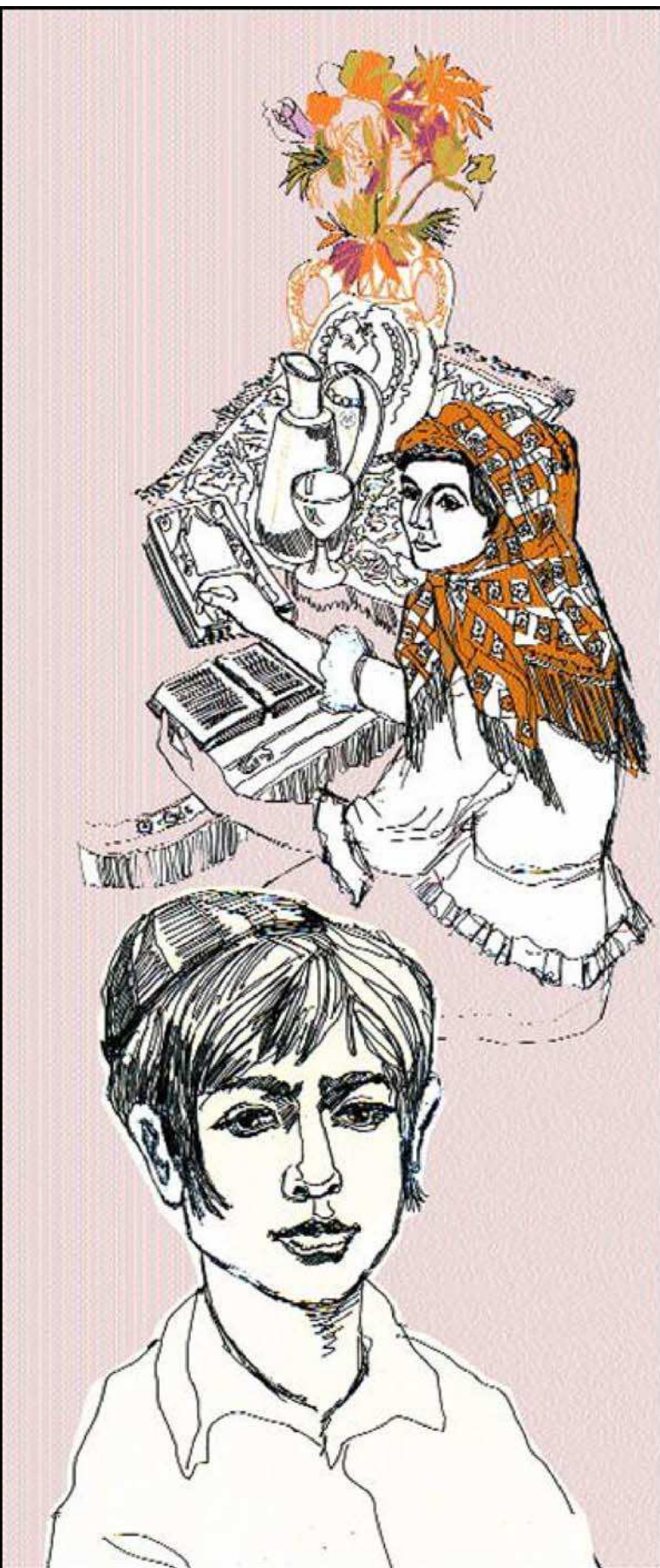
Отец склонился в дверях и, войдя, сказал:

– Субботы мирной и благословенной!

А мать ответила:

– Мирной и благословенной!

Оглядев стол, отец запел: «Мир вам, ангелы служения...» Мать же сидела у стола с молитвенником в руках, а из-под потолка изливали свой свет десять свечей большой люстры – по свече на каждую из Десяти заповедей. И как бы в ответ им сияли все остальные свечи: свеча отца, свеча матери, свеча каждого из детей. И хотя мы были меньше отца и матери, несмотря на это наши свечи были такими же большими, как и их свечи.

Я посмотрел на мать и увидел, что лицо ее изменилось: лоб стал меньше – голова была повязана платком, так что он полностью скрывал волосы; ее глаза стали еще больше и сияли навстречу отцу, который пел теперь «Эйшес хаил»: «Жену доблестную кто обретет...» Концы платка, завязанного узлом под ее подбородком, едва-едва развевались – это ангелы субботы взмахивали крыльями, порождая легчайший ветер. Знайте, что это было именно так: ведь окна были закрыты, и откуда было появиться ветру, если не от движения ангельских крыльев. Разве не сказано в псалмах: «Делает ветры посланцами Своими...»? И я затаил дыхание, чтобы не смутить ангелов, и взирал на мать, удостоившуюся такой несравненной чести, и испытывал великое восхищение перед ликом Шабоса – седьмого дня недели, дарованного нам в знак нашего избранничества и славы. Внезапно мои щеки ощутили легкое поглаживание. Не знаю, было ли то дуновение ангельских крыльев или шелковистое прикосновение концов материнского платка. Но счастлив тот, кого оведали крылья добрых ангелов, и счастлив тот, кого в субботние вечера ласкала мать.

IX

Когда я пробудился ото сна, уже ослепительно сверкал день. Утро субботы наполняло собой весь мир. Отец и мать собирались уходить: он в дом молитвы, а она – в дом учения моего деда, мир его праху. На отце – штраймл^[4] собольего меха и шелковый черный сюртук, а на матери – черное платье и шляпа с перьями.

В дедушкином доме учения молитва была менее продолжительной, и мать возвращалась раньше. Когда вернулись мы с отцом, мать была уже дома. Она сидела, кутаясь в платок, стол был накрыт, на нем вино и водка, сладкий

пирог, всевозможное печенье и коржики. Отец пригнулся в дверях и, войдя, сказал: «Субботы мирной и благословенной!», положил свой талис на кровать, сел во главе стола и, произнеся «Г-сподь – пастырь мой, нужда не постигнет меня...», освятил трапезу над кубком вина, отрезал кусок пирога и запел: «Песнопение Давида. Г-споду принадлежит земля и наполняющее ее...»

Когда в вечер Рош а-Шона, открывая Ковчег Завета, поют этот псалом, всю общину охватывает великое волнение. Такое же волнение испытал и я в эти мгновения. Если бы мать не внушала мне постоянно, что не следует становиться на стулья, залезать на стол, что нельзя повышать голос, – я взобрался бы на стол и прокричал: «Г-споду принадлежит земля и наполняющее ее!» – как, по свидетельству Геморы, поступал ребенок, сидевший посередине золотого стола, несомого шестнадцатью людьми. К столу были прикреплены шестнадцать серебряных цепей, на нем расставлены блюда и кубки, кувшины и тарелки со всевозможными яствами, лакомствами, приправами и пряностями – было здесь от всякого блага, созданного в шесть дней творения. И когда поднимали стол, дитя возглашало: «Г-споду принадлежит земля и наполняющее ее...»

Мать нарезала пирог и каждому дала его долю, а концы ее платка колебались в ритме движения ее рук. Внезапно вишня, оброненная матерью, испустила струйку сока, но брызги ее не коснулись платка, и он остался таким же чистым, как тогда, когда отец дарил его матери.

X

Не всякую субботу и, тем более, не каждый день женщина надевает шелковый платок. Пристало ли ей наряжаться в будни, когда она хлопчет у очага?.. Не всякую субботу, но ведь есть и другие праздники. Милостив Пресвятой, благословен Он, к созданиям Своим. Он даровал им времена для веселия, предопределив сроки радостных торжеств и великих праздников. В три великих праздника мать, собираясь в дом молитвы, надевала шляпу с перьями, а дома была в платке. В Рош а-Шона, Йом Кипур и в утро Ошана Раба платок был на ней постоянно. В Йом Кипур я не отрываясь смотрел на свою мать, мир ее праху; на ней платок, в глазах ее отблеск молитвы и поста. Она напоминала мне женский молитвенник в шелковом переплете, какой жених преподносит невесте.

В обычные дни платок лежал в шкафу, а к началу субботы и праздников мать доставала его оттуда. Я ни разу не видел, чтобы она стирала его, хотя и была она необычайно чистоплотна. Если субботу и праздники соблюдают, как положено, берегут и праздничную одежду. Если бы не я, платок сохранился бы всю ее жизнь и остался бы после нее.

Что же случилось? Произошло следующее. В тот день, когда мне исполнилось тринадцать лет и я приступил к исполнению заповедей, мать повязала платок мне на шею. Благословен Вседержитель, вверивший Свое мироздание хранителям Завета! На платке не было ни единого пятнышка. Но приговор был уже вынесен: ему предстояло исчезнуть – из-за меня. Этот платок, о котором я размышлял целую жизнь, был утрачен мною самим.

XI

Теперь, прежде чем вернуться к сути нашего рассказа, обратимся к предшествующим событиям. В те времена в нашем городке появился один нищий. Был он весь в ранах и гнойниках, с распухшими руками, одет в лохмотья, башмаки истерты до дыр. Стоило ему показаться на улице, мальчишки забрасывали его комьями земли и камнями. Не одни дети, солидные домовладельцы выказывали ему свое недоброжелательство.

Однажды, когда он появился на рынке, чтобы купить себе краюху хлеба или луковицу, торговки пришли в ярость и прогнали его. Не подумайте, что торговки наши отличались жестокостью, совсем наоборот, были они мягкосердечны. Не они ли отрывали

от себя последнее для сирот, не они ли собирали в лесу хворост, чтобы сделать из него древесный уголь и раздать бедным? Но у каждого нищего свое счастье. Убежав с рынка, нищий заглянул в дом учения, но служитель накричал на него и вытолкнул вон. А когда в субботу вечером он все же протиснулся в дом учения, не нашлось никого, кто пригласил бы этого человека к субботней трапезе. Упаси Б-г, чтобы сыны отца нашего Авраама не были милосердны к нищим! Не иначе как посланцы Сатаны сопровождали несчастного и набрасывали завесу на глаза сынов Израиля, чтобы те не видели, в какой он нужде. Где внимал он субботним благословениям, как исполнял заповедь о трех субботних трапезах? Если не от даяний людских кормился он, значит, по милости Своей питал его Сам Пресвятой, да будет Он благословен.

Велико значение гостеприимства, во имя его возводят дома и назначают старост, чтобы те поддерживали бедных. И я скажу в похвалу жителям нашего городка, что хотя они не основали приюта для обездоленных и не назначили ответственных за их пропитание, каждый из жителей, у кого была эта возможность, давал в своем доме приют нищему, помогал брату своему и поддерживал его в годину бедствия, а его сыновья и дочери, видя это, извлекали для себя поучение. Когда человека постигала беда и он стонал от горя, стены вторили ему – стенанием обездоленных, получивших приют в его доме. И человек знал, что есть бедствия, превосходящие его беду, и что так же, как сам он утешил обездоленных, утешит его Пресвятой, благословенно Имя Его.

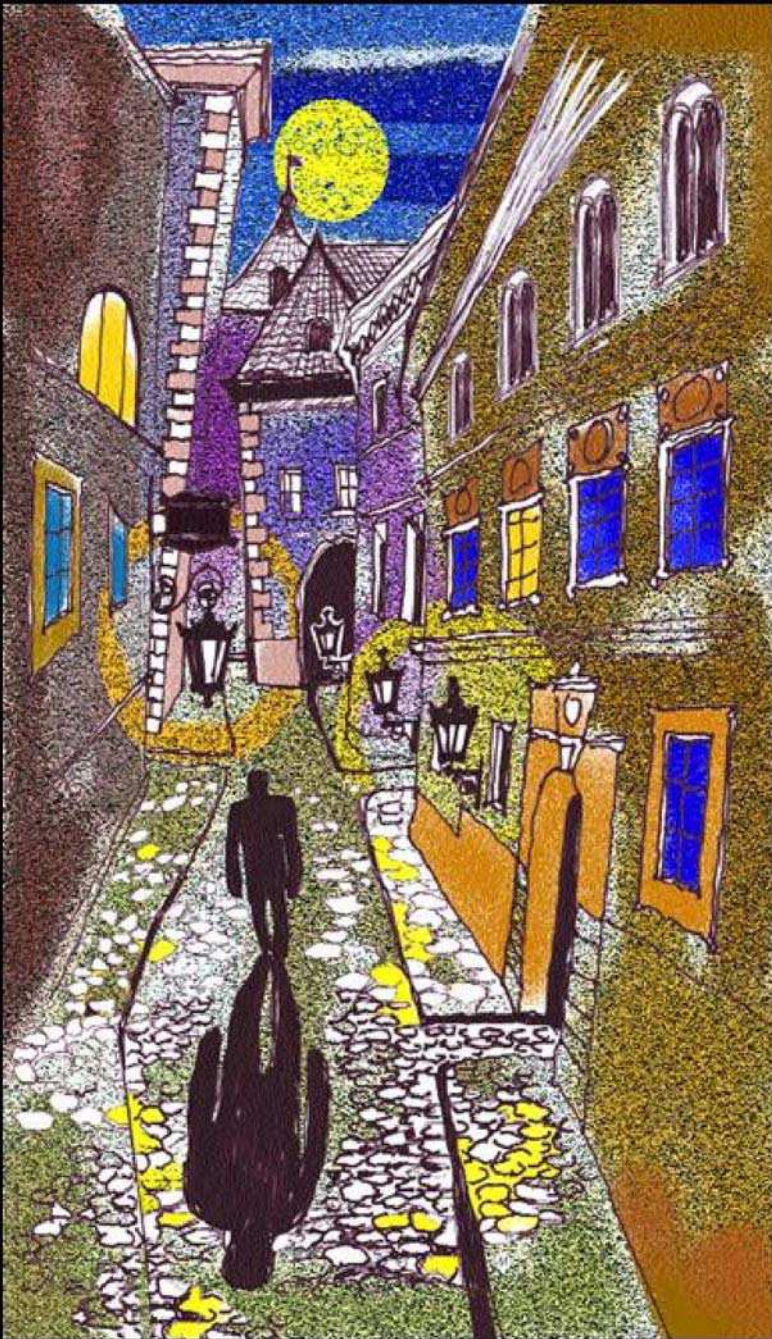
XII

Пока что я оставлю нищего и буду говорить только о платке матери, который она повязала мне на шею в день моего приобщения к заповедям.

В этот день, когда я возвращался из дома учения к полуденной трапезе разодетый, как жених, радость моя была безмерна. Я был счастлив от сознания, что впервые возложил на себя тфилин. В стороне от дороги я заметил того самого нищего. Он сидел на груде камней и перевязывал свои раны. Одежда его была изорвана в клочья, эти лохмотья не годились даже на то, чтобы прикрыть его раны. Он тоже увидел меня. Раны, пылавшие на его лице, уставились на меня, как глаза, – обжигающим взглядом. Сердце мое замерло, задрожали колени, в глазах потемнело, и все пошло кругом. Но я взял себя в руки, склонил голову перед нищим и сказал: «Шолом!» И он ответил мне: «Шолом!»

В тот же миг сердце мое снова забилося, уши запылали, и по всему телу разлилось дотоле не изведенное сладостное ощущение. Оно было на моих губах и на моем языке, рот мой был разинут, а глаза широко раскрыты – как у человека, который, уже проснувшись, вглядывается в то, что было явлено ему во сне. И так я стоял и смотрел, не отрываясь.

Солнце остановилось посредине небосвода, кругом не было видно ни души, но Он, благословенный в милосердии Своем, восседал на небесах и, взирая на землю и на раны нищего, осиял их Своей благодатью. Я начал расслаблять узел на платке, чтобы глубже вдохнуть – меня душили слезы. Не успел я еще развязать платок, а сердце мое запрыгало от восторга, и то сладостное чувство, что завладело мною, возросло и усилилось многократно. Я снял с себя платок и протянул нищему. Он взял платок и обмотал им свои раны. В это мгновение из-за облаков просияло солнце и погладило мою шею.

Я оглянулся по сторонам: кругом не было ни души, только груда камней покоилась предо мной, сверкая отраженным светом солнца. Я стоял ни о чем не думая. Потом сдвинулся с места и направился домой.

XIII

Подойдя к дому, я обошел его со всех четырех сторон. Внезапно я остановился у материнского окна, у которого мать так часто сидела, глядя наружу. Необычным было это: воздушный проем, солнечный свет рассеивался в нем – не обжигал, но согревал, и совершенный покой царил там. Два или три человека прошли мимо и, проходя, замедлили шаг и прервали свою беседу; один из них провел рукой по лбу, и приглушенный вздох вырвался из его груди. И мне представляется, что этот вздох витает там и поныне.

Не знаю, сколько я оставался на этом месте – мгновение, два или дольше, но я покинул его и вошел в дом. Войдя я застал мать сидящей, как обычно, у окна. Я сказал ей: «Шолом!» – и она ответила мне: «Шолом!» Вдруг я ощутил, что поступил по отношению к ней неподобающе. Был у нее чудесный платок, который она надевала по субботам и праздникам, а я

взял да и отдал его нищему, чтобы тот перевязал им раны на своих ногах. Но не успел я вымолвить слова мольбы о прощении, а она уже смотрела на меня взглядом, исполненным нежности и любви. Я тоже смотрел на нее, и сердце мое переполнилось великой радостью, как в ту субботу, когда мать, мир ее праху, надела платок впервые.

Конец рассказа о платке моей матери, мир ее праху.

Ī ādāiā nēādeōā ē ī deī ā:āī ēy

Ī āōī ā Ōāēī āēīiā

^[1] *Āāyōīā Āāā - āāīū īīnōā ā īāī yōū ī ī īīāō òdāā:āīēō mīāūōēyō āāāēīēīē ēīōīdēē.*

^[2] *Ēdēānōī ā - āīīēīāīī: ÷ōāī ēā «Ōī ā», ò. ā ī īēēōāī «Ōī ā Ēīīīyē» - «Nēōōāē, Ēōāēēū».*

^[3] *Ōāīīāē (īā ēāā - òāīīā) - īāēī ēçī ōāōōīā Ī ēōīū, ēī āāōīy ā āēōō dāāāē Ī āōī Āāī çū mī. Nāī āāāēī, 108ā-109ā*

¹⁴⁾ *Qòdaci è - ãëíáíé cáð, îòîðî:áííúé î aðîî, éíòîðúé ðáñëáú íîñýò íí ñúáíòáì è ìðáçíééáì.*

ИЗ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНД О ГОЛЕМЕ

№. Аí-ííéé

I

№ò áòí-í íááü íéí ááá ä è óááéé ááí Áááééé

Под впечатлением повторяющихся на протяжении многих веков кровавых наветов в еврейском народе сложилось множество легенд и сказок на эту кошмарную тему.

Большинство их относится к XVI веку, связано с Прагой, ее древней синагогой и с именем известного раввина Иеуды-Лейба бен Бецалела, именуемого «Мааралом из Праги», а также «Гур-Арье» (молодой лев).

Пражская еврейская община – чуть ли не самая старая из еврейских общин в Европе, основанная, по преданию, еще до разрушения второго Храма. О возникновении пражской общины, как и о ее древней синагоге и старом рабби Лейбе, существует множество поэтических легенд, собранных и недавно опубликованных Густавом Фрайтагом. По одной из этих легенд даже само основание Праги приписывается еврею.

«Давно-давно, еще задолго до царя Ирода, – повествует эта легенда, – жили в Палестине три набожных и богобоязненных еврея из царственного дома Давидова. И им во сне Б-г открыл, что близко падение еврейского царства. Чтобы не быть очевидцами великого бедствия, праведники решили пойти странствовать и, забрав жен и детей, покинули родину. И куда ни направлялись эти три святых мужа, впереди них шла в небе звезда, и семисвечие с пылающими факелами указывало им путь. И шли они все время, держа в руках священные книги и изучая Тору. И когда хищный зверь в пустыне замечал их, и когда их встречал в чаще лесной разбойник, то и зверь и разбойник пугались святых людей и убегали.

Но однажды мальчик, сын одного из трех мужей, нарушил субботний покой. И в тот же миг звездочка исчезла и семисвечие потухло. Путники стали блуждать и потеряли друг друга. Один пришел в Толедо, второй в Вормс и третий – в Богемию, к правому берегу реки Молдавы*. И было это еще задолго до прибытия туда германцев и славян. Пришелец построил на этом месте город, который назвал Прагой.

И первое здание, которое он выстроил, была “Старо-новая синагога”. “Старой” она называется вследствие своего двухтысячелетнего существования, а новой – потому, что во время герцога Моленштейна она была вновь вырыта из-под земли. Спускаться в нее приходится по каменным ступенькам. И ее стены, и потолок, и колонны, и галереи черны как уголь... И легенда по-своему объясняет причину этой черноты.

Стены синагоги давали знать обо всем, что происходило в Святой Земле. Евреям Праги достаточно было смотреть на эти стены, чтобы знать все, что происходит на их далекой родине. Когда Тит со своими легионами подступил к Иерусалиму, стены “Старо-новой синагоги” начали дрожать, дверцы Священной скинии раскрылись, Свитки

Завета сами развернулись на главе “о проклятиях”. И вдруг послышался напев из “Плача Иеремии”.

Тогда старцы и дети горько зарыдали. А молодежь, вооружившись мечами, копьями и луками, под предводительством великого праведника двинулась на помощь своим несчастным братьям в Иерусалим.

Но как только воины подошли к воротам Иерусалима, у их предводителя задрожали колени, и ноги его до половины вросли в землю. “Я вижу, – сказал он, – как ангелы, поднимаясь и опускаясь между небом и землей, знаками указывают нам, чтобы вернулись обратно”.

Воины подумали, что за их предводителем имеются грехи, и поставили на его место другого. Но и другого постигла та же участь. То же повторилось и с третьим и с четвертым, и со всеми, кого только воины ни ставили во главе своего отряда. И, таким образом, им пришлось в великой печали вернуться обратно. И Иерусалим пал.

И когда наступил девятый день месяца Ава, день, в который был разрушен Храм, – стена “Старо-новой синагоги” вдруг совершенно почернела, и в синагоге воцарился глубокий мрак. Народ в испуге вышел на улицу и увидел над собою ясное голубое небо. Тогда все поняли, что случилось страшное бедствие. И в великой горести порвали на себе дорогие одежды, посыпали головы пеплом и назначили строгий пост.

Только по истечении семи дней траура мрак исчез из синагоги, но стены остались черными навсегда. И чернота их священна. Никто не должен коснуться ее. Рука отсохнет у того, кто осмелится поцарапать ногтем стену. И только когда придет Мессия – избавитель, чернота сменится серебряной белизной и стены засверкают, как алмазы.

Однажды служка синагоги хотел вбить гвоздь в стену. Но лестница, на которой он стоял, выскользнула из-под его ног, гвоздь и молоток выпали из рук, а он сам остался висеть в воздухе. И в течение целого часа висел он, и был подобен мертвецу. Потом он медленно опустился на землю. И только когда “похоронное братство” собиралось хоронить его, он открыл глаза. Но после этого служка уже никогда в своей жизни не улыбался, и лицо его осталось окаменевшим.

До сих пор показывают в еврейском квартале дом, в котором жил великий рабби Лейб, проводивший многие годы дни и ночи над священным “Зогаром”. Рабби Лейб был настолько свят, что он одним взглядом изобличал грешников и лжецов, и они падали перед ним ниц и калялись в грехах.

Однажды, повествует предание, набожная королева Мария Терезия, приехав в Прагу, решила изгнать всех евреев из своего государства. Вельможи и духовенство заступились за евреев, но сердце королевы не смягчилось. И вот, когда рабби Лейб узнал о грозящей евреям беде, он закрыл свой “Зогар” и отправился к королеве.

Когда он проходил по улицам, толпа начала осыпать его руганью и насмешками. Но старый рабби, молча улыбаясь, спокойно продолжал свой путь.

Вдруг показалась золотая карета, запряженная шестью белыми лошадьми. Карета, в которой сидела королева, неслась с крутой горы. Тогда рабби Лейб обернулся и властно крикнул: “Остановись!” Этот дерзкий крик сильно возмутил толпу, и она стала

бросать в равнина камнями и грязью. Но камни обращались в цветы, а грязь – в благоухающие розы, которые покрыли голову, бороду и плечи святого старца.

Карета сразу остановилась. Все шесть лошадей дико тряхнули гривами, начали кусать удила, стали на дыбы, а затем опустились на колени.

“Великая королева, – произнес тогда рабби Лейб, – клянусь всемогущим Б-гом, что еще до захода солнца ты изменишь свое решение, и мой народ останется жить в твоих владениях до тех пор, пока река Влтава не затопит гору Градишин”.

И воцарилась вдруг глубокая тишина, и рабби бен Бецалел спокойно вернулся домой к своему “Зогару”.

Королева же тотчас порвала указ об изгнании евреев, который она уже было подписала».

Легенда изображает рабби Лейба бен Бецалела приближенным короля Рудольфа: не то его «тайным советчиком», не то «вторым от короля». Конечно, это вызвало гнев и зависть царедворцев и духовенства, и они всеми способами старались погубить раввина. Но ничего не могли с ним сделать.

«Однажды, – повествует сказание, – злой министр, завидовавший Гур-Арье, пришел к королю и сказал ему: “Почему все вельможи и все твои советники устраивают для тебя пиры, а Гур-Арье никогда этого не делает? Вели ему тоже устроить пир и пригласить тебя и нас”. А министр знал, что Гур-Арье – бедняк, живет в лачужке и не в состоянии устроить пир.

И вот, когда Гур-Арье пришел к королю, тот велел ему устроить пир. Гур-Арье ответил: “Хорошо. Дай мне один месяц сроку, и я устрою такой пир, какого никто для тебя не устраивал”. И король дал ему месяц сроку.

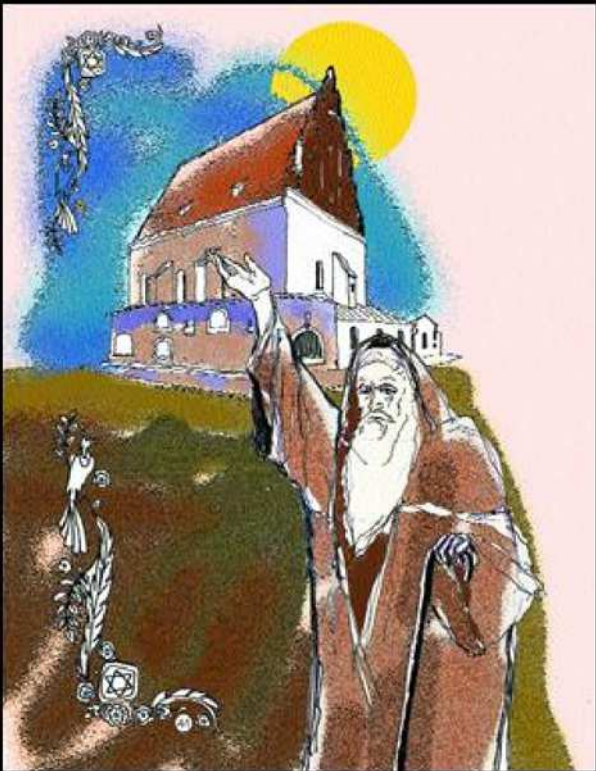
Злой министр посылал каждый день слуг посмотреть, готовится ли Гур-Арье к пиру. И слуги ему отвечали, что он сидит день и ночь в своей лачужке или в синагоге, занимается с учениками Торой, а о пире и не думает.

Когда настал назначенный день, Гур-Арье пришел к королю и пригласил его, советников и министров пойти с ним на пир. Он повел их за город, и они увидели на берегу реки роскошный дворец. Зашли они, а там накрыты столы, и на них расставлены в посуде из золота, серебра и драгоценных камней самые лучшие яства и сладчайшие вина, и много слуг прислуживают.

Удивились король и вельможи, а Гур-Арье им говорит: “Пить, есть можете, сколько угодно, но посуды никто с собою не должен брать”.

...После пира стали все уходить, а злой министр не мог двинуться с места. Все удивились этому, а Гур-Арье говорит: “Он не уйдет, пока не вернет солонку из цельного алмаза, которую взял со стола”.

Министр должен был сознаться в краже и отдать солонку. Но она очень понравилась королю, и он попросил ее на время, чтобы по ней сделать себе такую же.

Через некоторое время прошел слух, что в какой-то стране царь готовил роскошный пир для других царей. Когда они приехали, налетел вдруг вихрь и унес дворец со всем, что там было. Царь был очень сконфужен перед гостями. Но на другой день дворец вернулся на свое место, однако в нем не оказалось алмазной солонки, равной которой нет в мире...

Король, одолживший солонку, вернул ее, злого министра прогнал, а Гур-Арье сделал своим «вторым от короля»».

II

Ńĩ ò áĩ ò áĩ è á Áĩ è áĩ à

Для народной легенды «Маарал из Праги» Гур-Арье прежде всего – борец против кровавых наветов. Еврейское творчество обратило его в главного героя этого рода легенд и приписывает ему создание для борьбы против недругов совершенно особого существа, отсутствующего в фольклоре других народов, – Голема.

Этот Голем – человекоподобное существо «выше животного, но ниже черта», сотворенное праведником из глины приемами «действенной кабалы». Внешностью Голем ничем не отличается от человека. Но, не имея души, он лишен дара слова, соображения и страстей. Голем в состоянии только выполнять то, что ему приказывает сотворивший его праведник.

Зато это существо обладает некоторыми качествами, отсутствующими у обыкновенных людей, особенно важными для предупреждения и раскрытия наветов. Голем обладает сверхчеловеческой физической силой, в огне не горит, в воде не тонет, не подвержен ни мечу, ни болезням и, в случае необходимости, может стать невидимкой. На десять локтей над землей и на десять локтей под землей для него нет ничего ни сокрытого, ни невозможного для постижения. Он видит духовные предметы в их материальной сущности.

Среди противников Маарала особенно выделялся своими злостными наветами некий ксендз Тадеуш – колдун, обладавший отпрыском души «филистимлянина из Номибии», преследовавшего царя Давида.

И вот для борьбы с этим сильным и опасным врагом Маарал, обладавший отпрыском души царя Давида, прибег к созданию Голема, который помог раввину разрушить все козни ксендза-колдуна и даже погубить его самого.

Когда минула надобность в услугах Голема, Маарал теми же приемами действенной кабалы опять обратил его в безжизненный кусок глины, который, по свидетельству легенды, и сегодня хранится на чердаке старой синагоги в Праге.

Приводим здесь две легенды о наветах, раскрытых Мааралом при содействии Голема.

III

Óàèàèòàèùù àÿ èñòíðèÿ ñáí-áðíð èàèàðÿ

В городе Праге жил еврейский лекарь по имени Мориций. И хотя этот лекарь не выполнял религиозных постановлений, все же он считался евреем. И была у него дочь 15 лет, которая не шла по пути праведному. В ночь Пасхи она убежала из дома родительского к ксендзу Тадеушу, дабы он ее обратил в христианскую веру.

В это самое время в Праге произошел такой случай. Некая христианка, топившая в субботние дни печи у евреев, поссорилась с хозяйкой, у которой служила, и внезапно ночью ушла из дома неизвестно куда.

Ксендз Тадеуш, проведав об исчезновении христианской прислуги, задумал против евреев города Праги кровавый навет. И так как этот ксендз постоянно выводывал все, что происходило в доме Маарала, ему стало известно, что Маарал принял к себе какого-то немого слугителя и пользуется им для охранения еврейского квартала.

И решил ксендз вовлечь в свой навет немого слугителя Маарала и даже самого Маарала. И научил он дочь лекаря, чтобы она, когда наступит день ее крещения и кардинал спросит ее, почему она крестится, ответила, будто не может выносить злодейских обрядов евреев, которые каждый год режут христианина, чтобы употребить его кровь для пасхальной мацы.

И еще ксендз научил ее сказать кардиналу, будто она сама видела за несколько дней до Пасхи, как пришли к ее отцу в дом оба слугителя раввина: один – старик низкого роста, а второй – молодой среднего роста с черной бородой, не умеющий говорить. И старик сказал ее отцу, что раввин послал ему склянку крови на Пасху. И будто отец ее уплатил много денег за эту кровь и замесил ее в тесто для мацы, и поэтому она решила отречься от своей веры. И еще научил ее ксендз сказать, что, вероятно, пропавшая христианская прислуга была зарезана евреями на эту Пасху.

И когда настал день крещения и дочь лекаря была приведена к кардиналу, она сказала ему все, чему ее научил ксендз. И только просила она кардинала, чтобы он не наказывал ее отца, который не виновен, ибо все евреи Праги очень боятся раввина и вынуждены точно исполнять все его повеления.

Известие о навете крещеной девушки быстро, как стрела из лука, распространилось по городу, и евреи были повержены в ужас. Когда Маарал узнал о навете, он понял, что прежде всего заключат в темницу его служек. И вот, боясь лишиться Голема, он положил спать на его место приведенного с базара немого нищего, а Голема спрятал. И когда ночью явилась стража, то забрала вместо Голема нищего и не заметила этого, ибо немой нищий ничего не мог объяснить.

Маарал же, призвав к себе тайно Иоселе Голема, спросил его: знает ли он в лицо христианку, топившую у евреев печи по субботам? Иоселе Голем ответил кивком, что хорошо знает ее. Тогда Маарал написал на языке страны прислуге от имени ее хозяев письмо, прося ее вернуться, вложил в конверт деньги и передал в руки Иоселе Голему. И строго наказал ему разыскать и непременно привести прислугу с собой в Прагу не позже чем через две недели. Затем он передел Голема в одежду мужика, и отправил в путь.

Когда прошли две недели и настал день суда, а Иоселе Голем еще не вернулся, Маарал очень опечалился: наложил на всю еврейскую общину Праги строгий пост и велел, чтобы в день суда все евреи собрались в синагоги и читали псалмы с великим плачем и рыданиями.

И вот, когда собрался суд, пришли ксендз Тадеуш с дочерью лекаря, и судейские привели закованных в кандалы служек, и дочь лекаря стала повторять свои обвинения, – вдруг послышался страшный шум. Все испугались и стали спрашивать: «Что такое случилось?».

И тотчас все узнали, что случились чудесные дела: Иоселе Голем с большим шумом въехал со своей подводой в толпу, а на подводе сидела пропавшая христианская прислуга. И начался в толпе крик, и многие испугались, ибо боялись, что Голем всех раздавит. Другие же наоборот – кричали от радости, ибо тотчас узнали Иоселе Голема и христианскую прислугу и поняли, что случилось чудо.

И приказал судья привести к нему Иоселе и прислугу. И когда ксендз Тадеуш увидал прислугу, он очень смутился, а дочь лекаря упала в обморок. И поднялся еще больший шум.

Тогда судья призвал к себе Маарала, посадил его возле себя. И попросил его рассказать: как нашлась пропавшая прислуга и кто этот второй немой, который привез ее? И Маарал рассказал судье, как с небес указали ему путь к спасению евреев от навета.

Тогда судья велел отпустить заключенных, а дочь лекаря присудил к строгому наказанию. Маарал пошел домой радостный и веселый, а ксендз Тадеуш ушел, как сказано об Омане, «опечаленный и с покрытой позором головой».

И город Прага радовался и ликовал.

IV

Ī 16: eò aëiĩ aŷ eñò 1deŷ ñi aëiĩ: eëiĩ Eĩçãeëiĩ

Жил в Праге богатый еврей по имени Арон Гинз. И было у него много работников. Работали у него и трое братьев – христиане из далекой деревни. Младший из этих братьев, которого звали Козелик, был слабый и больной. А поскольку он не годился для тяжелой работы, хозяин взял его в дом для услужения.

И вот однажды в праздник Пурим, когда реб Арон со всей семьей и гостями допоздна пировали за праздничным столом, а потом ушли спать, оставив на нем серебряную и золотую посуду, Козелик забрал ее в мешок и убежал к себе в деревню, где жила его мать. А так как он был слабый и больной и от быстрого бега сильно разгорячился, то, прибежав к матери, захворал.

Когда реб Арон хватился, что его обокрали, и увидал, что нет Козелика, он понял: тот украл дорогую посуду и убежал к себе домой. Но он не знал, из какой деревни Козелик, и стал допрашивать его братьев. Однако они не хотели сказать, где их деревня, ибо поняли, что Козелик туда убежал. И сказали, будто у них совершенно нет родных. И поссорились они сильно с хозяином, затаив в сердце своем великую ненависть к нему, и решили ему отомстить.

Когда настал праздник и хозяин отпустил их на два дня, они пошли в свою деревню. Дома они нашли Козелика, который был очень болен и при них же умер. И так как у них не было денег, чтобы заплатить священнику за похороны, они дали тому серебряную вещь из украденных, и он похоронил Козелика. Потом они продали украденные вещи и отдали деньги матери, а сами вернулись в Прагу. И о том никто ничего не знал.

Так как братья были усталые после похорон, то пришли в Прагу поздно и не успели вовремя на работу. За это хозяин сильно гневался на них, ругал и опять напомнил о краже. И еще больше озлились братья на хозяина и решили погубить его.

И вот на следующую ночь они отправились в свою деревню, вырыли потихоньку Козелика из могилы и, опять засыпав ее, поставили крест на прежнее место. Потом они перерезали Козелику горло, чтобы было похоже, будто его зарезали, сняли с него одежду и сапоги, завернули тело брата в простыню, испачканную кровью, и отвезли в Прагу. Там они остановились возле еврейского кладбища, вырыли яму и в ней похоронили брата. И стали говорить по-еврейски, ибо хорошо говорили на этом языке, да так громко, что проезжие крестьяне слышали их разговор. И когда их спросили, кого они хоронят ночью, братья ответили, будто бы хоронят дурного человека, которого евреи стыдятся хоронить днем. Потом они связали одежду Козелика и подбросили ее хозяину в погреб.

И вот на второй день братья пустили по городу слух, что евреи ночью кого-то тайно похоронили. Слух этот разошелся по городу, и многие стали говорить, будто бы это евреи зарезали христианина для Пасхи, а потом потихоньку похоронили. И стали искать, кого евреи могли зарезать...

Вот тогда братья Козелика пошли к начальнику и сказали: это, наверное, убили их брата, исчезнувшего неизвестно куда, и что евреи, чтобы не было на них подозрения, распустили слух, будто Козелик обокрал хозяина

и убежал.

Тут уж начальник нарядил следствие и узнал, что ночью похоронили какого-то еврея и при этом говорили странные речи... Явились те самые крестьяне, проезжавшие той ночью мимо кладбища, и рассказали, что слышали, и указали то место, где хоронили человека. И вот увидели свежую могилу, разрыли ее – и нашли Козелика с перерезанным горлом, завернутого в простыне, испачканной кровью.

И когда братья увидели Козелика, то упали на землю и начали притворно плакать и кричать: «Проклятые евреи! Этот злодей Арон, наш хозяин, зарезал нашего брата, чтобы взять его кровь для Пасхи». И хотела толпа напасть на евреев и растерзать их на части, но начальник не допустил этого.

Затем все отправились в дом к реб Арону, искали у него и нашли в погребе одежду Козелика. И тогда все уже уверились: это он убил Козелика!

И взяли реб Арона, и заковали его в кандалы. И взяли его сыновей, зятьев и дочерей и тоже заковали в кандалы. И засадили всех в темницу. И на завтра священники потребовали, чтобы реб Арона привели в церковь и чтобы он там перед убитым сознался в своем злодействе, и чтобы просил прощения у убитого, ибо таков обычай страны.

И послали за реб Ароном, и привели его в церковь. Но он ни в чем не признавался и не просил прощения. И только говорил: «Не я пролил невинную кровь, и не мои руки перерезали это горло». Тогда толпа хотела наброситься на него и разорвать его на части. Но стража и солдаты не допустили. И главный священник опять сказал реб Арону, чтобы он для спасения своей души сшил разрезанное горло Козелика, ибо таков обычай страны. Но реб Арон и этого не сделал. Тогда повели его назад в темницу. И на евреев города Праги напали страх и ужас.

Даже сам Маарал очень испугался кровавого навета, и был он сильно удручен, ибо нечем было оправдаться. И приказал он объявить, чтобы весь народ вставал каждый день на рассвете для чтения псалмов. И вот, когда увидел Маарал, что эта беда грозит евреям гибелью, обратился к небу с «вопросом в сновидении». И пришел к нему ясный ответ в следующих словах: «И разберешь, расспросишь и расследуешь, и вернутся дети в границы свои». Когда Маарал услышал ответ, он ободрился, и возрадовалось сердце его. И утешил он также свою общину, ибо получил надежду, что правда раскроется.

И вот настал день суда. Реб Арона присудили к самому тяжелому наказанию. Тогда Маарал начал разузнавать: из какой деревни Козелик родом? И узнал название той деревни и что она в четырех милях от Праги. Узнал и то, что в деревне есть христианское кладбище. И Маарал решил раскрыть дело сверхъестественными силами. И сказал тогда Маарал, что душа умершего должна витать над его могилой не менее 12 месяцев со дня смерти. Ибо в продолжение первого года после смерти у души сохраняется еще некая связь с телом. Но если в могиле нет тела умершего, то над ней не витает душа. Но не всякий может видеть души умерших, ибо это доступно только людям высшего разряда или животным, зверям и птицам. И еще сказал Маарал, что Иоселе Голем может видеть подобные души, ибо он

близок по духу животным, зверям

и птицам.

И вот Маарал попросил начальника разрешить ему послать двух человек в ту деревню для осмотра всех могил последних трех месяцев на христианском кладбище, дабы узнать: есть ли там могила, из которой вынут покойник? И начальник позволил.

Призвал Маарал к себе Иоселе Голема и приставил к нему еще человека, умного и ловкого, и научил их, что делать. И отправились оба посланца Маарала в ту деревню, и пошли на христианское кладбище. И Иоселе Голем остановился у одной могилы, и сказал: могила пуста, и нет в ней тела покойного. И известили об этом в Прагу начальника, а также Маарала. Разрыли могилу, раскрыли гроб – и все увидели, что он пуст.

И послал начальник за священником и спросил: кто там был похоронен? И священник ответил, что в могиле был похоронен мальчик, и указал, какая женщина его хоронила. А начальник уже знал, что та женщина – мать Козелика. И стал начальник еще расспрашивать священника. И тот рассказал, что к нему приходили два брата покойного, и у них не было денег оплатить похороны, и они дали ему серебряную вещь. И вынул священник вещь и показал начальнику. И тот послал ее в Прагу, чтобы показать реб Арону. И он опознал свою вещь по тайному знаку.

Тогда начальник понял, что все это был навет. И пошел он в дом к матери Козелика и спросил: «Где твой младший сын?» И она сперва говорила, что не знает, где

он. Но когда начальник заговорил с ней с большей строгостью, она во всем созналась. И рассказала она также, кому сыновья ее продали краденые вещи. И приказал начальник обыскать дом тот. И нашли там все вещи. И вернулся начальник в Прагу, и велел схватить и засадить в темницу братьев Козелика. Но они проведали, что их навет раскрыт, и убежали. Тогда все увидели, что навет выдуман. И тотчас начальник освободил реб Арона со всем его семейством. И город Прага радовался и ликовал.

И вот после этого Маарал прославился во всем мире. Страх и ужас охватили всех врагов Израиля. И в других царствах также погас огонь кровавых наветов.

Тогда Маарал пошел к королю Рудольфу, упал к его ногам и плакал и умолял его устранить козни врагов Израиля. И король взял Маарала за руку, и поднял его с земли, и посадил рядом с собою на золотой стул, и долго говорил с ним. Потом отправил его домой с большим почетом.

И через неделю король издал указ, чтобы судьи больше не принимали дел об употреблении евреями крови.

И успокоилась земля.

«I îâîé âîñîä». 3-4, 1912

**** I ðæ í âí î çâîî è á ðæè Áèò àâî.***

ПОБЕЖДЕННЫЙ АСМОДЕЙ

Семен Фруг

(С.А. Ан-скому)

Ī īīāāāāīā ēīēīīīī

Ā āīāēāēāīī ūō ÷ āōōōō -

Ŋōāēē āāī īī ū-ōōāīī

Ī ā ÷ āīāō.

Āçīōū ā òūū ó āīīçāŷ, øāē

Āūāāāŷ ā ÷ āōīīē ī āā

Ōāī āōāīū ēōāōē-çī āē

Ŋōāēþò īī çāī ēā

È, ÷ōī īīē īōāāīē āāŷ,

Ōī:īī īāēēòū īāēīōīī,

Āóøāò ēōīēūŷ Āīī īāāŷ

Āīī ēōōāīī.

Èāē òōīīōīēē, ēīī āēēīīēīīūŷ,

Ŋōōāēū āīōēēīī ēāē ēīçā;

Ŋīōāāīūō òó- īēāīēēēōēīīūŷ

Āīāōòūōīēēā āēçā

Āāīīōīāōāīūī īīīī īāīŷòū

È āōāēēīū, ē āīāēē;

Āōāā īā:āò ēō øēāī ū, ēāòū,

Ī īþò ēīīþò ē ēō āīāēē...

Èāī āāōōāāò āēāīēāòū

Í íáæäí?

Ñëóæé... Ñëóæé... Ýòî ÷àðí?

Èè ñí?

«Ñæòá! Ñæòá!.. Í ðæ ñæí òíáíé

Òàðñò àá ñí à

Íáíëáðò æèçíè ííáíé

Ñàí áí à

Áàòáð çí íéí úé èõ ðàçááò

Í í íëáñò àí èðàí í èñò úõ í èèò;

Á í áí æ ñò í é èõ èñò èááò,

Á èááà ò úñý: è ñí ðèò.

Ñæòá äðæí í, í áéèí í í:

Í óñò ú áí áäðè òñý òí ò ú í áí í

Á áí òí çááò ðí áí í á èí í à

Ñí: í í á çáðí í.

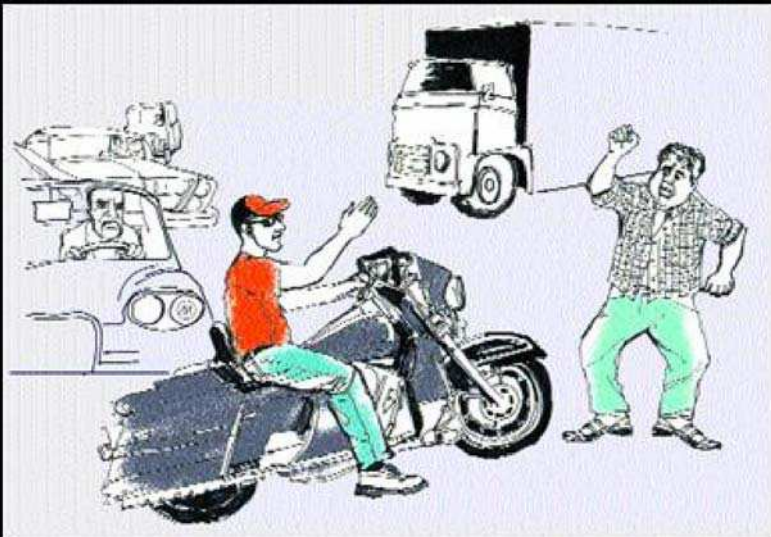
Í áðáíé èí èí ñ í í éí úé ñí èà,

Æèçí è í áðáíé, ðí áéèé çí á-

Ñò áí àò ááù èí ñí í í òí ðí èà

Ñí í áí èí á!»...

«Ááðáéíñéé ì èð». 1909, ò ááðáèü

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2002 ХЕШВАН 5763 – 10 (126)

Состоялось, наконец, событие, которое израильская читающая публика ждала не один год: замечательному сатирику Эфраиму Кишону присуждена Государственная премия Израиля по литературе. Это самая престижная и почетная премия страны, – она вручается лауреатам в День независимости Государства Израиль.

Мне кажется, что это хороший повод для публикации новых, еще не издававшихся на русском языке переводов рассказов Кишона.

К сожалению, когда я на днях хотел его поздравить с премией и позвонил ему в Швейцарию, где чаще всего он живет, а потом в Израиль, то узнал, что писатель болен и находится в больнице.

Yôdâei Êeôîi

Âîeôâîi ây ñeâ ñeîâi

Где-то прочитав, что власти в полной растерянности перед стремительно растущим количеством дорожно-транспортных происшествий в Тель-Авиве – втором по величине городе Израиля, – я решил выявить причины этого явления.

Прежде всего, внимательному читателю следует знать, что в среде водителей в нашей стране существует неписанный закон, который именуется «Закон об обязательном выкрике «Осел!»» То есть всегда и обязательно нужно кричать «Осел!» коллеге-водителю. Это у нас традиция вроде неперемного «Мазл тов!» на свадьбах. Шофер, который не использует оскорбление «Осел!» при каждом удобном случае, – это не профессионал, а опасный на дороге любитель, и у него следует отобрать водительские права, или же это турист, или просто псих.

Я, например, прекрасно знаю, что положено выполнять. Вот еду я на своем мотоцикле, и, скажем, вдруг грузовик проносится совсем рядом с моим локтем... Я обычно немного привстаю на сидении и издаю неперемное «Осел!» Как правило, в ответ на мое «Осел!» я слышу аналогичное, и мы едем себе дальше, ненавидя друг друга лютой ненавистью. Однако изредка случается, что мой оппонент останавливается, выходит из машины и подходит ко мне:

– Водить научись, псих ненормальный!

На это я, не теряя душевного равновесия, с достоинством отвечаю:

– Сам научись, а-идийот! («А-идийот» здесь очень подходит, по-моему, поскольку звучит почти как «идиот», но не так оскорбительно, а?) Так все это шло до настоящего времени. И вот недели две назад со мной произошел фантастический случай. Я подъезжал на своем «докторе» к перекрестку и сделал левый поворот, не вытянув заблаговременно, как это положено, левую руку в сторону. Тут же раздался пронзительный скрежет тормозов, и огромный грузовик остановился буквально перед моим носом...

Сначала все было как обычно: «Осел!» – заорал на меня вылезший из кабины шофер. И тут я – черт знает, что со мной вдруг произошло?! – вопреки собственной воле обратился к нему с совершенно немислимым:

– Вы правы: я совершенно забыл обозначить маневр рукой...

Водитель грузовика вздрогнул всем телом, словно от удара хлыстом по лицу, сделался белый как мел, вернулся в свою кабину и, не издав ни звука, тронулся. А поскольку он поехал в этом немом молчании, то через несколько метров выехал на тротуар и задавил собаку.

С тех пор я пользуюсь этим чудесным оружием. Теперь, когда из соседней машины мне кричат: «Осел!

У тебя что, глаз нет?», я немедленно отвечаю: «Извините, вы совершенно правы». Этим самым я привожу всех в полную растерянность... Таким образом, вот она – причина роста дорожно-транспортных происшествий в нашем городе.

В ОІ АА І НЕО

Я сидел себе на скамье на набережной и отдавался ласкам свежего ветерка, дувшего из-за моря, наверное, из США. Вдруг со стороны моря ко мне подошел мужчина в годах и обратился с такими словами:

– Прошу прощения за беспокойство, господин мой, но я вынужден попросить у вас десять лир наличными. Мне действительно неудобно за столь необычное обращение, но такова жизнь.

Я поинтересовался, с какой это стати я должен финансировать его на названную сумму, в ответ на что господин предоставил в мое распоряжение следующую информацию.

– Я – сумасшедший, – поведал незнакомец, – это значит, что в соответствии с законом, существующим в нашей стране, я могу перерезать господину горло, задушить его или раскромсать на мелкие кусочки – все, что мне вздумается. Максимальное наказание, ожидающее меня, это снова быть помещенным в больницу для умалишенных, из которой я сбежал несколько дней назад. Пожалуйста, вот мои справки...

Я немного занервничал. Бумаги были в порядке, да и мой новый знакомый казался серьезным человеком, который не бросает слов на ветер.

– Чего вы ждете, господин мой, – спросил он меня, – чтобы я набросился на вас? Вам это нужно? Попастъ в такой переплет из-за нескольких несчастных лир... У вас что – других забот нет? Но, если вы не понимаете по-хорошему, пожалуйста, я сейчас сосчитаю до трех и устрою вам... Раз, два,..

– Извините, – прервал я его, – есть кое-что, что и вам нужно знать. Дело в том, что я тоже не совсем в порядке. Теперь мне уже можно открыть: я человек с глубоко травмированной психикой, состою на учете. У меня наклонность – расчленять живые существа, поэтому я всегда ношу с собой ржавый тесак, он у меня тут, под рубашкой...

Поняв, что я псих еще покруче него, мой собеседник сделался белым как извьсть и с хриплым криком исчез в надвигавшихся сумерках. А я отправился на автобусную остановку. Небрежно бросив стоявшим в очереди: «Извините, я – псих», я без очереди вошел в автобус и вернулся домой. Вот и все дела.

Î Î ĀĀŌĒĒ «Ī Ā ĀĀĀĀĪ Ī ĀŪĒĪĒŌ»

На прошлой неделе я пригласил Арвинку[□] навестить нас в субботу. Он ответил, что сожалеет, но по субботам он всегда очень занят, потому что у него бар-мицва.

– Извини, – не понял я, – у кого бар-мицва?

– Я еще не знаю, – отвечал Арвинка, – да это и не важно. Может, хочешь пойти со мной?

И вот что выяснилось. Уже несколько лет кряду Арвинка имеет обыкновение каждую субботу в полдень ходить в тель-авивский Клуб торговли и промышленности (улица Нахмани, 17). Там он участвует во всяких торжествах: свадьбах, юбилеях, празднованиях бар-мицвы, наедается до отвала, знакомится с девушками, занимает деньги – в общем, веселится во всю.

– Стоит сходить, – уговаривал меня Арвинка. – В клубе прекрасная кухня, притом все удовольствия – задаром.

Короче: мы отправились. Зал уже был полон сотнями гостей. У входа стояли смертельно уставшие мужчина, женщина и веснушчатый мальчик. Мы встали в очередь и, когда приблизились к паре, поздравили родителей с возмужанием сына. Муж с женой пожали нам руки и проникновенно произнесли:

– Спасибо, большое спасибо, что пришли.

Арвинка при этом дружески ткнул мальчишку кулаком в живот, это очень развеселило виновника торжества, и он сказал:

– Дядя всегда такой шутник.

Уже отходя от этой троицы я услышал, как жена спросила мужа: «А вообще-то, кто эти двое?». На это глава семьи отвечал, что мы-де, наверняка, из посольства...

Не мешкая, мы отправились в буфет, поскольку в таких ситуациях время – золото, и принялись уплетать за обе щеки. Сэндвичи были отменные, особенно те, с бифштексами. Выпили пива, потом коньяку, затем занялись колбасой, а потом уж тортом. Я остановил проходившего официанта и приказал ему немедленно принести мне взбитых сливок, что и было сделано. Затем Арвинка заказал венский шницель и груши, я предпочел ананас. При этом мы побеседовали с двумя министрами и ректором университета, которые также пришли на бар-мицву. Некто высокий дал нам билеты в «Габиму», а какая-то дама раздавала цветы.

По прошествии двух часов мы собрались уходить. У выхода стоял стол с подарками, принесенными мальчишке. Арвинка начал в них копать и в конце концов

– Ты удивительная, – говорили ей остальные мухи в той бакалейной лавочке, – ты не муха. Ты просто орел!

Большая муха слушала эту лесть и наслаждалась, поскольку эти насекомые любят, когда им говорят, что они нечто большее, чем мухи. Поэтому немудрено, что по прошествии нескольких недель большая и сама поверила в свою исключительность и начала руководить мухами в той лавочке. Она строила различные планы, уничтожала внутренних врагов – неугодных ей мух – и провела победоносную войну против внешних врагов империи – комаров. Большая провозгласила себя Солнцем и заявила, что не боится самого лавочника – своего главного соперника.

И действительно: хозяину магазинчика не удалось прихлопнуть ее, сгоняя со своего лица. Тогда уж мушиная предводительница и впрямь подумала, что она сильнее человека и заявила, что того как бы и не существует вообще...

Но вскоре наступила зима, большая муха замерзла и свалилась на пол. Заметьте, не лавочник убил ее, а просто так всегда бывает: мухи мрут зимой. И самое печальное – хозяин магазина даже не заметил, что большой мухи не стало, поскольку для него она была как все остальные.

Таков был конец самой большой мухи в маленьком магазинчике, в одном из зданий в некоем городе какой-то страны этого большого мира.

Í ðàéòè: àíêíá àííí è ò àí éá

Недавно семья Шавуа-Тов пригласила меня зайти поболтать по-соседски.

Я пришел, и мы приятно провели вечерок у них на балконе.

Арье, смышленный сынишка четы Шавуа-Тов, сидел, оседлав мое колено, и время от времени раздражался тем беспечным смехом, которым смеются дети нежного возраста, еще не вкусившие жизненных

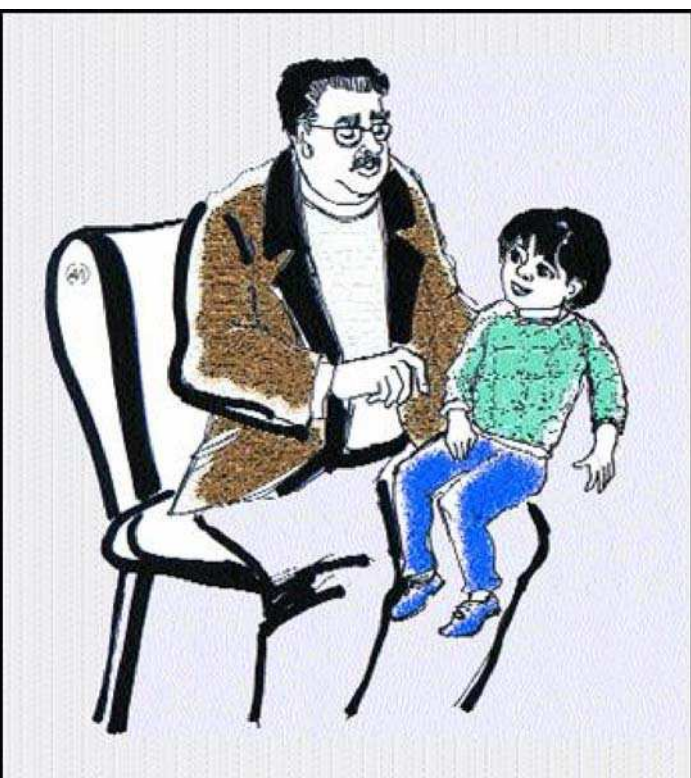
трудностей.

– Ну, Арье, – обратился я к маленькому всаднику, – будешь солдатом, когда вырастешь?

– Черта с два! – отвечал мне жизнерадостный малыш. – Да разве это занятие?!

– Тогда кем же ты хочешь быть?

– Чиновником. Он может воровать, сколько душе угодно, и при этом ничего не делать.

Супруги Шавуа-Тов довольно засмеялись и бросили на меня взгляд, в котором светилась гордость за гениального отпрыска.

– А сейчас расскажи дяде, – обратился к малышу глава семьи, – что представляет из себя наше правительство.

– Несведущие болваны, которые только и могут, что красть деньги из казны. У каждого – огромный банковский счет в Швейцарии...

Мои колени непроизвольно

задрожали, и Арье соскользнул с них.

– Ребенок, действительно, развит не по годам, – пробормотал я. – Но все же... Есть ведь такие понятия, как Родина, страна...

– Что-о-о? – возвысил голос Арье с сознанием собственного достоинства. – Да разве это страна? Это ж дерьмо! Вот в Америке – полно мяса. Мы с папой едем в Штаты повеселиться...

За сим малыш разразился тирадой колоритных арабских ругательств... Отец удовлетворенно погладил сына по голове.

– Я дал ребенку практическое воспитание, – пояснил мне родитель. – Теперь он готов и закален для борьбы и выживания в нашей стране. А школа только портит...

В аиçаë ìîëëèр

Как-то недавно возвращался я домой поздно вечером. Полная луна освещала все вокруг, и вдруг я вижу, что возле дома номер 5 Пашутман молча борется с неким человеком, лицо которого закрыто платком, а в руке незнакомца сверкает нож. В моей голове тут же пронеслась мысль, которая в такой ситуации должна посетить любого честного человека: позвонить в полицию! Поэтому я сразу вернулся на шоссе, чтобы поймать машину и добраться до ближайшего телефона-автомата – у нас-то в квартале нет.

Так и случилось: прошло немного времени, и мне удалось остановить машину, на которой меня довели до ближайшего предприятия, что-то около двух километров от места события. Там я убедил сторожа разрешить мне позвонить и быстро набрал «999». Услышав: «Полиция», я взволнованно закричал в трубку, что Пашутман сражается за свою жизнь с каким-то неизвестным, – «Спасите!..»

– Минуточку, – ответил мне «999», – кто говорит?

Я ответил, что это я. Тогда он поинтересовался моей фамилией. «Кишон», – представился я, но собеседник не разобрал как следует. Я начал диктовать:

– «К» – концерт, «и» – идиш, «ш» – шашлык, «о» – ого, «н» – Наполеон...

– Кто-кто?

– Наполеон, Н-а-п-о-л-е-о-н! Ну же, «н» в конце. На-по-ле-он! Наполеон. Да-да, правильно: Наполеон Бонапарт!

Тогда тот спросил мое имя. Я начал диктовать... (Это все нужно для того, чтобы потом, если вызов ложный, могли найти и задержать шутника-злоумышленника.) Полицейский поинтересовался моей профессией – я продиктовал, затем дело дошло до адреса...

– Квартал Раско^[2], – кричал я в трубку, – дом 3, квартира 7.

– Где это?

– Смотрите, – начал я объяснять, – нужно ехать на автобусе 53-го маршрута до кладбища, там вы сходите и поворачиваете направо, потом еще раз направо и увидите белые дома – это и есть квартал Раско...

– Я понял, – сказал наконец дежурный. – Так что же вы собственно хотите, господин?

– Я? Э-э-э..., да ничего. Вроде бы что-то мне было нужно, но я уже и не помню... Извините...

Я вернулся домой и лег спать. И приснился мне кошмарный сон, будто я с розыскной собакой преследую полицию и никак не могу настигнуть ее.

Ó:áí íí - íííó...

– Как это так, Эладар, – обратился я к своему двоюродному брату, новому репатрианту, – ты уже два года в Израиле и до сих пор никак не можешь устроиться на работу? Ты что, тупой?

– Да нет, – отвечал он, – я как раз парень сообразительный, может, в этом-то все и дело. Сразу после приезда в страну меня направили в Иерусалим в интенсивный ульпан Сохнута для овладения ивритом. Потом мне удалось быстро поступить на ускоренные курсы подготовки служащих для Гистадрута, которые я успешно окончил.

– И получил работу в Гистадруте?

– Нет, там мне сказали, что у них чиновников хватает. Зато они помогли мне устроиться на курсы землемеров при министерстве труда. Я закончил учебу в числе лучших выпускников, но как раз тогда в стране завершились все работы по обмерам земельных площадей, а известно, что проводят такую кампанию раз в сто лет... Тогда я начал учиться на краткосрочных курсах по кладке печей из глины при Ассоциации евреев-выходцев из Словении. Однако только к концу учебы стало известно, что в Израиле такие печи не нужны, а изготавливают их только в Словении. Совсем отчаявшись, я записался на организованные мэрией Тель-Авива вечерние курсы по подготовке диетологов для работы во временных лагерях новых репатриантов...

– Это нужное дело!

– Да, но не было финансирования... Я еще прошел интенсивный курс «Как сочинять книги», организованный отделом культуры, и поучился в специализированном ульпане министерства здравоохранения для недипломированных врачей. А потом еще интенсивные курсы подготовки шабатных гоев при партии Агудат Исраэль и ускоренный курс по правилам огласования слов под руководством Шмуэля Розена...

– И чем же ты занят сейчас, Эладар?

– Я преподаватель ускоренных курсов по принципам организации интенсивных курсов, так что полученный опыт не пропадает даром.

Óðrááíðví

Мы обычно уважаем человека в силу того, что он человек, как это принято в соответствии с духом Декларации прав человека ООН, однако иногда не обходится без небольших отклонений. Вот вам пример. Поставили мне телефон, и мой номер в числе других закреплен на станции за телефонисткой, которая ну просто чудовище.

Что случилась? А вот что. Сижу я себе, пописываю свои благочинные рассказы, как вдруг приходит мне мысль позвонить по какому-то делу Кунштеттеру. Я поднимаю трубку и вдруг слышу, как кто-то уже говорит раздраженным голосом по моей линии:

– Весь груз уже прибыл в хайфский порт. Бирнбойм должен приготовить документы.

– Вы ошиблись, – говорю я. – Освободите линию.

– Э, кто это? – вмешивается уже третий, хриплый голос. – Ну-ка повесь трубку.

Короче: эта телефонная барышня соединила нас троих. Я кладу трубку, чтобы отсоединиться, поднимаю и снова слышу хриплого:

– Нет у них права требовать, чтобы мы платили таможенную пошлину.

– Есть у них такое право, – высказываю я свое мнение. – А почему собственно нет?

– Кто это? – кричит нервный. – Господин, что вы вмешиваетесь?

– Мне нужно позвонить, – отвечаю, – прекращайте разговор.

– Отвали! – рычит хриплый и добавляет своему: – Новый репатриант может провозить товары беспошлинно.

– Это ты что ли новый репатриант? – сомневаюсь я.

– Чего? – растерялся хриплый. – Да это кто говорит обо мне?

– Слушай, – заорал ему нервный, – это не я! Это опять тот тип вмешивается...

Тут я защебетал высоким голосом, как женщина:

– Алле-е! Закончить разговор! Проверка линии!..

– Еще минутку, барышня, – начал упрашивать меня нервный, – сейчас мы заканчиваем.

– Идиот! – рявкнул на него хриплый. – Ты что, не слышишь, что это снова тот со своими штучками?

– Нет, – ответил я, – на этот раз это серьезно. Увидимся завтра в порту. Пока!..

– Подожди! – закричал нервный. – Не вешай трубку! Это же не я!.. Послушай, ты, если мы тебя поймаем!..

– Пожалуйста, – невозмутимо ответил я, – вы говорите с начальником таможи.

– Не обращай на него внимания, – завопил хриплый. – Нужно сообщить Бирнбойму, чтобы сначала протащил поплин и по крайней мере сто метров габардина...

Я взял в руки томик Шекспира с «Макбетом» и открыл на 107-й странице:

– Мучитель, покажись! – начал я декламировать в трубку тирады Макдуфа.

Éîããà á ò ù í àë í á î ò ì ì è ò óãã ò í á

Ì á ÿ á ù í ò í á í è æ à è è ì ì ñ à ò ù

Í á î ò ì ù á í í ú á í á á è è ä ö è

Ì í á è æ á í ú è ì à è á í ù è è ò ä à ò á è ...

... Ò à è ñ à è ñ ÿ, ò ò ù í!

Í ñ ò á í ù ÿ æ è ò ù æ è í á è í è í ð á à è ¹⁹¹.

– Это что еще? – оторопели мои собеседники. – Что там происходит?

И тут к нашему трио добавился еще голос:

– Алло! – подключилась телефонистка на станции. – Разговариваем?

– Заткнись, свинья! – окончательно вышел из себя нервный и добавил что-то по-русски о матери. Телефонистка обиделась (совершенно обоснованно, разве так разговаривают с женщиной?), и нас наконец-то разъединили.

Назавтра я позвонил Кунштеттеру, но его уже не было в своем кабинете. Я спросил, когда он придет? Мне ответили: «А этого никогда нельзя знать».

É á à è ¹⁹¹

В тот трагический вечер я был в гостях у доктора Файнгольца. Я отвел его в сторонку, чтобы рассказать замечательный анекдот.

– Послушайте, – начал я. – Два еврея едут в поезде...

– Извините, – остановил меня д-р Файнголец и надел очки. – Кто эти еврей?

– Просто евреи. Неважно...

– Из Палестины?

– Неважно. Ну, скажем, из Палестины. Из Израиля. Итак...

– А, я понимаю. Этим вы хотите сказать, что действие происходит после провозглашения Государства Израиль?

– Верно. Неважно. Итак, едут они в поезде...

– Куда?

– Неважно, скажем, в Хайфу. Неважно. Главное: вдруг поезд въезжает в длинный тоннель...

– Тысяча извинений, но по дороге в Хайфу нет тоннеля.

– Ну так они ехали в Иерусалим! Неважно. Итак...

– Но и на пути в Иерусалим нет тоннеля. Хотя в 1923 году и хотели построить тоннель под горой Кастель, но мандатные власти...

– Неважно! Скажем, они едут не здесь, а в... в Швейцарии! Неважно. Итак...

– В Швейцарии? А какой это тоннель, если позволено спросить? Литсберг или Симплон? Может быть, Сен-Готард или Арлберг?

– Да это неважно! – закричал я. – По мне, так пусть будет хоть тоннель Шлезингера!

– Тоннель Шлезингера? – д-р Файнгольц разразился искренним смехом. – Чудесно! Тоннель Шлезингера, а?! Классно! Отличный анекдот. Извините меня, я просто обязан рассказать его остальным гостям.

И через минуту я услышал, как все они хохочут. А я тихонько вышел в коридор и не спеша повесился.

Î óœáí áé è ááœí à:íé

Мы ждали автобуса на улице Алленби. Рядом с остановкой был обувной магазин. Молодая супружеская пара стояла напротив витрины, женщина рассматривала выставленные образцы, а ее супруг отсутствующе глядел в небо.

– Что ты думаешь об этих симпатичных зелененьких? – начала она. – Цвет подходит к моему новому кошельку но у них низкий каблук и я буду выглядеть совсем маленькой вот там красные совсем неплохие жаль что у них сбоку пряжка она всегда ужасно давит тогда я бы предпочла вон те черные сверху несмотря на то что они из замши и быстро пачкаются эти желтые с серой полоской мне тоже очень бы подошли но я вижу что это не мой размер действительно Шмуэл нужно когда-нибудь спросить почему всегда выпускают только маленькие размеры глупости какие вообще-то эти желтые неплохие очень подходят к моей шляпе с пером но мне не нравятся завязочки на лодыжке они

всегда съезжают вниз когда идешь так что уж лучше фиолетовые на каучуковой подошве хотя каучук сразу трескается а в керосине будет как клей жаль что та коричневая пара в сторонке из лаковой кожи стоит раз попасть в дождь и они уже все в пятнах которые невозможно отчистить конечно те серебряные мне очень нравятся но через дырочки сбоку набивается песок и даже мелкий гравий на стройке нет и эти бежевые нехороши они делают стопу очень широкой я люблю туфли очень легкие как те лимонного цвета но без побрякушек на носке правда Шмуэл я не знаю где вкус у дизайнеров такие глупые думают только о деньгах эта белая пара очень неплохая только я опасуюсь светлых тонов невозможно отчистить придется зубным порошком будет подниматься белая пыль сразу испачкает платье и вон та зеленая пара очень миленькая но такая форма уже вышла из моды сейчас делают туфли без всяких штучек только туфля и все внутри резина и она держит форму как та пара темно-карминного цвета но эти недостаточно удобны для работы и вот эти с бирюзово-оранжевым шнурком там выглядят совсем никудышными невозможно ходить на таких высоких каблуках понятно что вы мужчины думаете только о красоте давай перейдем на ту сторону улицы я видела в магазине Ротбергера ужасно симпатичную пару ярко красного

цвета с золотыми пятнышками в серединке пойдем ну что с тобой ты не слушаешь... Шмуэл, Б-га ради... что случилось... Помогите!.. Муж потерял сознание у него голова закружилась от холода... пожалуйста перенесите его на ту сторону улицы в магазин Ротбергера спасибо...

Ààààòù Çòèüüàíéì à

Я и Арвинка сидели у меня дома и от нечего делать тихонько мурлыкали себе под нос национальный гимн то ли Руанды, то ли Бурунди, и вдруг, как всегда неожиданно, звонит телефон и некто спрашивает:

– Склад «Цафон»?

– Вы ошиблись номером, – ответил я и положил трубку. Не прошло и минуты, как снова звонят и спрашивают склад «Цафон». Я раздраженно ответил, что это не склад, однако через минуту звонят опять...

– Подожди, сейчас мы решим эту проблему, – говорит мне Арвинка, поднимает трубку и сразу говорит:

– Склад «Цафон», здравствуйте.

– Ну слава Б-гу, – говорят на том конце линии. – Можно Зульцбойма?

– Господина Зульцбойма? – переспрашивает Арвинка. – Он больше не работает у нас.

– А что случилось?

– Наконец-то раскрылись его делишки.

– Да что вы говорите?!

– Вы удивлены? – вошел в роль Арвинка. – А как вы думали, сколько это может продолжаться?

– Вы мне еще будете рассказывать! – вскипел невидимый собеседник. – Я давно ждал чего-нибудь подобного.

– Он хотел быть слишком умным, – продолжал Арвинка. – Сейчас уже взяли всю шайку.

– Что, и Блау?

– Схлопотал полгода.

– Вот это да, но ему давно причиталось. А кто же на его месте?

– Хацкел.

– Это кто?

– Да рыжий такой.

– Ах да, помню. И что, вы думаете он лучше Блау? Такой же бандит.

– Ясно, как Б-жий день, – отвечает Арвинка, – я на его счет не заблуждаюсь. Ну, что еще?

– Да вроде ничего, только не говорите Хацкелу, что я звонил.

– Само собой.

Арвинка удовлетворенно положил трубку на место.

– Послушай, – не выдержал я, – а ты не переборщил?

Арвинка взглянул на меня с удивлением и укоризненно произнес:

– Ты думаешь только о себе. Если бы я снова ответил: «Вы ошиблись», тот бы рассердился и позвонил опять. А теперь у него на целый день отличное настроение оттого, что эти гангстеры облажались, да и нас больше не будут беспокоить. К тому же Зульцбойм и компания могут радоваться, что их пока не накрыли...

Телефон – отличная штука. Что бы делали без него на складе?

Ī ōæ:ēīā īīä äīæäiī

Как-то, будучи в Иерусалиме, мы с женой были приглашены к чете Флейшнеров. Несмотря на собиравшийся дождь мы расположились на лоджии и беседовали о всяких пустяках. Вдруг в маленьком доме, расположенном напротив, открылась дверь на задний дворик, и вышел мужчина в пижаме, который начал развешивать на веревках выстиранное белье.

– Что это он? – спросил я Флейшнеров в немалом изумлении. – Ведь дождь пойдет!

– Обязательно пойдет, – подтвердили Флейшнеры. – Каждый раз, когда он вешает белье, сразу начинается дождь...

Господин в пижаме развесил белье и с удовлетворением осмотрел дело рук своих.

– Сейчас оборвется веревка, – продолжали Флейшнеры, – потому что он всегда слишком перегружает ее.

Мужчина тем временем подошел к дальнему концу лужайки, нагнулся и открыл кран. Установленный в центре газона большой дождеватель начал вращаться и орошать весь дворик. Пижамы господина немедленно сделалась совершенно мокрой, так как возвращаясь к двери он был вынужден под мощными струями воды.

– Каждый вечер одна и та же история, – продолжали вводить меня в курс Флейшнеры. – Как же можно устанавливать кран в противоположном от двери конце двора?

Б-бах! – лопнула веревка, поскольку развешанное белье набрало уже достаточно воды.

В дверном проеме возник знакомый господин. Он прорвался сквозь шквал воды из дождевателя, добрался до крана и закрыл его. Затем с фатальным спокойствием он начал собирать разбросанные простыни, и тут хлынул проливной дождь...

– Вот несчастный! – воскликнул я. – Почему вы не объясните ему, что и как нужно делать?

– Да мы пытались, – сказали Флейшнеры, – но он понимает только английский.

Тем временем вымокший до нитки мужчина начал аккуратно складывать многострадальное белье и тщательно укладывать его в большую бельевую корзину для новой стирки. Войдя в дом, он закрыл все окна и вооружился одним из мокрых полотенец. Затем он начал носиться во всем комнатам и лупить полотенцем по стенам своего жилища. Мы молча наблюдали все это с нашей лоджии, я – с отвисшей от удивления челюстью, Флейшнеры – с привычным равнодушием.

– Ради Б-га, – взмолился я

после того, как удары полотенцем по стенам не прекращались уже добрую четверть часа, – объясните, что происходит?

– Сосед уничтожает комаров.

– Он что, не знает, что существуют всякие аэрозольные средства? Кто он вообще, этот человек?

– Он приехал полгода назад по приглашению правительства, – сообщили мне Флейшнеры. – Еще нам известно, что он специалист по оптимизации и повышению эффективности производства.

– А-а-а, – произнес я, и с того времени многое в жизни стало мне понятно.

Аăăăăă є і іăă-ее...

В один из недавних вечеров, пропитанных пылью, принесенной из пустыни, звоню я Вайнраубу по каким-то делам, сейчас уже и не помню точно, зачем. Итак, звоню я ему домой, и там снимают трубку:

– Алло, – слышу я страшно испуганный и дрожащий женский голос. – Алло.

– Алло, – это уже я, – кто говорит?

– Не знаю. Я никого не знаю.

– Я спрашиваю: кто там говорит?

– Здесь?

– Да, там.

– Я говорю. Алло.

– Кто это?

– Новый домработница.

– Позовите, пожалуйста, господина Вайнрауба.

– Господин Вайнрауб? Где?

– К телефону.

– Да. Минуту.

– Я подожду.

– Алло.

– Вайнрауб?

– Нет. Новый домработница.

– Я просил Вайнрауба.

– Господин говорит по-румынски?

– Нет! Позовите Вайнрауба, будьте так добры.

– Да. Минутку. Алло... Не можно сейчас...

– А в чем дело? Его нет дома?

– Не знаю. Алло.

– А когда он вернется?

– Кто?

– Вайнрауб! Когда вернется Вайнрауб? Где он, вообще?

– Не знаю, – новый домработница начинает рыдать в голос, – я только сейчас приехал здесь из

Румыния.

– Послушай, милочка, – начинаю я с чувством, – я хочу поговорить с господином Вайнраубом. Его нет дома. Ладно. Ты не знаешь, когда он вернется. Ничего страшного. Но ведь ты сможешь передать ему, что я его искал, верно?

– Минутку, – рыдает женщина, – алло.

– Ну, что еще?

– Я не может сказать господин.

– Но почему?

– Что это такое – Вайнрауб?

– Что значит «Что это такое?» Вы что, не знаете его?

– Господин говорит по-румынски? Хотя бы немного.

– Куда я попал?

– Квартира Кастелянски. Эммануэль. Алло.

– Какой номер?

– 73. Второй этаж.

– Да нет, какой номер телефона?

– Не знаю.

СТАРИКИ

Давид Маркиш

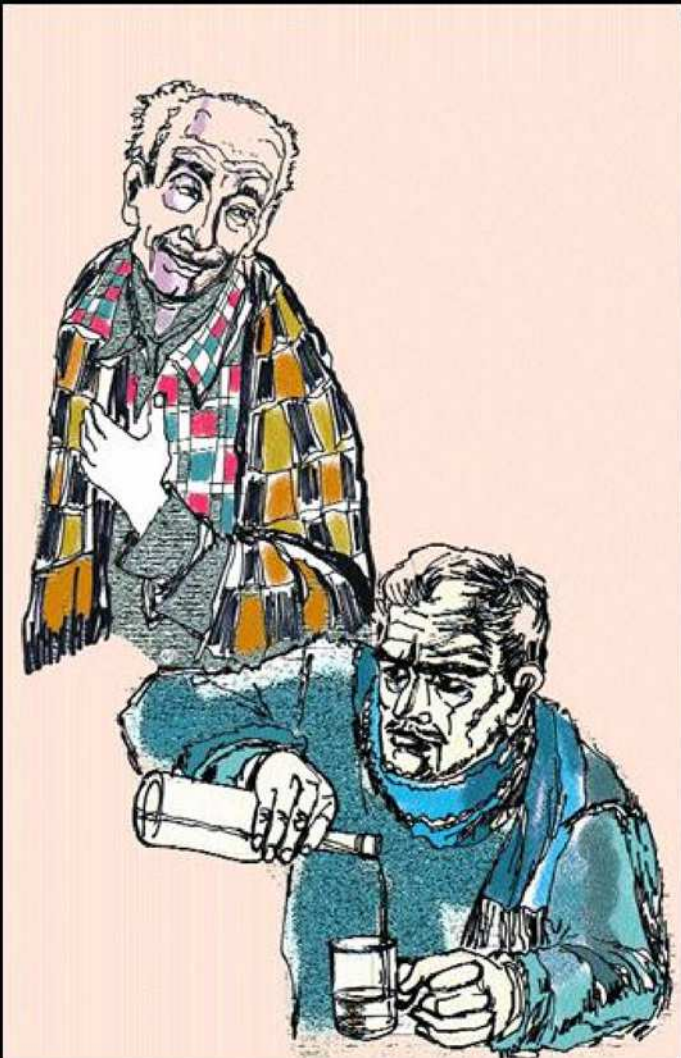
Памяти В.Р.

Шмуркевича Венька презирал: этот Шмуркевич неделями сидел на даче, в Москву не ездил, боясь, что его поймают в электричке как безбилетника. Денег на билет у него, конечно, не было. У Веньки тоже не было денег, но в Москву он наведывался регулярно – просто так, без дела, похлебать супца из солдатского котелка в кинозале «Хроники», куда его пускал бесплатно знакомый контролер. Люди в тепле и в темноте спят, обнимаются или смотрят кинохронику, а Венька лакает себе из солдатского котелка супец, налитый туда знакомой официанткой из кафе «Националь», – тоже, понятно, не за деньги и даже не в долг. Как же такой Венька мог не презирать робкого Шмуркевича?

Но он и жалел его – с ухмылкой, правда, но жалел. Одетый в две – одна поверх другой – клетчатые ковбойские рубахи, подаренные разными людьми в разное время, Шмуркевич на старости лет решил сделаться драматургом. Он прибыл на подмосковную дачу из Одессы, отягощенный своим решением и картонным чемоданом, набитым рукописями. Над ними он работал лет сорок подряд, просиживая штаны в редакции когда-то славной газеты «Моряк» вплоть до самого выхода своего на пенсию. Теперь этот старик, назанимав денег в счет грядущих пенсионных доходов, решил дать бой судьбе и полем боя выбрал, конечно, Москву. Рукописи его были не вовсе бездарны, но литературные классики могли все же безмятежно спать в земле и не вертеться в своих гробах от беспокойства и зависти.

На подмосковную дачу Венька попал случайно: я привез его туда жить. На даче мы обнаружили Шмуркевича. Как он там оказался – это его дело. Может, покойный владелец дачи, известный писатель, завернул когда-то в Одессу, заглянул в редакцию когда-то славного «Моряка», познакомился там со Шмуркевичем и пригласил его в гости, под Москву. На это, может быть, сердечное приглашение и сослался Шмуркевич, нанеся полгода назад визит вдове писателя. Вот вдова и дала ему ключи от дачи – не селить же одесского гостя в двух его ковбойках в ореховой гостиной или краснодеревянном кабинете московской квартиры. А на даче по осеннему дождливому времени никто не жил да и летом она пустовала, да и прошлой зимой. Продать бы ее – и с плеч долой, но вот руки никак не доходят.

А дача тем временем обветшала и пришла в запустение. Еще зимой компания юных лыжников сбила замки и, проникнув в дом, учинила там славное веселье: пили, били бутылки о стены и мебель. Кровати, лежаки и кресла растащили по укромным уголкам. К широчайшей двуспальной кровати хозяев прикололи прощальную записку:

«Спасибо этому дому. Любви – да, войне – нет!»... Одним словом, весь дом перевернули вверх дном, слава Б-гу, что не подпалили.

После этого случая большую часть изгаженных вещей вдова свезла в комиссионный магазин, а битое стекло, окурки и ворохи тряпья так и остались валяться на полу. Только Широчайшая незыблемо стояла на надлежащем месте, в спальне. На ней, Широчайшей, на ее звонких пружинах, обтянутых полосатым, в застарелых подтеках, тике, и устроился жить Шмуркевич.

Теперь Венька сделался его напарником: на рваной раскладушке, обнаруженной нами в чулане, он жить не захотел.

С покойным владельцем дачи Венька тоже был не на «ты». Просто вдова, наслушавшись моих рассказов о Веньке, опустила в мою ладонь ключ от дачи со словами:

– Несчастный одинокий старик! Ему негде жить – пусть поживет у нас на даче. Там такой воздух! К тому же, вы говорите, он был знаком с покойным Александром Семеновичем. А Александр Семенович, вы же знаете...

Об Александре Семеновиче я знал достаточно и мог бы порассказать о нем вдове не меньше, чем она мне: покойный был человеком общительным и веселого нрава. А вот о том, что на даче проживает другой несчастный старик – Шмуркевич, вдова не сказала ни слова. Поэтому, когда мы приехали на дачу и увидели свет в окне спальни, Венька погрузнел.

– Послушай, – сказал Венька, – может, уедем? Я как-нибудь перезимую в моем курятнике – куры меня знают, а я знаю, где они кладут яйца. Куриная хозяйка не знает, а я знаю... А?

– Давай войдем, – сказал я. – Зря, что ли, тащились сюда целый час? И потом, ты здесь хозяин: ключи-то у тебя.

– А у них – отмычка? – усмехнулся Венька и взглянул на светящееся окно. – Тогда хозяева они, а мы – идиоты... Ну, пойдём.

Но дверь была заперта изнутри. Я бухнул кулаком по доскам, и в ответ послышались легкие шаркающие шаги и:

– Сейчас, сейчас! Минуточку... Кто там?

Мы с Венькой переглянулись: к такому вопросу мы были не подготовлены, и ответить на него было непросто.

– Кто, кто... – сказал я, дергая за ручку двери. – У нас ключи есть, мы из Москвы.

– Мы люди хорошие, – разъяснил Венька. – У нас водка есть.

Дверь отворилась. На пороге стоял старик с длинным розовым носом, с бледными губами сердечника. Это и был Шмуркевич. На его ковбойки был накинута рваный плед.

– Прошу вас, – сказал Шмуркевич, потирая костлявые ладони одна о другую. – По коридору и направо. Там, можно сказать, тепло и сухо.

Мы прошли в спальню и сели на Широчайшую. Затворив за собою дверь, Шмуркевич все потирал руки и улыбался, показывая ровные зубы цвета старой слоновой кости, слишком нарядные, чтобы быть настоящими. Пегие бровки Шмуркевича были вопросительно, как-то по-детски выгнуты, и голубые глаза под ними перебежали с Веньки на меня и обратно. Я и до сих пор не пойму, что у него были за глаза: то ли дурные, то ли наглые.

– Что это вы тут веселитесь? – сказал Венька, резким движением руки сдвигая кепку на затылок.

– Как? – спросил Шмуркевич, улыбаясь уже немного вымученно и наставляя ухо. – Что вы сказали?

– А он, оказывается, еще и глухой, – как бы между прочим заметил Венька. – В хорошую ты меня втравил историю: дом отдыха, тишь да гладь, жареные гуси плавают... Послушайте, уважаемый, как вас зовут?

– Шмуркевич, – с предупредительной готовностью сообщил Шмуркевич. – А вас?

– Вениамин Наумович, – сказал Венька. – Будем знакомы... Водку пьете?

– Пью, – смутился почему-то Шмуркевич, опустил брови и потупился. – Но совсем немного, чуть-чуть... Я ведь, знаете, страдаю сердечной болезнью... А, может, картошечки – я как раз отварил? Пшеницу есть, геркулесу полпачечки.

– Геркулес под водку, – отметил Венька. – А мыло у вас есть?

– Есть, – сказал Шмуркевич. – Хозяйственное.

– Лучше уж водку закусывать хозяйственным мылом, чем геркулесом, – сказал Венька латунным голосом.

– Есть еще сухарики – сам сушил, – продолжал Шмуркевич, – лавровый листик – еще одесский...

– Вы сказали – одесский? – насторожился Венька. – Лавровый лист?

– Ну да! – сказал Шмуркевич, вдруг распрямясь во весь рост и глядя на Веньку с вызовом. Он, видно, решил отыгаться на этом самом листе за венькино хозяйственное мыло. – Да, одесский. А что в этом удивительного? Вы думаете, в Одессе нет лаврового листа? Это просто глупо! Я заявляю вам как одессит...

– Так вы одессит? – строго спросил Венька, как бы требуя специального подтверждения этому важному и приятному факту.

– А почему бы мне не быть одесситом? – чуя подвох, позондировал почву Шмуркевич.

– Я не спрашиваю «почему», – кругло уставясь на Шмуркевича, сказал Венька, – интересный вы еврей... Вы еврей?

– Еврей, – признал несколько сбитый с толку Шмуркевич.

– Одесский еврейский старик, – сказал Венька.

– А вы что – не старик? – огрызнулся Шмуркевич.

– Я тоже старик, – сказал Венька, надвигая кепку обратно на лоб. – И тоже одесский... Несите картошечку, если не остыла.

– А товарищ ваш, – юля глазами засмеялся Шмуркевич, – он тоже? Наш? Ну... еврей?

– Кто это вам вбил в голову, что я – «ваш»? – сердито сказал Венька. – «Ваш», «наш»... чушь собачья. Что я вам, брат?

– Так, значит, он еврей, – мельком взглянув на меня, удовлетворенно сказал Шмуркевич.

После первой чашки водки Шмуркевич пригласил Веньку в соавторы.

– А что вы думаете, Вениамин Наумович, – сказал Шмуркевич, – мы заживем прекрасно, великолепно. Мы поделим все – и славу, и деньги: мне семьдесят пять процентов, вам – двадцать пять. У меня есть киносценарий о советском солдате, попавшем в плен к немцам. Там надо кое-что подчистить, кое-что изменить – самую малость... А потом мы вернемся в Одессу.

– А почему бы вам сейчас не вернуться в Одессу? – спросил Венька. – Чего вы торчите тут, на этой вонючей даче?

– У меня нет денег на дорогу, – грустно сказал Шмуркевич. – И, потом, я хочу встретиться с кинорежиссером Чухраем – очень, говорят, симпатичный человек.

– А Чухрай хочет с вами встретиться? – спросил Венька и скривил лицо, как будто сосал лимон. – Послушайте, Шмуркевич, вы знаете, что мир поделен на две неравные части?

– Да, – сказал Шмуркевич. – На богатых и на бедных.

– Нет! – категорически опроверг Венька.

– На дураков и на умных? – предположил Шмуркевич.

– Нет! – прокричал Венька, обмакивая картофелину в соль. – Я делю мир как бритвой: на тех, кто ест маслины, и на тех, кто не ест маслины. Середины здесь нет.

– М-да... – сказал Шмуркевич и пожевал губами. – Маслины. Это вы хорошо сказали...

Он явно не понимал, причем тут маслины.

– Вы любите маслины? – усмехнувшись, спросил Венька.

– Я – да, – сказал Шмуркевич. – Какой одессит не любит маслины? А вы любите копчущку?

Венька поглядел сначала на Шмуркевича, потом на меня и, покрывив губы, покачал головой. А потом отчаянно махнул рукой и плеснул себе в чашку из бутылки.

– Ну ты меня и втравил! – сказал Венька, выпив водку. – Ну, втравил...

Я шагал через мокрый, холодно шуршавший лес к последней электричке. Стены леса по обе стороны тропинки были высоки и черны. Ветер срывал с ветвей гроздь крупных, ледяных капель и швырял их в меня. Надо было мне остаться со стариками, в теплой сухой спальне, на рваной раскладушке.

Старики не уживутся друг с другом, думал я, глядя под ноги и переступая через лужи. Все это дело кончится скандалом, стариковским скандалом, – с криками, изысканными оскорблениями, с размахиванием руками. Надо бы приехать сюда через недельку.

Но приехал я только зимой, через три месяца – так уж вышло.

Я шел к даче той же тропинкой – теперь желто-белой, заснеженной. Вечер выдался морозный и сырой, и стены леса были свинцовыми. Кутаясь в воротник пальто, я представлял себе комнату стариков – и она виделась мне с этой тяжело поскрипывающей тропы сухой и уютной. Кто остался там – Венька или Шмуркевич, – я не знал. Но один из них должен был съехать, проиграв борьбу. С прочной позиции молодости я не делал в этой чужой борьбе поправки на старость участников. Один должен был выиграть, другой проиграть – это все. Проигравший – кем бы он ни оказался – не вызывал во мне жалости.

За лесом, в выстуженном поле, пошли сугробы. Ветер бил меня сбоку, а тяжелая хозяйственная сумка, в которой погромыхивали бутылки и банки, стучала по ногам. К даче я подошел в темноте; дом чернел посреди облезлого, заваленного снегом участка. В окошке спальни светился огонек, отбрасывая на синий снег нерезкую переплетчатую тень от рамы; легкая веточка дрогнула у меня под сердцем, дрогнула на миг и снова застыла, и я ощутил маленькую, приятную пустоту – там, ниже сердца. Мне захотелось увидеть Веньку в тепле комнаты.

Венька отворил дверь. В руках он держал граненый стакан с жидким чаем.

– Шмуркевич болеет, – сказал Венька. – Жалеть его надо! Торчал бы себе в Одессе, получал пенсию...

Шмуркеич сидел в спальне, на краю кровати. Нос его стал еще длиннее и розовей, а губы полиловели. Он сидел в двух своих ковбойках, поверх них был накинут драный плед. Ноги Шмуркевича, обутые в стоптанные, с обрезанными голенищами валенки, упирались в светящуюся золотисто-розовым сиянием электрическую плитку.

– Вот и товарищ ваш приехал, – сказал Шмуркевич и чуть-чуть подвинулся на кровати, словно бы предлагая мне место рядом с собой. – Оставайтесь у нас ночевать!

– Пейте чай, – сказал Венька. – Сахар я уже положил.

Я быстренько сварил на плитке пельмени и разогрел тушенку прямо в банке. В комнате приятно запахло жирным мясом.

– Попируем! – сказал Шмуркевич, потирая сухие ладошки. – Я же говорил – он придет.

– Мало ли что вы тут мне говорили... – проворчал Венька. – Водку вы пить не будете, слышите?

– Есть коньяк, – сказал я, разгибаясь над плиткой.

– Ну капните в чай, – сказал Венька Шмуркевичу. – Это вам можно.

– Я хочу мяса! – сказал Шмуркевич. – Какая ерунда! Кто вам дал право командовать, Вениамин Наумович?

Ужин прошел довольно-таки невесело. Мы с Венькой пили коньяк, закусывали пельменями и запивали мучнистой пельменной водичкой, изображавшей бульон. Шмуркевич поковырял мясо ложкой, оставил банку и задумался над чем-то... Спать легли рано, сразу после еды.

Я лег на раскладушке, старики – на кровати, рядышком. Шмуркевич растянулся на спине, подложив плед под голову. Так, на спине, лежать ему было легче и спокойней. Он напоминал какой-то странный механизм, разобранный, разъятый на детали для ремонта и смазки. Венька, наоборот, компактно скрючился на боку, накинув на себя пальто, из-под которого торчала его голова в кепке. Он занимал примерно вдвое меньше площади, чем расслабленно вытянутый Шмуркевич.

Я уже засыпал, когда до меня донесся шепот Шмуркевича:

– Я хочу вам сделать одно предложение, Вениамин Наумович...

– Я не девушка, Шмуркевич, – сказал Венька. – Ну, что за предложение?

– Вы любите землю?

– Какую землю? – Венька немного приподнялся на локте.

– Небольшой участок земли, с домиком, – сказал Шмуркевич. – Это под Одессой, всего километров пятнадцать. Я уже давно его присмотрел.

– Ну и что? – спросил Венька, возвышаясь над плоско лежащим Шмуркевичем.

– Там можно было бы разбить огородик, – сказал Шмуркевич. – Так, ничего серьезного: немного картошки, огурчики, укропчик... И моя пенсия. Нам бы хватило.

– Продолжайте, – чужим каким-то, далеким голосом сказал Венька.

– Да вот, собственно, и все, – сказал Шмуркевич. – Домик у самого моря, в двух шагах от моря.

– Так вы хотите его купить, этот домик? – спросил Венька, снял кепку и пригладил волосы ладонью. – А деньги у вас есть?

– При чем тут деньги! – злым шепотом прокричал Шмуркевич. – Деньги будут, мы же в конце концов продадим сценарий о пленном солдате. Да и либретто... Не в деньгах дело.

– В чем же дело? – спросил Венька, снова ложась и подтыкая под себя полы пальто.

– Этот домик стоит на территории военного дома отдыха, – горько сказал Шмуркевич. – И они там устроили летнюю кухню, вот в чем дело... Но если вы не любите землю, тогда не о чем говорить.

– Кто вам сказал, что я не люблю землю? – Венька грузно поднялся и сел, опершись спиной о белую, золоченную спинку кровати. – Что вы болтаете чепуху? Откуда у вас все эти дурацкие идеи, Шмуркевич?

– Двадцать пять лет назад я присмотрел этот домик, – сказал Шмуркевич, глядя в потолок. – А думал о нем еще раньше – с тех пор, как остался один. Разве я никогда вам не рассказывал? – Венька не ответил, сидел молча и неподвижно. – Когда началась война, – ровно продолжал Шмуркевич, – меня забрали рыть окопы. А всех моих – жену с ребенком и родителей – вывезли из города на пароходе. В пароход попала немецкая бомба... Мальчику было тогда полтора месяца.

– Я не знал, что у вас была семья, – пробормотал Венька. – Простите...

– Нет-нет, ничего, – сказал Шмуркевич. – Я думал, я вам рассказывал.

Я не хотел мешать старикам, да и разговор их затягивался, а заснуть я никак не мог. И я выволок мою раскладушку в коридор.

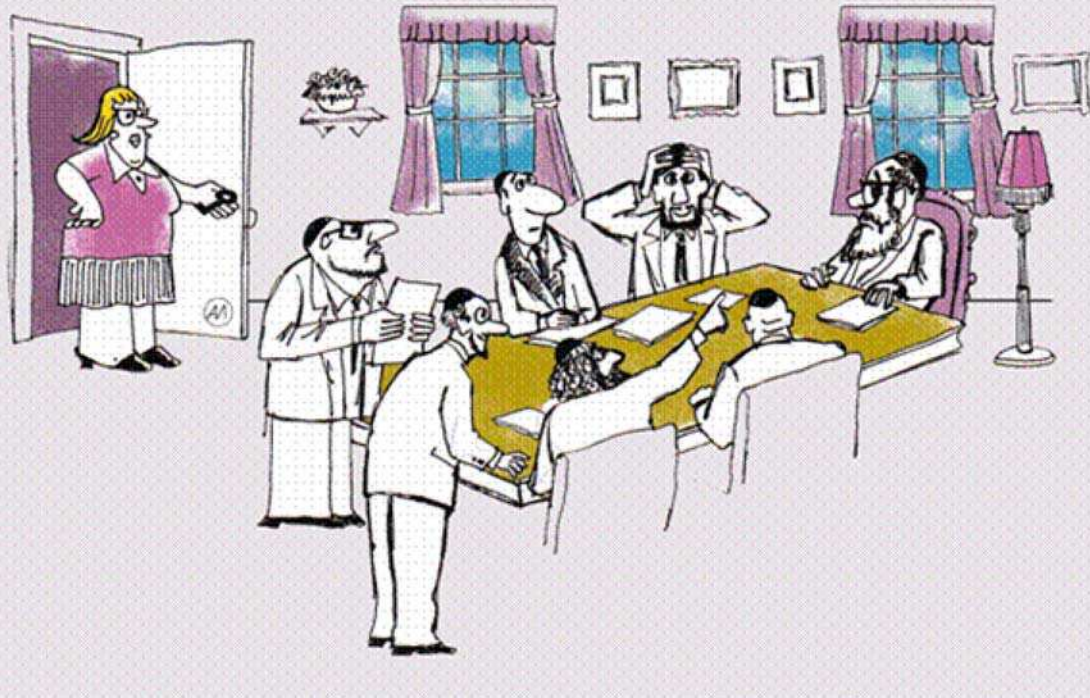
Проснулся я поздно: в маленьком оконце над дверью серело утро. Ёжась от холода, я вылез из-под моего пальто и босиком пошлепал в кухню – попить. Вода в ведре была ледяная.

Башмаки мои остались с ночи в комнате стариков, и я вошел туда, тихонько отворив дверь.

Шмуркевич лежал на спине, голова его на серой шее была высоко откинута. Его рука, вцепившаяся в клетчатую ткань рубахи и оттянувшая ее, окостенела.

Я вышел на цыпочках в коридор и плечом распахнул тяжелую дверь, ведущую на улицу. Двор был бел и бугрист, и на снегу чернела только одна тропка, протоптанная от крыльца дома к дощатому скворечнику уборной.

В стороне от этой тропки, среди снега, стоял Веня. Его спина, обтянутая пиджаком, тихонько покачивалась, как маленький черный колокол. Он молился. Слова «кадиша», звучавшие над снежной пустошью, казались стеклянными и страшными.

ЛЕХАИМ
ОКТАБРЬ 2002
ХЕШВАН 5763
 – 10 (126)

*נֹדָבָאֵעֹעִי
 װֹאָעִי אַ ײַ
 ײַעֵפֶן x
 אַאִי אִי אַײַ*

*ײַנאַע
 אַאִע אַאִען
 צײַ אַאִ*

В городке
 Хелме
 заведено
 было так:
 управляли
 всем глава

совета общины и старейшины, глупцы как на подбор. Звали главу совета Гронам Вол. А старейшинами были Тупица Лекиш, Зайнвл Остолоп, Трейтл Дурачина, Сендер Осёл, Шмендрик Олух и Файвл Бестолочь. Самым старым был Гронам Вол. Его седая борода курчавилась, лоб был высокий и крутой.

Дом у Гронама был большой, и старейшины обычно собирались у него. Генендл, первая жена Гронама, иной раз подавала им угощение: чай с печеньем и вареньем.

И был бы Гронам счастливым человеком, если б всякий раз после ухода старейшин Генендл не принималась бранить его за глупость. Она считала, что ее почтенный муж – простак из простаков.

Однажды после очередной ссоры Гронам сказал жене:

– Что толку в твоих попреках – старейшины-то уже ушли. Лучше ты всякий раз, как услышишь, что я сказал глупость, заходи в комнату и меня предупреждай. Я тут же перемену разговор.

– Да как же я могу при старейшинах сказать, что ты мелешь чушь? Если они узнают, какой ты дурак, не быть тебе больше главой совета.

– Раз ты такая умная, найди способ, – ответил Гронам.

Генендель немного поразмыслила и говорит:

– Придумала!

– Ну и?

– Как только ты начнешь говорить глупости, я войду и дам тебе ключ от сундука. Ты поймешь, что вел себя как дурак.

Гронам настолько понравилось это предложение, что он от радости захлопал в ладоши.

– Со мной рядом и ты умнеешь!

Через несколько дней старейшины снова собрались в доме Гронама. Обсуждали приближавшейся Швуэс, праздник, когда принято есть блинчики со сметаной. А в тот год сметаны было совсем немного. Весна выдалась засушливая, и коровы давали мало молока.

Старейшины теребили бороды и терли лбы, что означало: они усиленно напрягают мозги. Но ни один так и не догадался, как добыть сметаны к празднику.

И тут вдруг Гронам как стукнет кулаком по столу да как закричит:

– Придумал!

– И что же?

– Давайте издадим указ: воду называть сметаной, а сметану – водой. В колодцах Хелма воды предостаточно, и у каждой хозяйки будет по полному ведру сметаны.

– Вот это мысль! – воскликнул Сендер Осел.

– Гениально! – подхватил Зайнвл Остолоп.

– Только Гронам Вол мог найти такой замечательный выход, – заявил Тупица Лекиш.

Трейтл Дурачина, Шмендрик Олук и Файвл Бестолочь были того же мнения. Файвл Бестолочь, секретарь общины, достал перо и записал на листе пергамента новый указ. Отныне воду надлежало называть сметаной, а сметану – водой.

Покончив с делами, старейшины, как обычно, перешли к беседе на более широкие темы.

Гронам сказал:

– Прошлой ночью я глаз не сомкнул, все размышлял, почему летом так жарко. Но ответ таки нашел.

– И почему же? – воскликнули старейшины хором.

– Потому что всю зиму топят печи, жар от них скапливается, вот в Хелме летом и стоит духота.

Старейшины закивали головами, и только Тупица Лекиш спросил:

– Тогда почему же зимой холодно?

– Понятно почему, – ответил Гронам. – Летом печей не топят, вот на зиму жара и не остается.

Старейшины вновь изумились великой мудрости Гронама. Однако, утомившись от таких напряженных умственных усилий, они стали поглядывать в сторону кухни: ждали, когда же появится Генендл с чаем, печеньем и вареньем.

И Генендл пришла, но вместо подноса принесла ключ, отдала его мужу и сказала:

– Гронам, вот ключ от сундука.

Уж сегодня-то Гронам был полностью уверен, что говорил умно. Но вот она, Генендл – стоит перед ним с ключом в руках, и, выходит, опять он сморозил глупость. Он так рассердился, что, обернувшись к старейшинам, спросил:

– Какую такую глупость я

сказал, что жена принесла мне ключ от сундука?

Старейшин его вопрос озадачил, и Гронаму пришлось объяснить: они с Генендл договорились, что каждый раз, как он скажет глупость, она будет приносить ему ключ.

– Но разве сегодня речи мои не были исполнены высокой мудрости? Рассудите нас.

Старейшины были возмущены поведением Генендл.

– Мы – старейшины Хелма, и мы знаем и понимаем все. Не пристало женщине говорить нам, что умно, а что глупо.

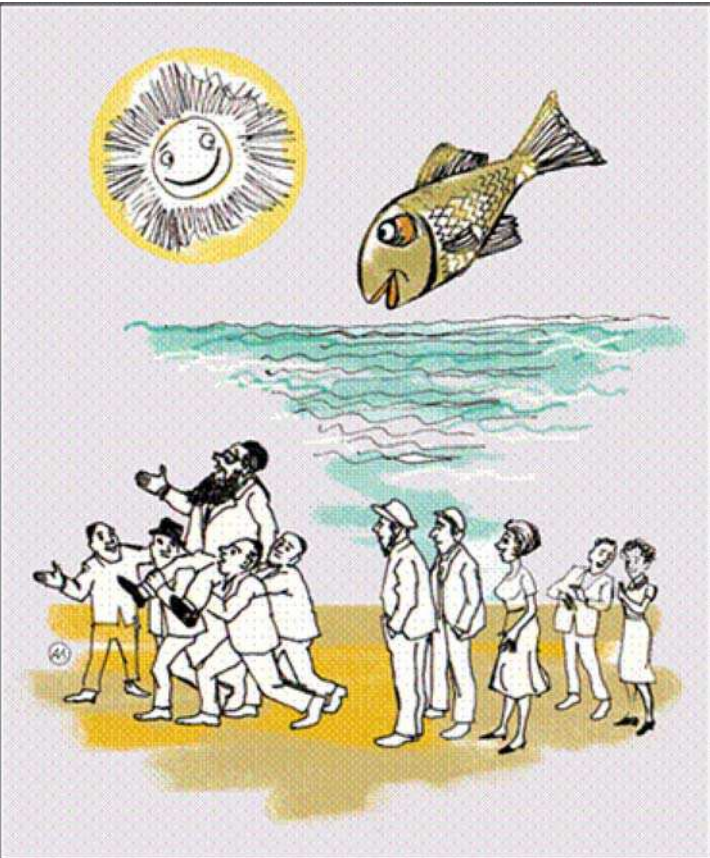
Они обсудили случившееся и приняли новое постановление: Генендл обязана всякий раз, как решит, что муж говорит глупости, приносить ключ и отдавать его старейшинам. Если старейшины будут с ней согласны, они попросят Гронама переменить тему. А нет, так она должна будет дать им по двойной порции чая, печенья и варенья, а еще – по три блинчика на каждого мудреца.

Файвл Бестолочь тут же записал новое постановление на пергаменте и скрепил его печатью Хелма, на которой был изображен вол с шестью рогами.

С того дня Гронам мог говорить на собраниях совершенно свободно, поскольку Генендл была прижимиста. Ей вовсе не хотелось, чтобы старейшины Хелма лакомились ее блинчиками.

На Швуэс в Хелме не было недостатка в «сметане», но некоторые хозяйки жаловались на нехватку «воды». Однако решать, как справиться с новыми трудностями, предстояло уже после праздника.

Гронам Вол прославился во всем мире как мудрец, который, издав указ, дал Хелму целую реку и множество колодцев сметаны.

ХЕЛМСКИЕ ДУРАКИ И ГЛУПЫЙ КАРП

В городе дураков Хелме на Шабос каждая хозяйка покупала рыбу. Богатые покупали рыбу покрупнее, бедные – помельче. Покупали в четверг, потрошили, разделявали, в пятницу готовили из нее гефилте фиш – фаршированную рыбу, а ели ее уже в Шабос.

Как-то поутру в четверг дверь дома Гронама Вола, главы хелмской общины, открылась и вошел Зайнвл Остолоп с ведром воды. В ведре был здоровенный живой карп.

– Это что такое? – спросил Гронам.

– Подарок от хелмских мудрецов, – сказал Зайнвл. – Это самый большой карп из всех, что водятся в Хелмском озере, и мы все решили отдать его вам – в знак того, как мы ценим вашу неизбывную мудрость.

– Большое вам спасибо, – ответил Гронам Вол. – Моя жена, Ента-Пеша, будет в восторге. Мы с ней оба очень любим карпа. Я прочел в одной книге, что съевшему мозг карпа прибавляется мудрости, и хотя в Хелме и так все исключительно умны, еще немного мудрости никогда не помешает. Но дай-ка я рассмотрю его получше. Мне говорили, что чем больше у карпа хвост, тем больше мозг.

Гронам Вол был близорук, и когда он наклонился над ведром, чтобы разглядеть, какой у карпа хвост, карп сделал то, что заставило Гронама усомниться в его мудрости. Он взмахнул хвостом и шлепнул Гронама по щеке.

Гронам был ошеломлен.

– Никогда со мной ничего подобного не случилось! – воскликнул он. – Не могу поверить, что этого карпа поймали в хелмском озере. Хелмский карп такого себе бы не позволил.

– В жизни не видывал настолько подлой рыбины! – согласился с ним Зайнвл Остолоп.

Хелм хоть и большой город, но новости там распространяются быстро. В мгновение ока все хелмские мудрецы собрались в доме своего главы Гронама Вола. Пришли и Трейтл Дурачина, и Сендер Осел, и Шмендрик Олух, и Тупица Лекиш.

– Не стану я есть в Шабос этого карпа, – заявил Гронам Вол. – Рыба эта глупая, да в придачу и злобная. Съешь я его, не мудрее бы я стал, а глупее.

– Что же мне с ним делать? – спросил Зайнвл Остолоп.

Гронам Вол приложил палец ко лбу, чтобы все видели: он глубоко задумался. Но вскоре он воскликнул:

– Никому в Хелме – ни человеку, ни какой другой твари – не позволено бить по щеке Гронама Вола. Эту рыбу следует наказать.

– Но какое же мы изберем ему наказание? – удивился Трейтл Дурачина. – Всякую рыбу все равно убивают, а убить дважды невозможно.

– Надо убить его не так, как убивают прочих рыб, – сказал Сендер Осел. – Мы придумаем для него иную смерть и тем самым покажем, что никому не позволено бить по щеке нашего возлюбленного мудреца Гронама Вола.

– Что же это будет за смерть? – недоумевал Шмендрик Олух. – Может, мы посадим его в тюрьму?

– В Хелме нет тюрьмы для рыб, – сказал Зайнвл Остолоп. – А на ее строительство уйдет много времени.

– Давайте его повесим, – предложил Тупица Лекиш.

– Да как же карпа повесишь? – удивился Сендер Осел. – Вешают за шею, а у карпа шеи нет, поэтому его никак не повесишь.

– Я бы посоветовал бросить его на съедение собакам, – сказал Трейтл Дурачина.

– Нельзя, – возразил Гронам Вол. – У нас в Хелме собаки умные и скромные, но если они съедят этого карпа, то, возможно, станут такими же глупыми и злыми, как он.

– Так что же нам делать? – спросили остальные мудрецы.

– Не следует торопиться с решением, – ответил им Гронам Вол. – Карпа мы оставим в ведре, а дело рассмотрим со всей тщательностью. Я – мудрейший человек в Хелме и обязан вынести приговор, от которого придут в восторг все жители нашего города.

– Если карпа оставить в ведре надолго, он может умереть, – заметил Зайнвл Остолоп (он прежде торговал рыбой). – Чтобы он выжил, надо поместить его в большой чан и почаще менять воду. А еще его надо хорошенько кормить.

– Ты прав, Зайнвл, – ответил ему Гронам Вол. – Пойди, отыщи самый большой в Хелме чан и проследи, чтобы карп дожил до дня суда. Когда я приму решение, я вам его сообщу.

Слова Гронама конечно же были для Хелма законом. Пятеро мудрецов отыскали самый большой в Хелме чан, наполнили его свежей водой и выпустили туда преступника-карпа, накидав ему хлебных крошек, кусочков халы и прочих лакомств, которые могли прийти карпу по вкусу. Шлемиля, телохранителя Гронама, поставили у чана, чтобы никакая жадная домохозяйка не сделала из заключенного гефилте фиш.

Случилось так, что Гронаму Волу надо было принимать решения по множеству других вопросов, и он все откладывал вынесение приговора. Однако карп не проявлял нетерпения. Он ел, плавал в чане и стал еще толще, чем был: похоже, он не осознавал, что над ним занесен меч правосудия. Шлемиль часто менял воду, поскольку ему сказали, что если карп умрет, это будет расценено как неуважение к Гронаму Волу и хелмскому суду. Водонос Юкл каждый день зарабатывал по несколько грошей сверх обычного, потому что доставлял воду для карпа. Некоторые хелмские жители, из тех, кто недолюбливал Гронама Вола, распускали слухи, будто Гронам просто-напросто не может найти подходящего наказания для карпа и ждет, когда тот умрет собственной смертью. Но их, как всегда, ожидало большое разочарование. Прошло с полгода, и однажды утром приговор был оглашен, а когда он был оглашен, изумился весь Хелм. Карпа надлежало утопить.

Гронам Вол и прежде выносил немало умнейших приговоров, но ни один из них не мог сравниться с нынешним. Даже его враги были поражены мудростью вердикта. Именно такой смерти заслужил злодей карп с большим хвостом и крохотными мозгами.

В тот день весь Хелм собрался на берегу озера – посмотреть, как приговор будет приведен в исполнение. Карпа, увеличившегося в размерах по меньшей мере в два раза, доставили к озеру в фургоне, в котором возили на смерть самых злостных преступников. Били барабаны. Гремели трубы. Хелмский палач вытащил тяжеленного карпа и швырнул, подняв сноп из брызг, в озеро.

И все жители Хелма закричали:

– Позор карпу-предателю! Да здравствует Гронам Вол! Ура!!!

Восхищенная толпа подхватила Гронама на руки, и под звуки торжественных песнопений он был отнесен домой. Хелмские девушки забросали его цветами. Даже Ента-Пеша, его жена, которая частенько ругала Гронама и осмеливалась называть дураком, была в восхищении от его высокого ума.

В Хелме, как везде, были и завистливые люди, из тех, что к любому готовы придрасться, они-то и заговорили об отсутствии доказательств: кто, мол, знает, действительно ли карп утонул. С чего карпу тонуть в озере? – удивлялись они. Каждую пятницу гибнут сотни ни в чем не повинных рыб, говорили они, а этот карп сколько месяцев жил припеваючи на деньги налогоплательщиков, а потом целым и невредимым был выпущен обратно в озеро, где посмеивается себе над хелмским правосудием.

Но немногие прислушивались к этим наветам. Ведь прошло много месяцев, а карпа так и не поймали, а это – верный признак того, что он мертв. Конечно, карп мог решить впредь вести себя осторожнее и избегать рыбачьих сетей. Но откуда в глупом карпе, который залепил Гронаму Волу пощечину, взяться такой мудрости?

Однако на всякий случай хелмские мудрецы издали указ, по которому в случае, если подлый карп отказался утонуть и будет пойман вновь, для него построят специальную тюрьму – бассейн, куда он будет заключен пожизненно.

Указ этот был напечатан большими буквами в хелмской городской газете и подписан Гронамом Волем и его пятью помощниками – Трейтлом Дурачиной, Сендером Ослом, Шмендриком Олухом, Зайнвлом Остолопом и Тупицей Лекишем.

ДЕНЬ, КОГДА Я ПОТЕРЯЛСЯ

Глава из автобиографии профессора Шлемиля*

Узнать меня нетрудно. Как увидите на улице человека в пальто не по росту, в сваливающихся с ног ботинках, в мятой широкополой шляпе, в очках без одного стекла и с зонтиком даже в солнечный день – можете быть уверены: это я, профессор Шлемиль. Есть еще множество примет, указывающих на то, что это именно я. По карманам у меня рассованы газеты, журналы и прочие бумаги. С собой я ношу битком набитый портфель и вечно все путаю. В Нью-Йорке я живу сорок с лишним лет, но всякий раз, как еду на окраину, оказываюсь в центре, а если мне надо на восток, то обязательно держу путь на запад. Еще я всегда опаздываю и никогда никого не узнаю.

Я ничего не кладу на место. По сто раз на дню я спрашиваю себя: где моя ручка? Где бумажник? Где носовой платок? Куда подевалась записная книжка? Я – типичный рассеянный профессор.

Уже много лет я преподаю в одном и том же университете философию, но никак не могу запомнить, где какая аудитория. Лифты надо мной словно издеваются. Мне надо подняться наверх, а я непременно спускаюсь в подвал. И дня не проходит, чтобы меня не прихлопнули двери лифта. Эти двери – мои заклятые враги.

Мало того, что я все всегда путаю и теряю, я еще на редкость забывчив. Зайду, например, в кофейню, повешу пальто, а потом уйду без него. А когда наконец вспоминаю и хочу за ним вернуться, оказывается, что уже забыл, куда заходил. Я теряю шляпы, книги, зонтики, галоши, но главное, я теряю рукописи. Порой забываю даже собственный адрес. Как-то вечером я торопился домой. Шофер такси спросил: «Куда ехать?» А я не мог вспомнить, где живу.

– Домой! – ответил я.

– Где ваш дом-то? – спросил он изумленно.

– Не помню.

– А звать-то вас как?

– Профессор Шлемиль.

– Профессор, – говорит шофер, – я вас доставлю к телефонной будке. Там в справочнике и ищите свой адрес.

Он довез меня до ближайшей аптеки, где был телефон-автомат, но ждать отказался. На пороге аптеки я понял, что оставил портфель в машине. С криком «Портфель! Портфель верните!» я бросился за такси, но машина была уже далеко.

В аптеке я нашел телефонный справочник, но к своему ужасу обнаружил, что среди множества имеющихся в нем Шлемилей меня нет. И тут я вспомнил: несколько месяцев назад миссис Шлемиль решила сменить номер и не вносить его в телефонную книгу. Причиной тому были мои студенты, которые запросто звонили мне посреди ночи и будили весь дом. А еще частенько кто-нибудь звонил совсем другим Шлемилям и по ошибке попадал к нам. Решение разумное, спорить не приходится, но как же мне добраться до дому?

Обычно у меня в нагрудном кармане лежит несколько адресованных мне писем. Но именно в тот самый день я решил навести порядок и все из кармана вынул. Был день моего рождения, жена пригласила в гости наших друзей. Она испекла огромный торт, украсила его свечками. Я представил себе, как друзья, собравшись в гостиной, ждут меня. А я стою в аптеке и никак не могу вспомнить собственный адрес.

И тут в памяти всплыл номер моего друга, доктора Модерхеда, и я решил позвонить за помощью ему. Трубку сняла какая-то девушка.

– Доктор Модерхед дома?

– Нет, – ответила она.

– А его жена?

– Их обоих нет, – сказала девушка.

– Вы не подскажете, где их можно найти? – спросил я.

– Точно не знаю, я – приходящая няня, но, кажется, они пошли в гости к профессору Шлемиллю. Вы хотите им что-нибудь передать? Давайте я запишу ваше имя.

– Меня зовут профессор Шлемиль.

– Они час назад поехали к вам, – сообщила девушка.

– А вы не могли бы сказать, куда именно?

– Я же говорю, к вам домой.

– Не знаете ли вы, где я живу?

– Вы что, шутите? – возмутилась девушка и повесила трубку.

Я попробовал дозвониться еще до нескольких приятелей, чьи телефоны я помнил, но везде получал один и тот же ответ: «Ушли в гости к профессору Шлемиллю».

Я стоял в полной растерянности на улице, и тут пошел дождь. Где же зонтик? – подумал я. И тотчас понял: где-то его оставил, да только где? Я встал под навес. Дождь шел стеной. Сверкали молнии, грохотал гром. Весь день было тепло и ясно, но теперь, когда я сам потерялся и потерялся мой зонтик, естественно, разразилась гроза. И, похоже, будет бушевать всю ночь.

Чтобы отвлечься, я погрузился в размышления о древней как мир философской проблеме. Курица откладывает яйцо, думал я, и из него вылупляется цыпленок. Так было всегда. Каждая курица появляется из яйца, а яйцо – из курицы. Но что было прежде: курица или яйцо? На этот извечный вопрос не нашел ответа ни один философ. Однако ответ обязательно должен быть. Возможно, отыскать его суждено именно мне, Шлемиллю.

По-прежнему лило как из ведра. Ноги у меня промокли, я продрог до костей. Начал чихать, хотел вытереть нос, но и платок куда-то исчез.

И тогда я увидел большого черного пса. Он стоял под дождем и грустно смотрел на меня. Я сразу догадался, что с ним приключилось. Он потерялся – как и я. Тоже, наверное, забыл, где живет. Я проникся состраданием к этой безвинной твари. Подозвал его, и он опроретью кинулся ко мне.

– Мы с тобой в одинаковом положении, дружище, – сказал я. – Я – человек-шлемиль, а ты – пес-шлемиль. Может, у тебя тоже сегодня день рождения, и собрались гости тебя поздравить. А ты тут мокнешь под дождем, и твой хозяин сбился с ног, повсюду тебя разыскивая. И ты, наверное, так же, как я, умираешь с голоду.

Я потрепал пса по мокрой морде, и он завилял хвостом.

– Что со мной будет, то и с тобой, – сказал я. – Пока мы оба не найдем своего дома, я с тобой не расстанусь. А если твой хозяин не объявится, останешься при мне. Давай лапу. – Пес протянул мне правую лапу. Сомнений не было: он меня понял.

Проезжавшее мимо такси окатило нас водой. Но вдруг оно остановилось, и кто-то закричал:

– Шлемиль! Шлемиль!

Дверца машины распахнулась, из нее высунулся мой друг.

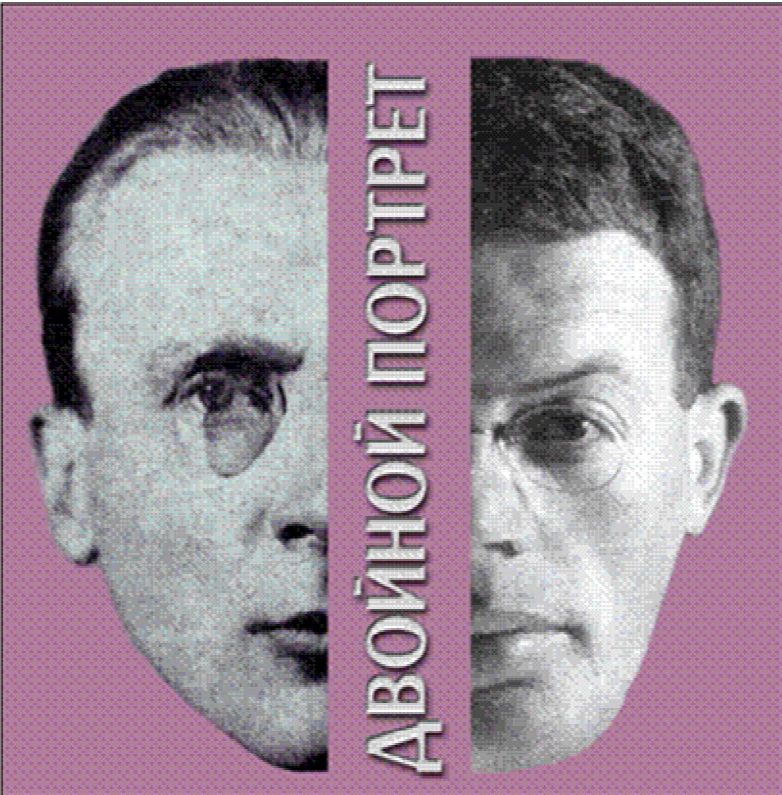
– Шлемиль! – воскликнул он. – Что ты здесь делаешь? Ждешь кого-нибудь?

– А ты куда едешь? – спросил я.

– Естественно, к тебе. Прости за опоздание, но меня задержали дела. Впрочем, лучше поздно, чем никогда. Ты-то почему не дома? И чья это собака?

– Не иначе как тебя послал

Г-сподь! – обрадовался я. – Что за удивительный вечер! Я забыл собственный адрес, оставил портфель в такси, потерял зонтик и понятия не имею, куда подевались галоши.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2002 ХЕШВАН 5763 – 10
(126)

Двойной портрет

Арье-Лейб при участии
Пинхаса Коца

15 октября 1897 года в Одессе
родился Ильф.

/

Михаил Афанасьевич Булгаков
был пророком. Хотя некоторым казалось,
что он смотрит назад. Один остроумный
сослуживец заметил:

– Что вы хотите от Миши? Он только-только, скрепя сердце, признал отмену крепостного права. А вам надо сделать из него строителя нового общества!

Представьте, это сказал Ильф.

При всем своем уме он был человеком несколько провинциального мышления. Его выручала злость. И наверное, болезнь... Была в нем, зажимаемая и зажатая, южная одесская восторженность.

Безграничности одинаково подвержены люди разных национальностей. Но если схематизировать и договориться об условности выводов, то местному человеку свойственна скорее необъятность пространственная. Это видно по Маяковскому и Есенину. Хотя у первого – явственней благодаря размерам и росту. А со вторым – сложнее.

Есенин всегда кричит. Даже шепотом. Внутренне. Когда думает... Кричит, плачет, смеется. Бьет себя в грудь, как по рельсу во время пожара. Поет, клянется, проклинает, ругается... И все – очень громко. В пространство. Чтобы услышали в целом мире. Никогда голос его не обращен вглубь, в историю. А только – на ветер.

Вероятно, это идет от молодости. Не Есенина. А народа.

В Бресте встретился мне когда-то тамошний уроженец. Взятый в царскую армию. Затем – в Красную. Затем – направленный в партизанский отряд к себе на родину, отошедшую к «панской» Польше.

Из таких людей получились замечательные разведчики: Орловский, Ваупшасов, Корж и другие, которые в далеком году перешли границу и трудились посменно: то в органах, то в сельском хозяйстве. И дожидались военного года, чтобы засесть по лесам и стать Героями с золотой звездочкой.

Брестский уроженец, однако, остался на родине. Польское правительство объявило амнистию, и по молодости лет забрали его на действительную. И после папахи с

орлом, буденовки со звездой, партизанского малахая влезла ему на маковку жесткая и будто накрахмаленная конфедератка.

Отслужив, поступил он в еврейский охотничий клуб. В качестве швейцара. А мог бы – инструктором. Не знаю, кого они там отстреливали (наверное, кабанов в Беловежской пуше), но человек у входа, подававший пальто и принимавший чаевые, очень бы им пригодился. Положим, по части меткости кой у кого получалось лучше. А кто-то другой превосходил его терпеливостью в засаде (сомнительно, но допустим). А третий разбирался в повадках животных более, так сказать, досконально...

Но повстречавшийся мне человек научил бы банковских служащих и приказчиков, зубных врачей и журналистов, и даже, глядишь, их спутниц и дам посылать смерть не в загривок лохматого зверя и не в расчерченный кругами картонный диск. Он поделился бы опытом по убиванию человека. Отсыпал бы этого опыта, как махорку. Отрезал, как пайку в голодные времена. Вырвал бы из себя, как лучшую страницу.

Немцы заняли Брест. Охотники сдали оружие. И каждое утро видел бывший швейцар, как водят их мимо в сопровождении единственного конвойного. За полтора года никто не выбежал из рядов с маленьким зажатым револьверчиком. Или с камнем за пазухой. Или с нацеленным побелевшим кулаком.

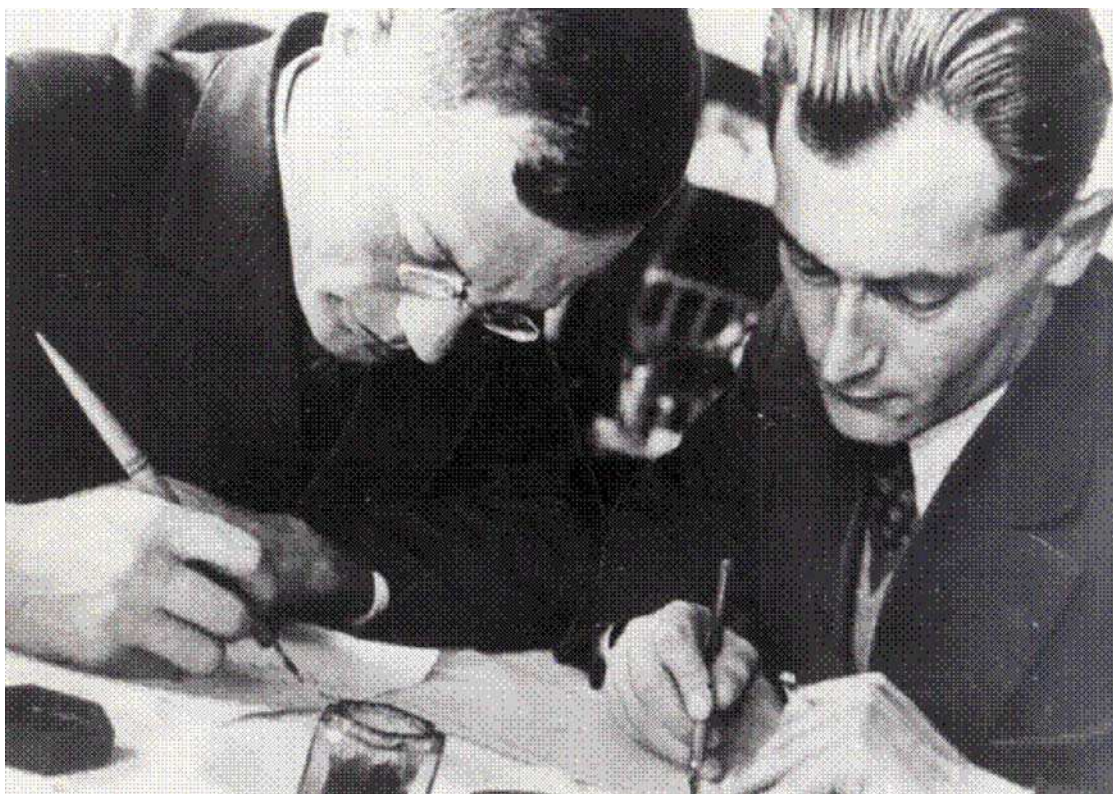
Не будем ничего говорить. Мы не шли в тех рядах. И не будем ничего говорить. Была тысяча причин для покорности. И – любая по счету, шедшая рядом, тощая и долговязая, с черными глазами навывлет – наша библейская обреченность.

Не буду распространяться, но это ведь не вы – не Корж, Ваупшасов и Орловский, не швейцар, Есенин и Маяковский – не вы дрались с римлянами чёрт-те когда до нашей эры, не ваш город распахали до основания и не вас распродали в рабство по всему миру...

Сейчас их убьют. Не хочу, не хочу, не хочу... Давайте лететь в далекие сферы романтики, бумажных (писанных на бумаге) умных противоречий и выстраивать слова и понятия безотносительно к той колонне безоружных охотников.

Опуская презрительное недоумение бывшего швейцара, я скажу вам: они погибли потому, что твердо знали две вещи. Первая: *нас все равно убьют*. Вторая: *нас никогда не убьют*.

Та историческая протяженность, в которую, по рождению, был помещен Илья Арнольдович Файнзильберг, придумавший себе фыркающий псевдоним Ильф, помогала ему без боли наблюдать окружающую действительность. Его древнее прошлое действовало, как укол, когда зуб замораживают, прежде чем вырвать.

Эти оледенелые люди самых разных национальностей производили гигантский эксперимент над живой землей. Им было не больно под воздействием холода. Они промерзли до костей, но не избежали Крайнего Севера и Магадана. И многие, даже вернувшись оттуда, не оттаяли.

Где-то в межвоенных годах, в середине, Ильф и Петров напечатали фельетон «Безмятежная тумба». Кроме прочих фактов, есть там и такой. Почему, спрашивают соавторы, как только построят дом, сразу же забивают парадный подъезд и бедолага-жилец плетется по черной лестнице, натываясь на ведра с известкой и оступаясь?

Я прочел это в послевоенном году. И был, прямо скажу, обескуражен. Факт, сообщаемый в фельетоне, вполне соответствовал реальному положению. Значит, прошло столько-то и столько-то лет, а парадное заколачивают.

В моей сквозной безмятежной башке все было просто: мы идем вперед, к вершинам и высотам, исправляя на ходу частные недостатки. Стоит на них указать, на недостатки, и готово дело. Для того, собственно, газеты и существуют.

И вот – указано. Столько-то лет прошло. И ни с места. Выходит, есть причина. Та самая, что в философии называется «объективной»...

Мне понадобилось жениться и стать отцом, чтобы кое-что сообразить. Парадное нельзя отпереть, ибо на другой день там будет пахнуть мочой и водкой. Или нужно нанять швейцара.

Вам, в вашем нынешнем элитном доме с домофоном и лифтером-привратником, эта мысль не покажется странной. Но меня необходимость швейцара отбрасывала за пределы пространства и времени.

Тот человек из Бреста – швейцар у местных охотников – он получил свою должность в «панской» Польше. А у нас бывшие его товарищи, я говорил, пошли по партийной и прочей линии. Это там, там швейцары, понимаете?

Но Михаил Афанасьевич Булгаков знал наперед, чем оно кончится. Что без швейцаров и домофонов не обойтись. Пропал Калабуховский дом! – горюет швейцар в его повести.

А Ильф посмеивался. Подумаешь, какой-то дом, когда дело идет о мировой революции. О коренном переустройстве человеческих отношений!.. Силы небесные, какие гигантские, сногшибательные метаморфозы они тут в России запроектировали!

Булгаков был сыном профессора богословия. И жил в Калабуховском доме. И был изгнан. В отличие от Ильфа он ничего не приобрел в 1917 году, а только потерял. И оттого знал цену потерянного.

Но Аннушка, – как сказано у него, – уже разлила подсолнечное масло. И кто-то, значит, споткнется на скользких трамвайных путях и сломит себе шею.

II

Ài àiòí îðéíã

В железнодорожную газету «Гудок», – сообщает исследователь, – пристроил Булгакова некто Арон Исаевич Эрлих – «симпатичный журналист Абрам» из неоконченной повести.

Туда же, в «Гудок», несколько позже поступил Ильф.

Теплое отношение друг к другу они сохранили на всю жизнь.

1. Уподобление

«Калоши в Москве, – говорил Ильф, – носит только один человек – Михаил Булгаков».

То есть сравнивает его с гимназическим латинистом Беликовым, который, вы помните, «замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком» (Чехов. «Человек в футляре»).

2 Îí íá àiíîñé èàò àééèçí îá

(Ильф. «Записная книжка». 1928)

Там же – отзвук «Собачьего сердца»:

Ôèðí à «Ôàðééíá è Îáèèíééíá»

3. Когда Булгаков написал последний роман, Ильф будто бы посоветовал убрать евангельскую линию. Глядишь, может быть, напечатают.

– И это – лучшие из них! – будто бы воскликнул Булгаков.

Или тихо промолвил? Или горько усмехнулся?

Ááàò î áú... ááàò î áú...

4. Á-æáñò ááí í úé Øáì èðí

В поздней записной книжке (1936 – 1937) Ильф набросал несколько сцен, как римляне занимают Одессу:

Это был молодой офицер. Впрочем, не надо молодого. Его обязательно будут представлять в красивом военном наряде. Пусть лучше – пожилой человек, грубоватый, даже неприятный. Он уже участвовал в нескольких тяжелых, нудных походах. Он уже знает, что одной доблести мало, – многое зависит от интендантства. Например, доставили такие подбородные ремни, что солдаты отказываются носить. Они раздражают подбородки в кровь, – такие жесткие.

Итак, это был немолодой римский офицер. Его звали Гней Фульвий Криспин. Когда вместе со своим легионом он прибыл в Одессу и увидел улицы, освещенные электрическими фонарями, то несколько не удивился – в Персидском походе встречалось и не такое...

Криспин действует у Пушкина, но не в «Романе из римской жизни», а в родимой местности: *Криспин приезжает на ярмонку – его принимают за...* Ну и т.д., замысел, подаренный Гоголю для «Ревизора».

Не настаиваю, что Криспин из «Записных книжек» – ответ булгаковского Пилата... Но вот иная отчасти знакомая фигура.

Фамилия буфетчика – Воскобойников. Он уже подумывал об обмене ее на более латинскую. Или о придании ей римских корней. Публий Сервилий Воскобойников. Это ему нравилось.

Позаимствовал Ильф буфетчика, придумал ли самостоятельно, только, подобно Булгакову, опередил (определил!) время, которое официально именовалось «безбожным». То есть языческим:

Божественный Клавдий! Б-жественный Клавдий! Что вы мне морочите голову вашим Клавдием! Моя фамилия Шапиро, и я такой же божественный, как Клавдий!

Я божественный Шапиро и прошу воздавать мне божеские почести.

Кто знает, не сочинял ли Ильф ту самую книгу, которую рекомендовал написать Булгакову, – чисто ветхозаветную, без евангельской линии...

5. Áá-í úé áí ðíñ (ææáí æç ááò ðí áí í á)

Воланд. Но ведь в России есть евреи?

Бендер. Есть.

Воланд. Значит, есть и вопрос?

Бендер. Нет. Евреи есть, а вопроса нету.

Воланд. Что-то у вас, чего ни хватишься, ничего нет.

6. Í à ì ð è à ì á

Людоедка Эллочка («Двенадцать стульев») пришла к профессору Преображенскому («Собачье сердце»).

Людоедка. С каким экспозантым мужчиной я познакомилась!

Профессор. В смысле – импо?

Людоедка. Что вы? С этим как раз порядок!

7. È p à è ì ú é à ì á è à ì ò è p à ì á è è Y è è ì : è è

У гимназистки спрашивают: «Чем занимается ваш папа?» Ответ: «Онанизмом».

Здесь, – говорит Ильф, – людоедка хихикала.

Ñ à ì ð ò : ó à ì ò à à ì í ì ò ù

Некоторые женщины, – отмечал Ильф, – возбуждаются даже от галстука.

8. È ç à ì á à à è è à Á è à ì ú Ñ à ì ð à à ì ú Á ó è à è ì à è

Ильф и Петров – не только прекрасные писатели, но и прекрасные люди. Порядочны, доброжелательны, честны, умны, остроумны.

Она же, Елена Сергеевна:

– Когда в жизни Булгакова разразилась очередная катастрофа, приходил Ильф, предлагал деньги...

9. Í à è à ì ó í á

Благодаря Ильфу (его страсти фотографировать) мы видим Михаила Афанасьевича Булгакова на похоронах Маяковского, 17 апреля 1930 года.

Справа – Катаев, слева – Олеша. День солнечный. Белые колонны «Грибоедова» (то есть Дома Герцена, нынешнего Литинститута). Удаляется чья-то спина...

Булгаков в шляпе. Опустил голову. И очень грустный... Завтра ему позвонит Сталин.

10. Ёҫ аї аї еєа Аёёаёіаї

Ильф приехал из Самары. Там два трамвая. Один: *площадь Революции – тюрьма*. Другой: *Советская площадь – тюрьма*.

Все дороги, – заключает Булгаков, – ведут в Рим.

Нет (*набираю вразрядку*), запишем иначе:

Њіааò іаї

Петров приехал из Самары. Там два трамвая. Один: *площадь Революции – тюрьма*. Другой: *Советская площадь – тюрьма*.

– Чего другого, – сказал Ильф, – а транспортную проблему они разрешили.

11. Тандем

Ильф лежит на диване и диктует. Петров быстро записывает.

– Вот так мы и работаем, – говорит Ильф, – вдвоем.

В смысле – теперь так работаем. Когда я, Ильф, заболел и свалился...

Однако и прежде, при полном равноправии, Ильф считался (и был), если не главным, то старшим.

«В отношении себя мы убеждены, – уверяли соавторы, – что каждый из нас в отдельности писал бы хуже, чем мы пишем вдвоем».

12. Nĩ àòáí í úé àðàé

Ильф женился на Марии Николаевне Тарасенко. Супруга Петрова – Валентина Леонтьевна Грюнзайд.

Встречались, однако же, и другие люди. Лев Гумилев сказал Эмме Герштейн: «Переходите в православие».

13. Êĩ ðĩ ò éàÿ í àì ÿ ò ù

Ильфа дразнили в детстве:

Dĩæéé, éðàĩĩ úé,

× àéĩ àé ï ï àĩĩ úé!

Тогда еще помнили, что рыжим был Иуда.

14. Ĩ ðĩ ù áóáá ò àé, éàé ï ĩéó-ééĩĩĩ

Время делает его другим, – предсказала Мария Николаевна Ильф. – Уже сейчас его делают другим. Для литературы, для истории. Даже я, которая много знает о совместной работе, не должна и не могу говорить об этом.

15. Ĩ à ÿééóðĩéé

Евгений Петров и художник Борис Ефимов внезапно столкнулись в Италии.

– Вот это встреча! – закричал Петров. – Подумайте, Боря! Мы будем гордиться всю жизнь! Будем, наверное, говорить так: «Что-то мне ваше лицо знакомо... где я вас видел в последний раз? В “Огоньке”? Нет. В Доме писателя? Нет. На Клязьме?.. А-а, вспомнил! В кратере Везувия!»

16. Êç ï ðĩ àé ò à Êóéðĩ ĩ ééĩĩ á Áóáó ù àÿ àééàÿ áóáó ĩ éó ï àì ÿ ò ĩ ééĩ á

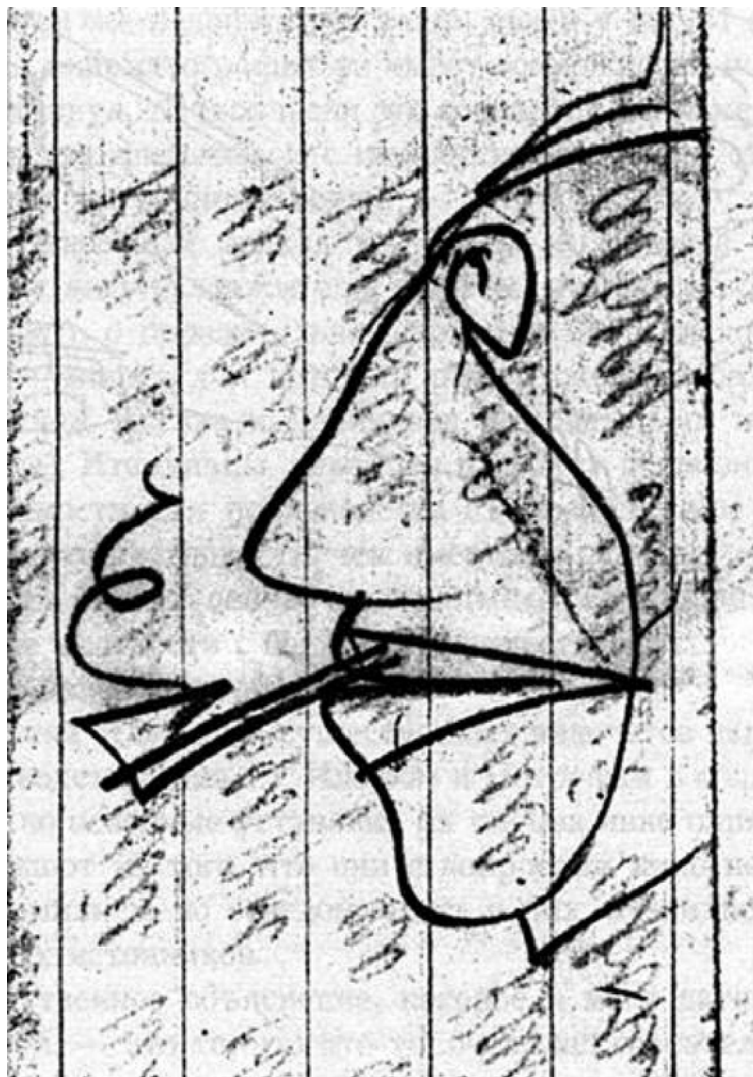
Воробьянинова, говорит Катаев, придумал я. Но Бендер – исключительная заслуга соавторов.

ГИП-ГИП, УРА!

Где ГИП – попросту сокращение: Гоголь, Ильф, Петров.

20. Î îæàò áúòü äâòîîîðòðáò

Èç ðèíí èíá Èëüòá:

21. xâòââòâÿîîèîñ

Ильф, – говорит Петров, – делал смешные и совершенно неожиданные заголовки. Запомнился мне такой: «И осел ушами шевелит».

Между прочим, первая книга Петрова называлась «Шевели ногами».

22. Î ù îâââèè

В «Гудке», – повествует Катаев, – собралась компания молодых литераторов, которые впоследствии стали знаменитыми писателями, авторами таких произведений, как

Белая гвардия, Дни Турбиных, Три толстяка, Зависть, Двенадцать стульев, Роковые яйца, Дьяволиада, Растратчики, Мастер и Маргарита...

Вот так, через запятую: В. Катаев, «Растратчики», М. Булгаков, «Мастер и Маргарита».

23. А о і ади ѳ

Евгений Петров под

давлением старшего брата – Валентина Катаева, написал рассказ. Валентин Петрович пошел в редакцию и объявил:

– Если вам даже не понравится, все равно надо публиковать. Понимаете – надо! От этого зависит судьба человека.

Напечатали...

24. Аафò

Ольга Петровна У рассказывала по случаю, как земляк Ильфа – молодой одессит Сема Кирсанов – выступил со стихами.

– Кто ваши любимые авторы? – спросили его.

– Хлебников, Маяковский, Петников.

– А Пушкин?

Ольга Петровна подержала паузу и произнесла как бы басом, подражая Семе (Семену Исааковичу) Кирсанову:

– Не слышал такого.

И тогда откуда-то сверху, из амфитеатра, раздался тихий и внятный голос:

– Пошел вон.

Это сказал Ильф.

25. Ааїїòòааеа

Композитор Богословский отбил соавторам телеграмму, что сочиняет оперу «Двенадцать стульев».

Кстати, – писал Богословский, – не пугайтесь моего возраста: мне 18 лет.

26. А́а:аде́й еа́

На дверях столовой Ильф начертал: ПИЩЕПРИЕМНИК. А в бывшей гостиной: ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ. СТАНЦУЙ И ТЫ! И подвыпив (или изображая пьяного), приставал к Юрию Карловичу Олеше:

– Юра, станцюемо хвокстрот!

27. Çãñãĩ÷íãÿ êãðòéí êã

На фото – долгоносый Петров, хитро ощеренный, с острым, режущим, «светловским» подбородком, и круглолицый курносый Ильф совершенно арийской внешности.

– Ну, кто еврей? – спрашивал Валентин Катаев.

И рассказывал о Маяковском, который твердил наизусть шуточные стишки Ильфа (до самой смерти не мог развязаться):

Ī ãðé Āãðãééé, –

Ī áããðãé ëè?

Ī ðéí á:ãí êã

Марк Аврелий – римский император, философ. Один из псевдонимов молодого Ильфа.

28. Ñãÿòíáí èñãí êã

...Отец стоит рядом со мной, поправляя пороховые усы...

Такого отца надо презирать. Но я чувствую, что люблю его...

30. Èç í èññ à

Арье Беньяминовча Файнзильберга

Одесса, 19 января 1930 года.

...Теперь, дорогой, я предъявляю тебе претензию, вытекающую из следующих обстоятельств, а именно: ты припаял мне звание духовного раввина да еще со снятием чего-то... а также придал моим усам запах пороха и селитры...

Í ðèì á-àí èá

Отец Ильфа – Арье Беньяминович Файнзильберг – был до революции банковским служащим.

31. Çääññ ì ù æèâñ

Ильф говорил:

– Одесса – единственный город, где, проснувшись утром, вы слышите со двора: «Детей, идите кушать яиц!»... Тут-то и понимаете, куда попали.

32. Í àðèæ

Соавторы восхищались с неподражаемой южной интонацией:

– Тот город!

33. *Èí ò áðð àéñò, èèè Èñòí-í èé*

Никто не даст нам избавленья –

Ни Бог, ни царь и ни герой.

Добьемся мы освобожденья

Своею собственной рукой.

Так вот откуда – из партийного гимна, – неувядаемая шутка: ДЕЛО СПАСЕНИЯ УТОПАЮЩИХ – ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ.

34. *Óñéñò úé è éðáñé áíé í áðí èøá*

Так будущая поэтесса Аделина Адалис (Ефрон) говорила будущему Ильфу: «Вы красивый и толстый»...

35. *Áððò èí ÿ èçí áí è áø èí ñÿ èèöíì ...*

Ильф раздобыл книгу о смерти Льва Толстого. Телеграмма, которую великий комбинатор направил подпольному миллионеру, – оттуда: ГРАФИНЯ ИЗМЕНИВШИМСЯ ЛИЦОМ БЕЖИТ ПРУДУ. Это журналистская реплика о Софье Андреевне...

36. *Ó ò ááÿ áñÿ ñ èí à ááéáÿ (ðááí-á éðáñò ñÿí ñèé þí íð)*

– Ты что, Коля, всю ночь работал?

– Нет... почему?

– У тебя вся задница в морщинах!

37. *Í áðáí áðéà è í ðéí áðéà*

Какая-то «старорежимная» бабулька, по милому выражению – «из бывших», перевела с французского Douse chaises («Двенадцать стульев») и принесла в редакцию. Когда ей показали оригинал, местную книгу, она изумилась:

– *C'est pas possible que cela publie' chy nous!* (Не может быть, чтобы у нас напечатали!)

38. *Áèéþçèè*

Переиздавали «Двенадцать стульев», и глава с людоедкой Эллочкой вызвала нарекания. Неудобно-де сравнивать советского человека с африканским дикарем из племени «мумбо-юмбо».

– Ага, – сказал Ильф, – здесь скрытая рифма – бомба.

Пикейные жилеты присутствуют не только у молодых смешливых соавторов, но и много позже – у Арсения Александровича Тарковского в стихотворении «Поэт» о не названном Осипе Мандельштаме:

Òàè àéîçèò íí jéðàí ó
Ñ ðààðàí ñàì è, èàè ñì üýí ó
Ñòàðùé èéíóí á èíò àééá
È, èàè òðàçàíé, íðý:àò ðàí ó
Í íá æèèàòéíé èç í èéá
43. Í í àñí àý öèò àòà

«Мне скучно строить социализм, – говорит Остап Бендер. – Что я, каменщик в фартуке белом?»

Последняя фраза отсутствует во всех изданиях, кроме первого. Вероятно, редакторы оберегали нас от хрестоматийного стихотворения Валерия Яковлевича Брюсова:

Èàì áí ùèé, èàì áí ùèé á òàðò óéá
ááéíì,
× òí òú çàñíí ñòðèèòü? Èíì ó?
- Ýé, í á ì àçàé í àì ! Í ù çàíýòú
ááéíì,
Ñòðèèì ì ù, ñòðèèì òððü á..
44. Ñòíèü àíèãá í òñòò ñòàéá

В «Двенадцати стульях» действует «король юмора» Изнуренков, прототип которого – Михаил Александрович Глушков – работал в «Гудке». Однажды пришел на собрании, где *кто-то* доказывал *что-то*, ссылаясь на авторитет брата.

– Знаем мы вашего брата! – крикнул Глушков... и вернулся в Москву через двадцать лет.

Брат *кого-то* служил на Лубянке.

45. Ááéíì íðéáí àé

На митинге выступал заключенный:

– Только советская власть могла осуществить это грандиозное сооружение!

– Конечно, – кивнул Ильф. – Когда его забирали, он, вероятно, бил себя в грудь: «Только советская власть умеет так хорошо и быстро раскрывать преступления!»

46. Nò ðíéèà í í-ñ áàò ñéè

– Выроют котлован, – сказал Ильф, – и ведут там общественную работу.

47. × áðáí: óð

«Золотой теленок» печатался в толстом журнале весь 1931 год. Тогда же, с предисловием Луначарского, появился на книжном рынке.

Только по-английски. В Америке.

Роман, – предупреждали издатели, – слишком смешон, чтобы выйти на родине.

Далее на американской обложке стояло:

Несмотря на предисловие советского наркома, товарищ Сталин опасается, что «Золотой теленок» недостаточно серьезно относится к пятилетнему плану, в результате чего Америка первой знакомится с публикацией этого поразительно смешного романа.

Ильф и Петров оправдывались в «Литгазете»:

Роман, от первой и до последней строки, напечатан в журнале и готовится к выходу отдельной книгой.

Книга, действительно, вышла. Благодаря, по слухам, вмешательству Горького.

48. Í àò èáí èà

В середине века считалось, что от советской литературы останутся: «Тихий Дон» Шолохова, «Василий Теркин» Твардовского и диалогия Ильфа с Петровым (тогда полузапретная).

Так, в общем, и вышло. Шолохов – Нобелевский лауреат, «Теркиным» восхищался Бунин, а Ильфа с Петровым превозносил Набоков.

Исследователи полагают, что автомобильные странствия Гумберта Гумберта («Лолита») навеяны «Одноэтажной Америкой» и «антилопой гну» (*Автопробегом по разгильдяйству и бездорожью!*)

Набоков, несомненно, читал первое американское издание, которое оповещало:

Остап Бендер с тремя помощниками... в трясущейся автоколымаге... путешествует по России, что разворачивается, как карта, под колесами их фантастической колесницы.

49. Èç í òèòèàèüü ûó áíéóí áí ò íá

В романе «Золотой теленок» приводятся ругательства врагов советского строя по адресу великих учителей рабочего класса. Там, например, содержатся такие строки:

...Побирухина вычистили из учреждения. От волнения он потерял аппетит, отказываясь обедать. Ходил по городу, останавливал знакомых и произносил одну и ту же полную скрытого сарказма фразу:

– Слышали новость? Меня вычистили по второй категории.

Некоторые знакомые сочувственно отвечали:

– Вот наделали делов эти бандиты Маркс и Энгельс!

Поздняя сноска:

Некоторые исследователи полагают, что молодые соавторы развернули здесь фразу из Достоевского: «Он останавливал прохожих и слогом Марлинского просил вспоможения».

50. Í î øéúá çàì á:áì èÿ á áóóá èçäááèè è çááî ñèàèúñò áà

Такую оценку получила дилогия уже после смерти соавторов. Маститый критик, по указанию свыше, разразился погромной статьей. Оба, дескать, романа суть не что иное, как *путешествие Остапа Бендера в страну дураков*.

Занятно, что данная формула жива до сих пор – единственное, что осталось от маститого критика.

51. Óáñ è áó!

– Это неприятно, но факт, – говорил Ильф. – Великая страна не имеет великой литературы.

52. Í à èðàþ

Чехов перед смертью попросил шампанского и сказал по-немецки: «Ich sterbe» (я умираю).

Больной Ильф вспомнил об этом в ресторане, заказывая бутылку шипучки... Когда принесли, грустно сострил:

– Шампанское марки «Ich sterbe».

53. Í î ñèááí ÿÿ øóóèà

– Так мы и умрем, – сказал Ильф, – под песни Дунаевского на слова Лебедева-Кумача.

54. Áèàæáí, èò î ñîááí ÿ

Осенью 1936 года Николай Иванович Ежов стал наркомом внутренних дел.

Ильф, прямо как угадал, – скончался на следующую весну. За одну только машинку с турецким акцентом...

И сидели б они с Петровым друг против друга. Вот тут бы, пожалуй, открылось, почему пишут смешно и как работают вместе.

55. *Èç äí äáí èèà Áèáí ú Nádäááí ú Áöëäéí äí é*

14 апреля. Тяжелое известие – умер Ильф. У него был сильнейший туберкулез.
15 апреля. Позвонили из Союза писателей, позвали Михаила Афанасьевича в караул почетный к гробу.

56. *...È ò èáí üý áááè è ò*

Меня поразило, – вспоминал современник, – что Ильф весь не умер. Петров как бы носил его в себе. И этот бережно сохраненный Ильф прорывался порой своими «ильфовыми» словами и даже интонациями. Такое слияние до сих пор можно наблюдать в «Одноэтажной Америке». Там двадцать глав написаны Петровым, двадцать – Ильфом и семь – совместно. Но где чье перо – не отличишь.

57. *Òàí èèüü ú á ÷ á ò ù*

Петров, – говорит очевидец, – стал похож на Ильфа, как мы в старости повторяем родителей.

58. *Ðíáñò ááí í èèè, èèè Áçàí áí ýí è èí äñ*

– Вы дочь Ильфа и Петрова? – спрашивают Александру Ильиничну Ильф.

И она бестрепетно отвечает:

– Да.

Í ò è è í ä è á í è á

Èç Çáí ÈÑÍÈ Í ÁÒÐÍÁÁ, í ò è ñ á ò ñ è í é ä è ñ ò è í á í á í ÷ á ò á í ú ò

Í í ä ä ä

После девятьсот пятого в России окончательно испортился климат.

Í ò è ò í ä á í í ñ ò ü í á ò è è

Надпись под деревом в Никитском ботаническом саду: «Лжекаштан конский». Мне нравится... Жаль, что в жизни так не бывает. На дверях кабинетов не висят таблички: «Назаров – лжепредседатель по делам искусств» или «Ставский – лжеответственный секретарь Союза писателей».

Çàí á ÷ á í è á ñ í ò è ì á ÷ á í è á í

Не скажу про Назарова, а Ставский – реальное лицо. Читай о нем в Краткой литературной энциклопедии...

Но куда реальной, по-моему, *зип-председатель Фунт* из «Золотого тельца». Помню, как исполнял эту роль Владимир Лепко. Его спрашивали насчет «Геркулеса» (с ударом на последнее «е»). Лепко растерянно бормотал – и вдруг (с ударом на «у»):

– А-а, «ГеркуУлис», «ГеркуУлис»... так бы и говорили!

В і еєїа́ о́сі ар іі ііоїа́еа

Однажды Ильф сказал:

– Посмотрите, Женя, вон идут Александров (*режиссер*) и Дунаевский (*композитор*). Не идут, а направляются. Вы заметили: есть много людей, которые не ходят, а направляются.

Аіеа́аіе

Мальчики образовали кружок и кидали мяч.

Перед соседним домом дожидались похоронные дроги. Вынесли гроб, выкрашенный масляной краской, под дуб. Дроги тронулись в свой обычный страшный путь. Сзади шла поникшая женщина. Ее поддерживали под руки...

Дроги подъехали совсем близко, но мальчики продолжали играть. И только когда печальная черная лошадка коснулась мордой чьей-то спины, круг распался, по-прежнему не расставаясь с мячом. Никто даже не посмотрел на похороны.

І дèі а-аі еа́ нї çаі а-аі еаі

Другое заглавие – «Эпитафия». Такое комсомольское презрение к смерти не проходит даром. То были первые советские мальчики, которые сплошь полегли на войне.

Еаеіе́еіа́ао́еу́

Ни в одном из современных энциклопедических словарей нет слов: *честь, честность, любовь, верность, преданность*. Когда происходила Октябрьская революция, эти идеалистические понятия были заменены ленинской формулой: *морально то, что полезно пролетариату*.

І ао́а о́аі дèу́ і о́ іі нè о́аеіі і нòè

Обо всем можно условиться, все может стать условным.

Считается, что газета «Правда» – хорошая газета. И потому другие газеты похожи на «Правду». Но о них разрешается говорить, что они плохие газеты. Так и говорят.

Да что толку! Ведь твердо установлено, что «Правда» – хорошая газета, и остальные газеты будут ей подражать.

Между тем «Правда» делается крайне слабо. 90% сотрудников не имеют ни малейшего понятия о газете. Рассказы, как нарочно, печатаются самые скверные. Стихи еще хуже. Рецензии анекдотически плохи. Хроника пишется отвратительным казенным языком. Нет более или менее приличных корреспондентов. Самые интересные события подаются так, что не хочется читать.

Èπò í ð è è í è è σ α í ö ä ö

(è í ò í ð ú á ð à ñ ñ è α ç ú à ð ð ò í í ÷ ú ð , á í í é í í é ò à ì í í ò á á æ á í ñ é ñ ì á à ð à é á)

Есть один такой старичок. Разный старичок. Подходит вдруг к человеку в уборной на вокзале (в уборной все равны) и говорит:

– Я знаю, у тебя нет паспорта. На! Вот тебе паспорт. Бесплатно.

А у других двести рублей берет за паспорт... Разный старичок.

Í è ñ ò á è ü è ç á á ñ ð è ç í ð í ú ö

Сделал на этом карьеру. А в жизни – на практике – у него и мама и папа. Почтенные люди... Папа через суд требует содержания.

Í à ÷ á è ü ì è è è

Одному редактору льстили чрезвычайно тонко: Вы, дескать, похожи на Ленина...

– Стойте, стойте! – кричали с порога, входя в кабинет. – Не двигайтесь! Не шевелитесь! Вот так хорошо!.. Силы небесные, ну вылитый Ильич!

Редактор никогда не отказывал в авансе.

Ñ è ó í à ý è ð à ñ ñ à è ö à

Не позволяет себе волноваться, чтобы не постареть.

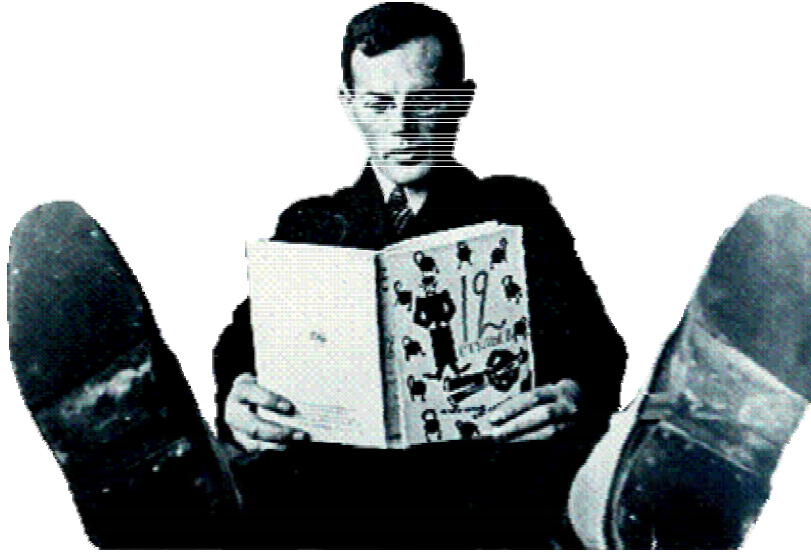
Ñ í à ò ñ è à ý ý é í í ñ è è à

Из дома отдыха отправились в Симферополь просить покрышки для автомобиля. Поездка обошлась в 500 рублей. Покрышки стоят максимум 300.

Какое-то нагромождение абсурда.

È ç ç à ó ñ à

Жена нападает на мужа неожиданно, как Япония, – без объявления войны.

Èëëþñò ðàðèè èç éí èã:

Áããí èé Ì àò ðí à «Ì í é äðã Èëüò».

Ì ., 2001. Ñíñò àãéí è á

è éí ì í áí ò àðèé

Àëäèñáí äðü Èëüéí è: í ú Èëüò

Прогулки по Новодевичьему

Соломон Кипнис

Продолжение. Начало в №113 – 118, 123

Стихи спасали жизнь

После года допросов, пыток еврейский поэт, драматург, переводчик **Галкин Самуил Залманович** (1897 – 1960), арестованный по делу Еврейского антифашистского комитета, членом президиума которого он состоял, был осужден на 10 лет лагерей.

В сибирской шахте, обращаясь к оказавшемуся с ним на каторге поэту Сергею Спасскому, Галкин говорил, что только тот может помочь ему выжить:

– Хотите, чтобы я не умер, тогда читайте каждый день хотя бы по строфе, хотя бы по строке,

которой я не знаю. Не обязательно свое – читайте мне чужое.

А еще продолжал поэт-каторжник Галкин сочинять стихи. И загонял их в память, в память. Ведь только она могла хранить все это: заключенные не имели прав даже на клочок бумаги.

Шли годы. Исчезала надежда на освобождение. Да и память не безгранична – он практически уже «исписал» ее всю. Осознав это, Галкин стал искать выход.

И он нашел... заключенного, знавшего идиш.

Теперь тот стал со слов поэта заучивать его стихи.

...После пяти лет заключения Галкина освободили, реабилитировали. И оставшиеся несколько лет жизни он – больной, измученный – отдал поэзии.

Когда хоронили Галкина, к поэту Льву Озерову на кладбище подошел бородач в ватнике и спросил:

– Вы не родственник? А если нет, то

не знаете ли вы родственников покойного и, может быть, близких друзей?

– Я не родственник. Друг. Переводчик. Чем могу вам помочь?

– Я привез с собой много стихов, продиктованных Галкиным мне. Я запомнил их наизусть. Я – его рукопись, – сказал бородач.

Александров Георгий Федорович (1908 – 1961). Философ. Карьеру сделал стремительную: в 38 лет – академик, с 1940-го по 1947 год руководил Управлением агитации и пропаганды ЦК партии, один из главных борцов с «космополитами», был у вождя в фаворе – получил две Сталинские премии. Семь лет директорствовал в Институте философии Академии наук СССР, затем оказался на высоком государственном посту – министром культуры СССР. Но не надолго...

Кутежи и развлечения с актрисами в дачной обстановке в компании с другими представителями номенклатурного бомонда получили такую огласку, что Центральному Комитету пришлось направлять в партийные организации закрытое письмо об аморальном поведении группы руководящих работников.

Историк Рой Медведев написал об этом просто и ясно: Александров содержал «частный бордель». А в народе родился свой фольклор: «Александров доказал единство формы и содержания: когда ему нравились формы, он их брал на содержание».

Александрова, конечно, освободили от должности министра, вывели из кандидатов в члены ЦК, дали взыскание по партийной линии и отправили работать в Институт философии и права, но уже не в Москве, а в Минске.

(8-6-7)

Зуева Татьяна Михайловна (1905-1969). Деятель значительно более низкого ранга. Но все-таки: заведующая отделом культурно-просветительных учреждений Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета Министров РСФСР, и тоже министр культуры, но РСФСР.

(7-8-5)

יְאִי בּוֹיָא אַאוֹי יְעֹבָבֵב
2 יְעֹבָבֵב

85 лет со дня рождения философа, члена-корреспондента РАН, декана философского факультета Уральского университета, директора Института социологических исследований АН СССР, профессора АОН при ЦК КПСС, автора трудов по социальной структуре социалистического общества **Михаила Николаевича Руткевича** (р. 1917, Киев).

3 ОКТЯБРЯ

105 лет со дня рождения писателя, соавтора (с Е. Петровым) романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», книги «Одноэтажная Америка» и др. **Ильи Ильфа** (наст. имя и фамилия Илья Арнольдович Файнзильберг; 1897, Одесса – 1937, Москва).

5 ОКТЯБРЯ

55 лет со дня рождения предпринимателя, президента компании «Транснефть» **Семена Михайловича Вайнштока** (р. 1947, с. Климауцы Дандюшанского района Молдавской ССР).

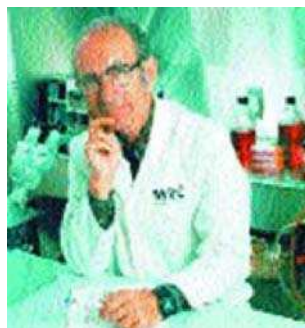
135 лет со дня смерти финансиста, государственного деятеля, члена Академии изящных искусств Франции, министра финансов, первого еврея – сенатора Франции **Ашилля Фульда** (1800, Париж – 1867, Тарб, Франция).

6 ОКТЯБРЯ

50 лет со дня рождения предпринимателя, общественного деятеля, председателя совета директоров компании «Медиа-Мост», президента Российского еврейского конгресса, вице-президента Всемирного еврейского конгресса **Владимира Александровича Гусинского** (р. 1952, Москва).

8 ОКТЯБРЯ

75 лет со дня рождения биохимика, члена Американской академии наук и искусств, разработчика (совм. с Г. Кёлером и Н. Ерне) биотехнологии получения моноклональных антител, секретируемых клеточными гибридами, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с

Г. Кёлером и Н. Ерне) 1984 года **Сезара Мильштейна** (р. 1927, Баия-Бланка, Аргентина).

10 ОКТЯБРЯ

80 лет со дня рождения актера, режиссера, народного артиста России, основателя и художественного руководителя Ленинградского государственного театра «Мюзик-холл» **Ильи Яковлевича Рахлина** (1922, Клинцы Суражского уезда Черниговской губ. – 2002, Петербург).

11 ОКТЯБРЯ

150 лет со дня смерти математика, члена Берлинской АН, сформулировавшего и доказавшего законы взаимности для кубических вычетов бинарных кубических форм, введшего коварианты, автора трудов по теории форм, теории чисел и теории функций **Фердинанда Готгольда Макса Эйзенштейна** (1823 – 1852, Берлин).

15 ОКТЯБРЯ

100 лет со дня рождения актера МХАТа, народного артиста СССР, руководителя Московского театра эстрады и миниатюр, художественного руководителя Всесоюзной студии эстрадного искусства, исполнившего роли Плюшкина («Мертвые души»), Малинина («Любовь Яровая»), адвоката («Анна Каренина») и др., **Бориса Яковлевича Петкера** (1902, Харьков – 1983, Москва).

675 лет со дня смерти (9 Хешвана) раввина и талмудиста, духовного руководителя европейского еврейства, раввина Толедо, автора трудов по кодификации Талмуда и Алохи «Решения Роша» (включается в большинство изданий Талмуда с 1520 года), «Респонсы», «Комментарии к Мишне», «Тосафот» и др. **рабби Ошера бен Ехиела** (Рош, 1250, Германия – 1327, Толедо).

19 ОКТЯБРЯ

20 лет со дня смерти Героя Советского Союза, капитана **Моисея Давыдовича Шахновича** (1918, Староконстантинов Волынской губ. – 1982, Баку).

20 ОКТЯБРЯ

105 лет со дня рождения экономиста, профессора Харьковского инженерно-экономического института и Харьковского университета, разработчика концепции управления промышленностью, идеи которой послужили основой т.н. «косыгинской» хозяйственной реформы 1965 года, автора трудов по планированию и стимулированию производственной деятельности промышленных предприятий **Евсей Григорьевича Либермана** (1897, Славута – 1981).

21 ОКТЯБРЯ

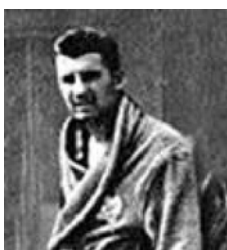
90 лет со дня рождения дирижера и музыкального директора Королевской оперы «Ковент Гарден» в Лондоне, дирижера Чикагского симфонического оркестра, Лондонского филармонического оркестра, **сэра Джорджа Солти** (1912, Будапешт – 1997, Антиб, Франция, похоронен в Будапеште).

23 ОКТЯБРЯ

90 лет со дня рождения физикохимика и биофизика, члена-корреспондента РАН, профессора Ленинградского университета, автора трудов по молекулярной спектроскопии, физике молекул и макромолекул, молекулярной биофизике, лауреата Государственной премии СССР

Михаила Владимировича Волькенштейна (1912, Петербург – 1992, Москва).

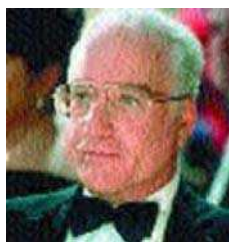
75 лет со дня рождения ватерполиста, обладателя трех золотых (1952, 1956, 1964 гг.), серебряной (1948 г.) и бронзовой (1960 г.) олимпийских медалей по водному поло **Дечё Дьярмати** (р. 1927, Будапешт).

28 ОКТЯБРЯ

60 лет со дня гибели гимнаста, обладателя олимпийской золотой медали по спортивной гимнастике 1896 года **Альфреда Флатоу** (1869, Берент, Германия – 1942, казнен в концлагере Терезина).

29 ОКТЯБРЯ

55 лет со дня рождения киноактера, сыгравшего в фильмах «Американские граффити», «Учеба Дудди Кравица», «Челюсти», «Близкие контакты третьего вида», «Девушка на прощание» (приз «Оскар» за лучшую мужскую роль 1977 года), «Бродяга в Беверли Хиллз», «Алюминиевые человечки», «Всегда», «Что там с Бобом?» и др., **Ричарда Дрейфуса** (р. 1947, Нью-Йорк).

110 лет со дня смерти саблиста, обладателя четырех золотых (1908, 1912 гг.) олимпийских медалей по фехтованию на саблях **Ено Фукса** (1892, Будапешт – 1955).

30 ОКТЯБРЯ

65 лет со дня рождения кинорежиссера, продюсера, поставившего фильмы «Мужчина и женщина» (главный приз МКФ в Канне, приз «Оскар» за лучший фильм 1966 года), «Жить, чтобы жить», «Приключение – это приключение», «Добрые и злые», «Да здравствует жизнь», «Прекрасная история», «Отверженные» и др., **Клода Лелуша** (р. 1937, Париж).

ИЗ НАШЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция журнала «Лехаим»!

Уже несколько месяцев прошло с тех пор, как в одном из ваших номеров я прочла рассказ Григория Кановича «Свет немеркнувшей печали», и не могу забыть то, о чем там написано. Печаль эта светлая и действительно немеркнущая. Так близко она коснулась моего сердца, все так похоже на то, что произошло со мной, с нашей семьей.

Я родилась в Белоруссии около Бобруйска. Там жила моя семья: родители и мы, трое детей. Перед войной брату было 8 лет, сестре – 5, а мне 2 года. Родители в течение десяти лет, отказывая себе во всем, строили дом. В 1941 году он был готов, осталось лишь кое-что доделать. Но началась война, и наша семья пешком ушла из местечка. Еще только две семьи тоже ушли, остальные, по-видимому, не верили, что фашисты подчистую уничтожают евреев. Всех настигла судьба шести миллионов наших соплеменников, сгоревших в пламени Холокоста.

Наша семья с большим трудом добралась до Узбекистана, до сельской местности в Андижанской области. Родители стремились туда, так как мы ушли абсолютно без вещей, в чем были. Отец был в командировке, а мать с тремя детьми не могла взять с собой никаких вещей. В этом теплом «хлебном» краю познали мы полной мерой холод, голод, бездомность. Отец был мобилизован в армию, а мать с больным сердцем билась, чтобы как-то прожить, прокормить детей. Не вынеся тягот и лишений, она умерла. Мы с сестрой были дошколята, и нас определили в дошкольный детский дом, а брат был уже школьник, и его не взяли. Он какое-то время был беспризорником, пока в 1945 году за нами не приехал отец.

Он увез нас, думая, что нас приютит сестра матери, которая была в эвакуации в Свердловске. Но она не смогла взять на себя такую обузу, у нее было своих двое маленьких детей и сестра-калека. Снова мы попали в детский дом, так как отец должен был вернуться в мостопоезд, на свою военную службу. Демобилизовался он только в 1947 году, вместе с ним в мостопоезде был наш старший брат, а мы с сестрой выросли в детском доме в маленьком глухом городке на Урале. Там я закончила в 1953 году семилетнюю школу.

После этого нас привезли к отцу в Бобруйск. У нас не было жилья. Наш новый дом был занят теми, у кого не было необходимости спастись от немцев. Семья, с которой мы его вместе построили, тоже сгинула в эвакуации, осталась одна их 17-летняя дочь. Ничего не смогли мы доказать в 1947 году, дом был потерян. Мне пришлось все же пожить в Бобруйске 4 года, я училась в техникуме. Жили мы без матери вчетвером очень трудно, все учились, ютились по чужим недобрым углам. Каждый день на занятия я ходила мимо «своего» дома, смотрела на окна, и мне казалось, что там живут очень счастливые люди. После окончания техникума я уехала по распределению в Сибирь и больше не вернулась в свой родной, такой не ласковый к нам город. Мы так и не построили больше своего Дома, где могли бы собраться вместе...

Сестра живет в Брянске, а брат – в Германии. Думал ли он, что придется доживать свою жизнь там? Но в Германию уехали его дети, не знающие войны (той войны), они хотели дать нормальную жизнь своим детям. А в Белоруссии такой

возможности не было. Ничего не оставалось брату, как уехать вслед за своими детьми и внуками. Брат пишет, как они там хорошо живут, а я этого не приемлю, все мое существо бунтует, я не могу забыть печальную участь нашей матери и нас всех. Много наших ближайших родственников было убито в Бобруйске и Минске. Мой единственный 22-летний сын в 1997 году уехал в Израиль, вот это «возвращение» я одобряю.

Ń óààèáí èáì ,

Ńí ôüŷ Đàòì àí èèí à

Óèüŷí í àñè

Уважаемый господин редактор!

Я с опозданием получил журнал «Лехаим» № 11 за 2001 год. На стр. 69 мое внимание привлекла публикация ровесницы Великого Октября Мирьям Гитман из Днепропетровска, участницы Великой Отечественной войны. Как врач я не могу предъявить претензии к столь почтенной матроне, в голове которой смешалось больше, чем в толстовском доме Облонских...

Но к Вам у меня серьезные претензии.

Я родом из г. Тульчина Винницкой области. В 1941 году мне было 12 лет, мы эвакуировались, но неудачно. Пришлось вернуться. Моя семья попала в еврейский концлагерь «Мертвая петля», что в Печерах Тульчинского района. Там от голода в возрасте 43 лет умерла моя мама и по моим подсчетам, – около 80 родственников (см. S. Sch. Umanskij. Judisches Glück. Frankfurt a/M., 1998). Я чудом остался в живых. 11 узников концлагерей и гетто (ассоциация Эстонии) и я убеждены, что если бы не СССР и тов. И.В. Сталин (см. высказывания о нем У. Черчилля), то не было бы ни Вас, ни нас, ни Государства Израиль... Неразумно верить в наличие хотя бы в одной стране мира демократии. Это миф... Кроме того, если бы в 1932 году демократическая партия Германии в пику компартии Э. Тельмана не сблочноковалась с НСДАП Гитлера, то он бы не пришел к власти, не было бы Холокоста, а капиталистам Рузвельту и Черчиллю не надо было бы ездить на поклон к коммунисту Сталину, чтобы разбить фашистов... Ни одна «демократическая страна» (включая США, Англию и т.д.), когда евреи Германии бежали от Гитлера, не впустила их к себе, и они вынуждены были вернуться в Рейх... Тем самым эти страны предоставили Гитлеру карт-бланш на «окончательное решение» еврейского вопроса... После первой мировой войны и особенно перед провозглашением Государства Израиль (кстати, Сталин первый признал это государство) Англия, имевшая мандат на Палестину, открыла все двери и окна для эмиграции в Палестину арабов, которые стали «настоящими палестинцами», а для евреев ввела квоту – 75 тысяч человек в год. «Излишки» приезжавших в Палестину беженцев «демократическая» Великобритания заключала в концлагеря, подобно фашистским... Вот так Англия привила провозглашенному Государству Израиль своего рода раковую опухоль, постоянно кровоточащую... Думаю, Вы видите, как «традиционно демократические» (а я бы сказал, антисемитские) страны – США, Англия, Франция, Италия, Польша и др. – пекутся о судьбе бедного Арафата и так называемых палестинцев.

Я, по-видимому, старше Вас. Убежден, что особенно мы, евреи, не должны забывать: только СССР под руководством И.В. Сталина спас еврейство – что бы ни говорили «друзья» и «враги».

Поэтому: не надо позорить еврейскую нацию подобными публикациями. Они наносят больший вред, чем «жиды» в лае Макашова. Достаточно одной фразы этой дамы: «Германия... никогда не была антисемитской».

Думаю, это Ваш просчет как главного редактора уважаемого журнала.

О себе. Я – выпускник Ленинградской военно-морской медицинской академии. Последние 30 лет работал врачом, 22 года – профессор. Живу в Таллине, где значительно сложнее, чем у Вас.

Õàì áí Õì áí ñèèé,

Õàèèèí